

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

2

МАРТ-АПРЕЛЬ

"НАУКА"
МОСКВА – 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова (Москва). Фреймовый подход к лексической типологии	3
Анна А. Зализняк (Москва). Семантический переход как объект типологии	32
А. Гаттнар (Тюбинген). Конкуренция видов глагола в итеративных контекстах в зависимости от типа и позиции квантификатора.....	52
Е.Н. Никитина (Москва). Субъектные нули и перцептивный модус (к вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке)	69
М.Л. Кисилер (Санкт-Петербург). Новогреческая диалектология: достижения и проблемы	83
А.П. Выдрин (Санкт-Петербург). Две конструкции возможности в осетинском языке ...	99
М.М. Бурас, М.А. Кронгауз (Москва). Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика	121

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

М.В. Шкапа (Москва). <i>P. Suihkonen, B. Comrie, V. Solovyev (eds). Argument structure and grammatical relations: A cross-linguistic typology. Amsterdam: John Benjamins, 2012 .....</i>	132
В.С. Люсина (Москва). <i>M. Maiden, J.Ch. Smith, M. Goldbach, M. Hinzelin (eds). Morphological autonomy: Perspectives from Romance inflectional morphology. Oxford: Oxford university press, 2011 .....</i>	135
Е.В. Вельмезова (Лозанна). Эволюция ценностей в языках и культурах / Отв. ред. И.А. Седакова. М.: Пробел-2000, 2011	142
К.А. Кожанов, М.В. Ослон (Москва). <i>В.В. Шаповал. Цыганизмы в жаргонных словарях. Критерии достоверности описания. Saarbrücken: Lambert academic publishing, 2011 ...</i>	146

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М.М. Макарец (Москва). Конференция «Природа эвиденциальности» («The nature of evidentiality») и круглый стол «Документирование эвиденциальности» («Documenting evidentiality»). Лейден, 2012	150
Н.В. Патроева (Петрозаводск), А.С. Кулева (Москва). Международная конференция «Русистика в начале третьего тысячелетия: проблемы, итоги, перспективы»	154
К.А. Кожанов (Москва), С.А. Оскольская (Санкт-Петербург), М.В. Ослон (Москва). Рабочее совещание по цыганскому языку в России	157

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, Н.Б. Вахтин, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), М.Д. Воейкова, Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, М.М. Маковский, А.М. Молдован, Т.М. Николаева (главный редактор), В.И. Подлесская, В.А. Плузган (отв. секретарь), Е.В. Рахилина

Зав. отделами: *Т.В. Зайцева, А.С. Кулева, М.М. Маковский, М.В. Шкапа*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Редакция журнала «Вопросы языкознания»
Тел. (495) 637-25-16

Интернет-сайт журнала находится по адресу:
www.ruslang.ru, см. раздел «Издания»

© 2013 г. Е.В. РАХИЛИНА, Т.И. РЕЗНИКОВА

ФРЕЙМОВЫЙ ПОДХОД К ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ*

В статье обсуждаются принципы системного сопоставления лексики, которые могут служить основой для масштабных сравнительных описаний большого числа языков. Утверждается, что типологические закономерности в семантике можно обнаружить, исследуя сочетаемое поведение слов в контексте характерных для них конструкций. Статья обобщает опыт применения данного подхода к нескольким семантическим областям (предикаты плавания, вращения, боли; качественные признаки и др.).

Ключевые слова: лексическая типология, лексическая семантика, семантический переход, метафора, метонимия

The article discusses the principles for systematic cross-linguistic studies in lexical semantics, which could provide a framework for large-scale comparative analyses in a great number of languages. It is claimed that typological regularities can be revealed by examining the lexical combinability and contextual restrictions on words under comparison. The article generalizes the experience of using this approach to several semantic domains (aqua-motion, rotation, pain verbs, adjectives of quality, and others).

Keywords: lexical typology, lexical semantics, semantic shift, metaphor, metonymy

ВВЕДЕНИЕ

Лексическая типология набирает силу как самостоятельная область синхронной лингвистики. Об этом свидетельствуют сразу несколько тематических обзоров, вышедших в последнее время, см. [Рахилина, Плунгян 2007; Evans 2011] и в особенности [Kortjevskaja-Tamm 2008]. Все они отражают тот неоспоримый факт, что становится все больше исследователей и исследовательских групп, которые занимаются сопоставлением лексики одного и того же временного среза не в двух, а сразу в десятке или нескольких десятках языков (ср. [Viberg 1983; Newman (ed.) 1998; 2002; 2009; Blank, Koch 2000; Goddard, Wierzbicka (eds.) 2002; Levinson, Wilkins (eds.) 2006; Majid, Bowerman (eds.) 2007; Majid, Levinson (eds.) 2011] и др.). Одновременно существенно расширяется круг семантических областей (лексических классов), которые становятся объектом таких сопоставлений: наряду с давно ставшими традиционными цветообозначениями, именами родства или частями тела (см. подробнее в [Kortjevskaja-Tamm 2008]) сейчас уже «осваиваются» такие сложные семантические зоны, как предикаты позиции [Newman (ed.) 2002], способа движения [Майсак, Рахилина (ред.) 2007; Kortjevskaja-Tamm et al. 2010], разрушения [Majid, Bowerman (eds.) 2007], еды и питья [Newman (ed.) 2009], перемещения объекта [Кореска, Narasimhan (eds.) 2012], а также пространственные отношения [Levinson, Wilkins (eds.) 2006], память [Amberber (ed.) 2007] и др.

Между тем, как кажется, самый существенный результат последних лет состоит в ясном осознании того, что исследования в этой области могут стать продуктивными

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 11-06-00385-а). Авторы выражают глубокую признательность Л.С. Холкиной за помощь в подготовке статьи.

только тогда, когда описания разных языков будут следовать единому теоретическому подходу, единой методике и единому плану описания – как это принято в типологии вообще. Именно в этом случае можно будет получить главное: сопоставимые результаты по разным языкам, а вместе с ними и представление о том, в какой степени правомерна идея о системности лексики и универсальности принципов ее организации в человеческом языке в целом. На сегодняшний день на этом пути есть бесспорные достижения – и здесь мы отметим два: работы психолингвистической школы института им. Макса Планка в Неймегене и подход, который в свое время предложила Анна Вежбицкая [Wierzbicka 1972; 1996].

Первое направление применяет экспериментальную методику, восходящую к работам по изучению цветообозначений Брента Берлина и Пола Кея [Berlin, Kay 1969]. Согласно этой методике, исследователи собирают языковые (т. е. лексические) реакции носителей разных языков, которым предъявляется один и тот же набор внеязыковых стимулов: набор табличек разных цветов (если изучают цветообозначения, см. [Majid, Levinson 2007]), набор характерных образцов с запахами или вкусами (если изучают обоняние и вкус [Majid et al. 2007; Senft et al. 2007; Majid, Levinson (eds.) 2011]), набор видеоклипов, описывающих разные варианты ситуации разрушения, – ср.: «разорвать тряпку на две части руками», «переломить палку через колено», «разрезать морковь ножом поперек на несколько частей» и т. п. (как в проекте о глаголах, объединенных в единый класс под общим названием «cutting & breaking», см. [Majid, Bowerman (eds.) 2007]) и т. д.

Представители второго направления (сегодня оно развивается в трудах Клиффа Годдарда и других коллег и учеников Анны Вежбицкой, см. [Goddard, Wierzbicka (eds.) 1994; Goddard 1998; Goddard (ed.) 2008; Гладкова 2010]) реализуют идею великих философов прошлого о естественном семантическом метаязыке (Natural Semantic Metalanguage – NSM): небольшом (порядка 60 единиц) наборе метаязыковых «слов-смыслов», из которых можно было бы «сложить» любое понятие любого языка, истолковав его значение с их и только их помощью. Сами толкования опираются при этом на интроспекцию исследователя, а в качестве элементарных «слов-смыслов» выбираются те, для выражения которых в любом языке можно найти некоторую лексическую единицу.

Обе школы имеют историю и большой опыт типологической работы – и, конечно, все перечисленные выше обзоры подробно описывают их теоретические и методологические принципы, есть и специальные рецензии, им посвященные (см. [Апресян 1995; Geeraerts 1988; 1993; Плунгян, Рахилина 1996; Goddard 2001] и др.), так что мы не будем утомлять читателя их пересказом.

В этой статье мы представим свой – альтернативный – подход к лексической типологии, который условно можно назвать *фреймовым*. Этот подход основан на опыте Московской лексико-типологической группы (MLexT)¹ и уже давно применяется на практике – при описании лексико-семантических зон, причем на достаточно представительных выборках. В описании нашего метода мы будем опираться на материалы уже законченных или близких к завершению проектов (ср. [Майсак, Рахилина (ред.) 2007; Брицын и др. (ред.) 2009; Круглякова 2010; Reznikova et al. 2012] и др.). Главный принцип, на котором построены наши исследования, восходит к идеям Московской семантической школы (см. прежде всего [Апресян 1974/1995]) о том, что семантические свойства лексики любого языка проявляются в их сочетаемости как «языковом поведении»: исследуя сочетаемость, их можно реконструировать и затем сравнить, используя тот набор средств, которым привыкли пользоваться типологи-грамматисты.

---

¹ В разные годы в составе MLexT работали П. Аркадьев, А. Бонч-Осмоловская, Е. Бугаенко, М. Бухтеева, К. Галиченко, А. Иванова, Е. Иванова, Е. Исаева, Е. Кашкин, Е. Козлова, А. Костыркин, В. Круглякова, Ю. Кузнецова, К. Кузьмина, М. Кюсева, А. Летучий, Е. Лучина, Т. Майсак, С. Мерданова, Л. Наний, П. Новичков, Е. Павлова, А. Панина, О. Панова, Е. Парина, А. Подлипенцева, Е. Рудницкая, Д. Рыжова, А. Сорокина, И. Стенин, М. Тагабилева, Л. Холкина, Л. Хохлова, В. Цуканова, М. Шапиро, О. Шеманасва, Е. Якушкина.

Мы приняли этот принцип потому, что, как нам кажется, он дает некоторые преимущества при лексико-типологическом описании, расширяя его возможности – в частности, по сравнению с двумя только что упомянутыми подходами. Действительно, психолингвистическая методика, основанная только на внеязыковых стимулах, не позволяет описать, например, типологию внутренних, субъективных реакций, таких как болевые состояния или эмоции. Метод NSM неудобен, как кажется, для тех областей, в которых тот или иной язык обнаруживает большое число квазисинонимов. Кроме того, ни тот, ни другой подходы не применимы для исследования семантических переносов. Понятно, что эти описательные «лакуны» не случайны: они обусловлены особенностями задач, которые ставятся и решаются в рамках каждого из подходов, и тем пониманием лексической типологии, которое каждому из них присуще. Тем не менее, как нам представляется, лексическая типология в целом должна справляться и с описанием любых семантических зон, и с объяснением взаимосвязей между ними, т. е. сдвигов значений. В этой статье мы покажем, что фреймовый подход успешно решает эти задачи, получая, таким образом, определенное преимущество перед двумя другими.

Дальнейшее изложение будет строиться так. В первом разделе мы обсудим, как формулируются задачи лексической типологии в рамках нашего подхода, во втором мы детально представим методику нашей работы с лексикой разных языков, а в третьем разделе речь пойдет о роли семантических сдвигов в лексико-типологических исследованиях.

1. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ: ОСНОВЫ И ЗАДАЧИ

Как уже было сказано, суть нашего подхода – в соединении практики признанной школы лексико-семантического анализа (МСШ) с (тоже общепризнанными) образцами грамматической типологии. Задача этого раздела – показать, что такое соединение не только возможно, но и в некотором смысле естественно, потому что представления об устройстве языка, которые лежат в их основе, как мы увидим, достаточно близки. В разделе 1.1 мы обсудим те возможности, которые дает нам парадигма МСШ, и ограничения, которые она устанавливает. Эти ограничения могут быть преодолены с помощью инструментов, выработанных типологическими описаниями грамматических значений, которые мы коротко представим в разделе 1.2.

1.1. Московская семантическая школа

Московская семантическая школа занимается лексико-семантическими исследованиями с 1960-х гг. и имеет достаточно большой вес в мировой лингвистике. Ее главный (и очень мощный) инструмент семантического анализа – это сравнение значения лексемы со значениями ее ближайших синонимов, недаром классическая книга Ю.Д. Апресяна «Лексическая семантика» [Апресян 1974/1995] носит подзаголовок «Синонимические средства языка». Важнейший вывод, полученный МСШ, состоит в том, что синонимов в точном смысле этого слова нет ни в одном языке, есть только квазисинонимы. Об этом свидетельствуют созданные представителями этой школы многотомные словари – как русского языка [ТКС; НОСС], так и двуязычные [Апресян и др. 1979; Mel'čuk et al. 1999]. Лексикографическое описание в этих работах опирается на семантические признаки, выявленные при сравнении сочетаемости квазисинонимов. Для того чтобы найти эти признаки, нужно исследовать взаимозаменяемость сходных лексем в одних и тех же контекстах и проанализировать природу наблюдаемых запретов.

Опыт двуязычных словарей, построенных на тех же принципах, свидетельствует о том, что переводные эквиваленты можно рассматривать как простое расширение класса квазисинонимов. Значит, такая процедура может быть применена и для широкого типологического исследования (правда, ее трудоемкость в этом случае, конечно, возрастает).

Однако сама МСШ не ориентирована на типологию: это школа лексикологов и лексикографов, которые, с одной стороны, в теоретических работах настаивают на том, что лексика организована как система, высоко мотивирована и в ее основе лежат понятные человеку когнитивные принципы [Апресян 2009]. Но с другой стороны, главная практическая цель МСШ – это очень подробные описания каждой отдельной лексемы (так называемые лексикографические портреты) и каждой синонимической зоны для создания новых словарей.

Между тем, если верить, что лексика не просто образует внутриязыковую систему, но что похожим образом устроенная система есть и в других языках, то возникает другая задача: как упорядочить полученные признаки, как их сравнить и как увидеть в них ту сеть значений, которая могла бы служить основой для лексико-типологического описания.

1.2. Грамматическая и лексическая типология

Второе направление, на которое мы опираемся в поисках методов и инструментов описания, – это грамматическая типология. В отличие от лексической, она развивается уже несколько десятков лет и выработала свои «образцы для подражания» в сопоставительном исследовании – прежде всего касающиеся грамматических категорий, ср. классические работы [Comrie 1976; 1985; Bybee, Dahl 1989; Corbett 1991; 2000; Aikhenvald 2000] и др.

Согласно современным представлениям, существует универсальный набор элементарных грамматических смыслов [Bybee, Dahl, 1989: 51–52; Плунгян 2000: 233–238], который участвует в формировании грамматических значений в каждом конкретном языке: язык как бы выбирает из этого набора то, что он «считает нужным» для своей грамматической системы. Полученные в результате множества грамматических смыслов в разных языках могут существенно отличаться. Кроме того, грамматические значения нередко совмещаются: один и тот же показатель может кодировать целый пучок элементарных смыслов, как бы «склеивая» их. Типологи считают, что такого рода совмещение обычно следует определенной (когнитивной) стратегии, а она может быть разной у разных языков; ср. [Плунгян 2000; Haspelmath 2003].

Поэтому свои главные задачи современная грамматическая типология определяет как описание универсального набора грамматических значений (А) и выявление стратегий их совмещения, которые реализуются в конкретных языках (В).

Если считать, что проблематика грамматической типологии моделирует проблематику лексической, то, соответственно, в число своих первоочередных задач мы должны включить: формирование универсального набора **лексических** значений (А) и описание стратегий их совмещения в языках (В). Эти задачи мы коротко представим по очереди в следующих двух подразделах статьи.

(А) Универсальный набор: признаки и оппозиции

В отношении набора универсальных значений мы действуем вслед за типологами-грамматистами, с той разницей, что в грамматическом поле значений обычно мало: всего три лица, как правило, два-три числа (единственное-множественное-двойственное), три времени и т. п. Если значений много, как в аспекте, модальности или пространственной ориентации, то они в основном хорошо структурированы: наряду со значением удаления в системе обнаруживается значение приближения, возможность противопоставлена необходимости и т. д. В лексической системе квазисинонимов нет ясно выраженных оппозиций: все слова одного семантического поля обозначают примерно одно и то же, и структуру такого поля можно только реконструировать.

Правда, аналогом бинарных оппозиций в лексике можно считать антонимы. Рассматривая их вместе с исходными коррелятами, мы часто получаем дополнительную информацию о структуре значения поля: мы говорим *старый моряк* и *старый баши-*

мак – но только: *молодой* (*новый) моряк и *новый* (*молодой) башмак. Отсюда следует, что признак одушевленности (точнее, соотношенности с человеком, т. е. антропоцентричности) типологически значим для всей этой зоны в целом: теоретически может встретиться язык, в котором будет два слова со значением ‘старый’ – например, о человеке и об артефакте².

Однако антонимичных пар значительно меньше, чем квазисинонимичных. Трудно представить лексический антоним для слов со значением ‘дом’ или ‘трава’, ‘железный’ или ‘горбатый’, ‘стричь’ или ‘раскрашивать’ и т. п. Да и удачная «зеркальная» структура встречается далеко не у всех антонимов. Например, в паре ‘мертвый’ – ‘живой’ каждое из значений развивает свои оппозиции. По-видимому, для человека состояние ‘живой’ представляется дефолтным, немаркированным: всякое живое существо по умолчанию живо. Поэтому если сочетания типа *мертвый бродяга*, *мертвый тюлень*, *мертвые листья* обозначают ситуацию биологической смерти, то сочетания с признаком ‘живой’ дают совершенно другие эффекты. Ср.: *я вчера встретил живого Михалкова* (‘не изображение’), *венки из живых цветов* (‘не искусственных’)³.

Таким образом, различие в материале исследования лексической и грамматической типологии очень существенно: строить универсальный лексический набор по образцу грамматического не так просто.

Дополнительная сложность состоит еще и в следующем: стандартные контексты частотных грамматических показателей легко выделить и сравнить на небольшом материале разных языков, поэтому размеченного корпуса в 200–300 тысяч употреблений для их описания обычно бывает достаточно. Между тем стандартные контексты употребления лексики может выявить только анализ корпусных данных большого объема – от 100 млн словоупотреблений и выше, а для малочастотных потребуется и вовсе миллиардный корпус.

(В) О совмещении

Хорошо известно, что произвольной граммеме какого-либо конкретного языка соответствует не одно, а целый набор значений, каждое из которых реализуется в своем контексте. При этом в прочих языках этот набор может быть и другим, так что и множества релевантных для них контекстов в общем случае не совпадают. Поэтому в грамматической типологии для исследования той или иной языковой категории составляются объемные коллекции диагностических контекстов, по возможности охватывающих материал всех известных языков. Эти контексты задают универсальный набор тех значений данной семантической зоны, которые способны выразиться грамматически, и они же служат основой для универсальных анкет, по которым затем осуществляется сбор данных по новым языкам – корпусный поиск и опрос информантов.

В заполненной анкете выбираются совпадающие строки, то есть такие, в которых использована одна и та же грамматическая форма. А поскольку в разных языках совмещаются разные строки, то тип совмещения и определяет типологическую специфику данной категории в данном языке.

Типологическое исследование лексических значений может строиться по той же модели: для каждой семантической области необходимо подобрать релевантные контексты и описать, как они склеиваются при выборе конкретных лексических соответствий. Остается теоретический вопрос: какие единицы входят в состав лексического набора?

² И действительно, противопоставление в зоне ‘старого’ между людьми и артефактами лексически маркируется, например, в кусканском кечуа: для обозначения возраста человека используются прилагательные *tachi* (о мужчине) и *raya* (о женщине), по отношению к долго использовавшемуся артефакту употребляется лексема *thanta* (см. [Cusihuamán 2001]; мы благодарим Пола Хегарти за это наблюдение).

³ Об асимметрии прилагательных ‘живой’ / ‘мертвый’ см. [Подлипенцева 2011].

Для того чтобы показать, что мы предлагаем считать элементами лексического набора и как на его основе может строиться типологический анализ, в следующем разделе мы поэтапно рассмотрим весь процесс лексико-типологической работы – так, как он реализуется в наших проектах.

2. МЕТОДЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ

2.1. О материале исследования

Работа начинается с выделения семантического поля исследования. Это довольно трудная задача, и решается она постепенно: исходно границы поля определяются на базе лексики родного языка, но при переходе к материалу других языков эти границы могут существенно сдвигаться.

Говоря о других языках, мы тем самым затрагиваем методическую проблему формирования выборки. В отношении того, какие языки в нее включаются и каков должен быть ее объем, лексическая типология снова обнаруживает принципиальное отличие от грамматической.

Сопоставительные грамматические исследования принято проводить на материале большого числа языков – от 200 до 400, причем равномерно распределенных по генетическим и ареальным группам [Bybee 1985; Bybee et al. 1994]. В грамматических выборках практически не используются близкородственные языки, чтобы эффекты, обусловленные генетическим родством, не исказили типологической картины⁴.

Парадокс лексической типологии состоит в том, что родственные языки, как правило, «не портят» общую картину; ср. [Рахилина, Прокофьева 2004]. Дело в том, что, в отличие от медленно (веками и даже тысячелетиями) меняющейся грамматики и фонетики, лексическая семантика меняется очень быстро: на памяти одного поколения носителей языка слова появляются и исчезают, теряют свои значения и приобретают новые. Поэтому нередко в нашем материале, даже в близкородственных языках (как русский и польский), оказывается не так много языковых соответствий (когнатов) в пределах одного и того же семантического поля. Но даже если когнаты и обнаруживаются, их семантическое наполнение с большой вероятностью окажется разным.

В этом отношении показательно поле ‘качания’: русск. *качаться*, *шататься*, *колыхаться*, *кивать* и *колебаться*; польск. *huścić się*, *kołysać się*, *chwiać się*, *kiwać (się)*, *chybotać (się)* – в нем только две пары когнатов из пяти возможных: *колыхаться* – *kołysać się* и *кивать* – *kiwać (się)*. При этом возвратный некаузативный *kiwać się* обозначает любые ситуации, в которых происходит колебание верхней части вытянутого объекта независимо от нижней, так что объект перегибается. Поэтому в число допустимых для него контекстов входят такие, которые по-русски передаются глаголом *махать* (*махать рукой*). Польское *kołysać się* тоже имеет другой прототип, чем его русский когнат: оно не описывает колышущихся занавесок, зато применимо к тряскому поезду [Рахилина, Прокофьева 2005].

Что касается количества языков в выборке, то пока для лексической типологии объемы, принятые в типологии грамматической, по-видимому, недостижимы: при глубоком семантическом анализе, который предполагает наш подход, опираться только на «готовые» ресурсы, такие как словари и грамматики, невозможно⁵. По нашему мнению,

⁴ Заметим, что А.Е. Кибрик в [Кибрик 1992; Kibrik 1998] отстаивает идею, что материал родственных языков пригоден и для грамматической типологии.

⁵ Заметим, что при помощи словарей могут решаться сопоставительные задачи другого рода, например, сравнительный статистический анализ лексического состава разных языков (см. [Титов 2002; Кретов и др. 2011]). Статистика применяется и при описании отдельных семантических полей. В частности, на материале корпусов – в пределах одного или сразу нескольких языков – сравниваются конструкционные профили лексем. В этом случае частотный анализ конструкций, в которых встречается лексема, служит основой для выявления их семантических свойств (см. [Janda, Solovyev 2009]). Существенно, однако, что корпусами обслужены далеко не все языки, а

для лексической типологии важна не столько объемная выборка, сколько метод описания языковых данных: если он достаточно типологичен, то есть хорошо применим к описанию нескольких языков, – исследование уже претендует на статус лексико-типологического. Наш самый обширный по числу языков проект – Aquamotion – выполнялся на пятидесяти языках, проект глаголов боли учитывает материал тридцати, проект ‘вращение’ – семнадцати, проект описания поля ‘острый-тупой’ – пятнадцати. Опыт показывает, что уже на базе пятнадцати языков можно строить интересные обобщения (заметим, что и типологи-грамматисты отмечают, что довольно стабильная картина устройства той или иной грамматической зоны, которая уже «не претерпевает существенных изменений по мере увеличения языковой выборки», вырисовывается после изучения дюжины языков [Haspelmath 2003: 217]). Кроме того, любая типологическая гипотеза, пусть и основанная на небольшой языковой выборке, существенно упрощает работу с новым материалом: ее проверка оказывается удобной отправной точкой для внутриязыкового анализа.

2.2. Словари и корпуса

Итак, после предварительного определения границ поля в родном языке происходит работа со словарями, с помощью которых составляются начальные списки лексем для других языков как переводные эквиваленты для уже собранных единиц. Одной исходной лексеме может соответствовать более одного переводного аналога, и напротив, несколько лексем в исходном языке могут покрываться одной единицей в новом языке. Так, русскому *толстый* соответствуют три китайских прилагательных – *hòu* для плоских предметов, имеющих большое расстояние между верхней и нижней плоскостями («слоев»), ср.: *hòu bèizi* ‘толстое одеяло’; *cū* для вытянутых предметов, имеющих большую площадь сечения («веревки»), ср.: *cū shéngzi* ‘толстая веревка’ и *pàng* для людей, имеющих избыточный вес, ср.: *pàng hái* ‘толстый ребенок’.

Чтобы еще раз проверить исходный список и уточнить первоначальные границы поля, используются все доступные словари. Словарь может устареть, быть неполным или недостаточным, так что весь словарный материал должен верифицироваться. Самая простая проверка – это корпусное обследование, в случае, если для этого языка есть корпус. Для частотных слов представительный корпус позволяет выявить отличия в употреблении, выделить характерные контексты и расклассифицировать их. Правда, данные корпусов тоже нужно проверять: и там попадаются устаревшие употребления и индивидуальные отклонения от нормы. Поэтому по возможности все отобранные примеры должны «получить одобрение» носителей языка.

Конечно, корпусами обслужены далеко не все языки – тогда работа с информантом становится единственным способом собрать релевантные контексты. Практика показывает, что эту задачу тем проще выполнить, чем больше «корпусных» языков уже описано: к информанту лучше идти с готовыми анкетами. В этом смысле современные корпуса стали для нас не просто инструментом сбора нового материала, но еще и инструментом порождения начальных гипотез при составлении анкеты: ее первые варианты строятся из обобщения над ситуациями, которые в корпусах описываются интересующими нас лексемами (впрочем, хорошие словари такие контексты тоже учитывают).

2.3. Семантические параметры

Предварительно расклассифицированные корпусные контексты каждой лексемы нашего поля внутри одного языка сравниваются между собой и подвергаются семантическому анализу в традиции МСШ – он выявляет параметры, по которым эти контексты различаются. В случае предикатной лексики ключевую роль в семантическом противо-

---

кроме того, автоматические статистические данные на лексическом материале неизбежно содержат определенный уровень «шума» и все равно требуют трудоемкого ручного постанализа.

поставлении внутри одного поля играет тип субъекта для глагола или носителя признака для прилагательных. При этом наиболее последовательно языки проводят лексическую границу между одушевленными (прежде всего именами лиц) и неодушевленными субъектами, выбирая для каждого из этих типов свои предикатные лексемы.

У одноместных предикатов такое противопоставление по типу субъекта – это, как правило, главный сценарий для построения лексических оппозиций, особенно хорошо это видно на материале глаголов движения: ср. в зоне перемещения в воде англ. *swim vs. drift/float*, перс. *šenā kardan vs. šenāvar budan*, тамильск. *nīntu vs. mita*, манинка *námún vs. fún* (см. [Майсак, Рахилина (ред.) 2007]). Как показано в [Плунгян, Рахилина 2007], сам по себе концепт активного перемещения может принципиально отличаться от перемещения пассивного. Правда, тут возможны (редкие) исключения – например, глаголы вращения. Тип субъекта для них тоже важен, но системообразующим в этой зоне является как раз не субъект, а другой аргумент – ось вращения, которая может быть внешней или внутренней. Именно эти две ситуации обычно противопоставляются в языках мира, ср.: исп. *revolotear / rondar vs. girar / dar vueltas*, коряк. *kamlil vs. kavaljil*.

Понятно, что чем больше у ситуации участников, тем шире пространство для лексических оппозиций и тем сложнее работа исследователя. Так, для глаголов еды и питья релевантны: тип субъекта (ср., например, ‘человек’ vs. ‘животное’), тип объекта (в частности, ‘жидкое’ vs. ‘твердое’), выделенность инструмента / квазиинструмента, т. е. части тела (‘зубы’, ‘язык’, ‘ложка’ и др.): ср. в русском: *есть* (о нежидкой пище), *глотать* (о животном, твердый объект – преимущественно кости, при помощи зубов), *пить* (о жидком), *лакать* (о животном, посредством языка) и т. п.

Еще сложнее устроена семантическая область разрушения (так называемая зона «cutting & breaking», ср. [Majid, Bowerman (eds.) 2007]): помимо субъекта, контролирующего или не контролирующего соответствующее действие, концептуализация таких ситуаций зависит как минимум от значения еще трех переменных в толковании. Во-первых, это объект, который разрушают: стекло *бьют*, веревку или материю *рвут*, дерево *рубят* или *пилят*, камни *раскалывают* и т. п. Во-вторых, инструмент: разрушать можно, действуя руками (*рвать*), ножом (*резать*), копьем (*колоть*), топором (*рубить*) и т. п. В-третьих, для выбора предиката важно, какой получился результат: две или больше частей, размер фрагментов и т. д. Глаголы образуют тем самым сложные комбинации из значений разных параметров, ср. русск.: *рвать* (руками, мягкий объект), *рубить* (топором, деревянное, на две части), *резать* (ножом или ножницами, как правило, достаточно мягкое), *толочь* (мелкие объекты, специальной толкушкой или между жерновами, до гомогенной массы), *шинковать* (ножом или специальным инструментом, еду, на много частей) и многое другое. В коми-зырянском есть специальный глагол (*юкавны*), описывающий продольное деление дерева на тонкие слои, лучины (ср. русское отыменное устар. *щепать*, от *щепы*, *щепка*) и, соответственно, выбирающий особый объект (дерево), инструмент (нож, топор) и результат (лучины). Другое интересное сочетание параметров дает глагол *шарскöбтыны*, который вводит в достаточно стандартную ситуацию ‘разбить’ параметр звука: ‘разбить со звоном’; см. [Кашкин 2010].

Перечисление релевантных для ситуации типов аргументов и других параметров создает иллюзию, что наша система противопоставлений в каждом семантическом поле основана исключительно на множестве различительных признаков в духе теории компонентного анализа; ср. [Katz, Fodor 1963; Lehrer 1974]. И действительно, при сравнении разных языков – например, в зоне вращения – мы тоже выделяем семантические параметры, ср.:

- движение вокруг внешней vs. внутренней оси,
- над ориентиром vs. в одной плоскости с ним,
- контролируемое vs. неконтролируемое,
- одинарный vs. множественный поворот и т. п.

Ср. смысловозначительные признаки, которые выделяет А. Лерер для поля ПРИГОТОВЛЕНИЕ ПИЩИ [Lehrer 1974: 61 ff]:

- готовить с использованием жидкости vs. без жидкости,
- с жиром vs. без жира,
- с паром vs. без пара,
- интенсивная vs. щадящая обработка (т. е. на большом vs. на маленьком огне),
- подвергать тепловому воздействию долго vs. недолго и т. п.

Между тем компонентный анализ постулирует не просто наличие признаков, но и организацию этих признаков внутри семантического поля, при которой компоненты смысла действуют **независимо** друг от друга. Отсюда идея исчислений возможных комбинаций признаков, которая была так популярна в 1960–80-е гг. в описаниях как лексических, так и грамматических полей; см. [Мельчук, Холодович 1970; Храковский (ред.) 1989].

В нашем представлении признаки не независимы, и этим наш подход принципиально отличается от компонентного анализа. Отдельные значения признаков настолько связаны друг с другом, что образуют устойчивые гештальты, и тип одного аргумента часто задает характеристики остальных. Например, выбор птицы в качестве субъекта вращения уже предопределяет то, что это будет движение вокруг внешнего ориентира. Но поскольку птице свойственно летать, ее вращение происходит не только **вокруг**, но и **над** ориентиром (ср. ‘орел над добычей’) – тогда как для других возможных субъектов вращательного движения вертикальная дистанция между субъектом и ориентиром, как правило, нерелевантна.

Взаимозависимость признаков хорошо видна и на материале глаголов приготовления пищи, которые рассматривались в [Lehrer 1974] с позиций компонентного анализа: так, интенсивная обработка (т. е. на большом огне) предполагает непродолжительное время (иначе продукты просто сгорят), использование пара подразумевает наличие воды и исключает жир и т. д.

Если попытаться перевести сказанное на «язык» компонентного анализа, получается, что помимо признаков, формирующих оппозиции вида + / –, в структуре поля задействованы еще и признаки вида + / 0. Однако их устройство принципиально отличается от канонического + / –. Если + / – действительно строит эквиполентные оппозиции, то признаки + / 0 служат для того, чтобы выделить конкретный класс: значение такого признака в большинстве случаев не определено, и только в одном – положительно. Так, в коми-зырянском звук важен только для одного узкого класса глаголов разрушения – ‘разбивать’ (*шарскӧбтыны*), а для остальных нерелевантен, хотя очевидно, что практически все внеязыковые ситуации разрушения (‘колоть’, ‘тереть’, ‘пилить’ и др.) сопровождаются каким-то звуком [Кашкин 2010].

Отсюда ясно, что вопросы лексико-типологической анкеты должны задавать не просто совокупность признаков, а как раз тот самый устойчивый гештальт, о котором мы только что говорили. И тем не менее уже в процессе сбора типологического материала нужно как можно точнее определить, какие признаки участвуют в формировании этого гештальта, чтобы не упустить ситуации, значимые для семантической структуры данного поля. Это особенно важно для многоместных предикатов, где риск потерять существенный контекст гораздо выше обычного. Мы уже упоминали психолингвистический проект по типологическому описанию глаголов «cutting & breaking» [Majid, Bowerman (eds.) 2007]: для сбора материала в нем использовался набор из 61 видеоклипа, представляющий разные ситуации разрушения объекта. Понятно, что 61 клип, т. е. 61 тестовая ситуация, – это довольно объемная анкета. Однако для такого семантически богатого поля даже этого количества вопросов-стимулов недостаточно, и многие важные для понимания его структуры ситуации оказались упущены. Например, в их число не вошло разрушение с помощью стационарного фонового объекта как инструмента (‘разбить об пол’) или ситуации типа ‘крошить’, ‘дробить’ и ‘толочь’, обозначающие разделение объекта на мелкие части, подробнее см. [Кашкин 2010].

2.4. Фреймы

Значимость аргументной структуры предиката (соответственно, набора участников ситуации) при лексико-типологическом анализе позволяет нам обратиться к понятию фрейма как структурной основы прототипических ситуаций. Наша конечная задача, как ее можно понимать в этом случае, состоит в том, чтобы выявить фреймы, релевантные для типологического описания каждой отдельно взятой семантической области. Иными словами, нужно найти такие ситуации, которые чаще всего противопоставляются лексическими средствами в языках мира.

Так, в плавании – это активное плавание (мы условно обозначаем этот фрейм английским глаголом ‘swim’), плавание неодушевленного предмета по течению (фрейм ‘drift’), статичное положение на поверхности воды (‘float’) и движение судов и на судах (‘sail’). В зоне качания фреймов значительно больше – это качание на подвеске (маятник), по типу кресла-качалки, качание на опоре (дерево от ветра), по причине деформации (старый мостик), колебание поверхности воды и др. Заметим, что, называя эти типы ситуаций фреймами, мы отклоняемся от канонического определения фрейма – а именно того, которое в свое время было предложено (и до сих пор используется – в частности, в модели FrameNet, см. <https://framenet.icsi.berkeley.edu>) Ч. Филлмором [Fillmore 1976; 1982]. Согласно [Boas 2011], фрейм Филлмора – это набор участников ситуации с приписанным им способом синтаксического выражения, но для лексико-типологического сопоставления такого определения обычно недостаточно. Например, качественные признаки практически всегда одноместны, причем кодирование их единственного участника достаточно единообразно. Поэтому, сравнивая значения качественных признаков, мы учитываем не только участника атрибутивного отношения, но еще и ограничения на его семантический тип – иначе нам пришлось бы приравнять все употребления признаков друг к другу.

Пример с признаками очень показателен, но и глагольные контексты часто не различаются по набору участников: например, активные и пассивные глаголы движения в воде (типа ‘swim’ и типа ‘drift’) в этом отношении совершенно одинаковы, а противопоставлены они как раз, как мы помним, семантическими ограничениями на субъект. Получается, что для наших целей фрейм **нужно** понимать неканонически – как общую ситуацию, в которой фиксированы прототипические участники.

Между тем на этапе заполнения анкеты мы сталкиваемся не с этими общими типами ситуаций, а с их частными реализациями, которые соответствуют строкам анкеты, – их нам еще только предстоит обобщить.

2.5. Фреймы и микрофреймы

Если брать за образец поиски универсальных значений в сфере грамматической типологии (см. прежде всего [Dahl 1985]), то естественно ориентироваться на ту процедуру работы с анкетами, которую применяют исследователи-грамматисты. При работе с анкетой они обычно имеют в виду некоторое представление о прототипе давно известного в лингвистике значения: перфекта, ирреалиса и др. Каждое прототипическое значение связано с определенным множеством (тоже известных) грамматических контекстов – им и соответствуют строки анкеты. Поэтому грамматическая анкета – это способ оценить степень близости конкретного показателя в изучаемом языке к этому прототипу: она тем больше, чем в большем числе прототипических контекстов задействован этот показатель.

Работа с лексическими значениями в этом отношении устроена иначе. Исследователь не оперирует готовыми прототипическими ситуациями, эти прототипы (т. е. в нашей терминологии – «фреймы») ему только предстоит обнаружить, опираясь на то, какие элементарные ситуации языки регулярно объединяют в одной лексеме. Но и сам набор элементарных ситуаций, которые тем или иным образом объединяются в лексические значения, не задан заранее. Чтобы их выявить, мы возвращаемся к контек-

стам, которые, напомним, были получены на основе корпусных данных и максимально дробного перебора типов аргументов. Контексты проверяются на материале нескольких языков: каждому сопоставляются все возможные в данном языке лексикализации. В результате в анкете появляются строки-контексты, которые кодируются одинаково, – тогда они совмещаются. Если некоторый тип совмещения воспроизводится во всех языках, он признается типологически релевантным и квалифицируется как микрофрейм. Хорошим примером подобного совмещения могут служить метонимически связанные контексты, например, ‘шум ветра’ / ‘шум деревьев на ветру’, ‘движение воды, закручивающейся в омуте’ / ‘движение щепок на воде, уходящих в воронку’ и т. п.

Микрофреймы соответствуют очень частным типам ситуаций и редко выражаются самостоятельной лексемой: обычно лексема совмещает несколько микрофреймов. В принципе, стратегии совмещения в разных языках разные; тем не менее, как показывает опыт, в любом семантическом поле обнаруживаются такие тенденции к обобщению, которым следует сразу несколько языков. Эти тенденции обнаруживают, какие параметры ситуации являются ключевыми для лексикализации каждого конкретного поля. Тем самым микрофреймы можно сравнить с компонентами универсального грамматического набора: точно так же, как в грамматике эти компоненты большинством языков объединяются в относительно стабильные кластеры, соответствующие грамматическим показателям, микрофреймы, как мы уже сказали, тоже кластеризуются в языках по сходным моделям, образуя фреймы, за каждым из которых (хотя и не во всех, но во многих системах) закреплена своя лексема.

Так, если взять зону перемещения в воде, то, по нашей гипотезе, плавание птиц не войдет в число фреймов (к которым, как мы помним, относятся активное плавание, плавание судов, плавание по течению и плавание на поверхности). Соответствующая ситуация оказывается как бы на стыке между активным плаванием и плаванием судов и, как правило, не обслуживается отдельной лексемой. По-видимому, редко получает свой способ лексикализации и круговое движение насекомых (‘мотыльки вокруг лампы’), обычно совмещаясь то с хищными птицами (‘ястреб над добычей’), то с вихревым движением (‘листья при сильном ветре’).

Простым грамматическим аналогом микрофрейма можно считать любое редко грамматикализирующееся значение из универсального набора – такое, как тройственное число или локализация CONT ‘вплотную, в полном контакте с ориентиром’ (маркированная разновидность обычной локализации контакта в некоторых дагестанских языках, см. [Ганенков 2005]).

Микрофреймы важны для детального сопоставления языков, например, при создании типологически ориентированного словаря, но при сравнении лексических систем удобнее оперировать более крупными единицами – пучками микрофреймов, в нашей терминологии – фреймами.

2.6. Лексико-типологические карты

Наглядным инструментом для сравнения лексических систем являются семантические карты. Здесь мы вновь следуем за традицией, сформировавшейся в рамках грамматической типологии [Anderson 1982; 1986; van der Auwera, Plungian 1998; Haspelmath 2003; Татевосов 2004]. Каждая грамматическая карта представляет отдельную зону в системе языка – например, модальность, неопределенные местоимения и т. д. Узлам карты соответствуют значения из универсального набора; соответственно, закрашивая тот или иной участок карты, можно наглядно показать, какие элементарные значения склеиваются в одном показателе, и сравнить семантику этого показателя с показателями из других языков.

Сходную методику мы применяем и для сопоставления лексики. Мы строим карты для отдельных семантических полей, или областей (доменов) – аналогов грамматических категорий, а не отдельных грамматических значений. В роли узлов на картах

выступают не микрофреймы – аналоги значений из универсального набора, а более крупные единицы – фреймы.

В принципе, мы могли бы ориентироваться и на микрофреймы, но в этом случае количество точек на карте было бы слишком велико, оно значительно превышало бы число узлов, которое обычно помещают на грамматической карте – ведь, как хорошо известно, лексических значений гораздо больше, чем грамматических. Но тогда карта затруднила, а не упростила бы нашу работу: она отражала бы все множества частных, локальных объединений, свойственных каждому языку, и не позволяла бы видеть сходства между лексическими системами в целом. Таким образом, опираясь на фреймы, мы сознательно огрубляем общую картину, пренебрегая незначительными различиями. Так, если вернуться к примерам из раздела 2.5, на карту глаголов перемещения в воде мы не наносим точку ‘плавание птиц’, на карту глаголов вращения – ‘круговое движение насекомых’ и т. д. Зато благодаря этому ограничению мы можем при помощи карт выявить общие типы лексических систем в данной семантической области. В то же время для каждого отдельного микрофрейма, оставшегося за пределами карты, мы без труда определяем стратегии его совмещения с более крупными фреймами.

Взаимное расположение фреймов на карте определяется – как и в случае грамматических построений – способностью к совмещению в одном «показателе» (в нашем случае – лексеме): ближайшие фреймы совмещаются чаще других, при этом между двумя фреймами, которые покрываются одной лексемой, не может оказаться третий, который этой лексемой не описывается.

Упорядоченные таким образом фреймы образуют «каркас» семантической карты, на который затем «накладываются» данные конкретного языка, – таким образом получается семантическая карта данного языка для данной семантической области (домена). Она показывает, как в этом языке фреймы распределяются между лексическими единицами. Карты, построенные для разных языков, можно сравнивать между собой. Рассмотрим для примера поле ‘пустой’ [Тагабилева 2011]. Предварительные типологические исследования показали, что в этом поле могут быть лексически противопоставлены следующие фреймы: ‘особая форма, имеющая полость’, ‘контейнер, в котором нет содержимого’, ‘локальные пространства, в которых нет предметов’, ‘локальные пространства, в которых нет людей’, ‘(небольшие плоские) поверхности, на которых ничего нет’, и ‘крючки, на которых ничего не висит’, см. рис. 1. Ни один из исследованных языков не имеет отдельной лексемы для каждого фрейма, но возможны разные стратегии их объединения в одной лексеме.

Рис. 1. Семантическая карта: домен 'пустой'

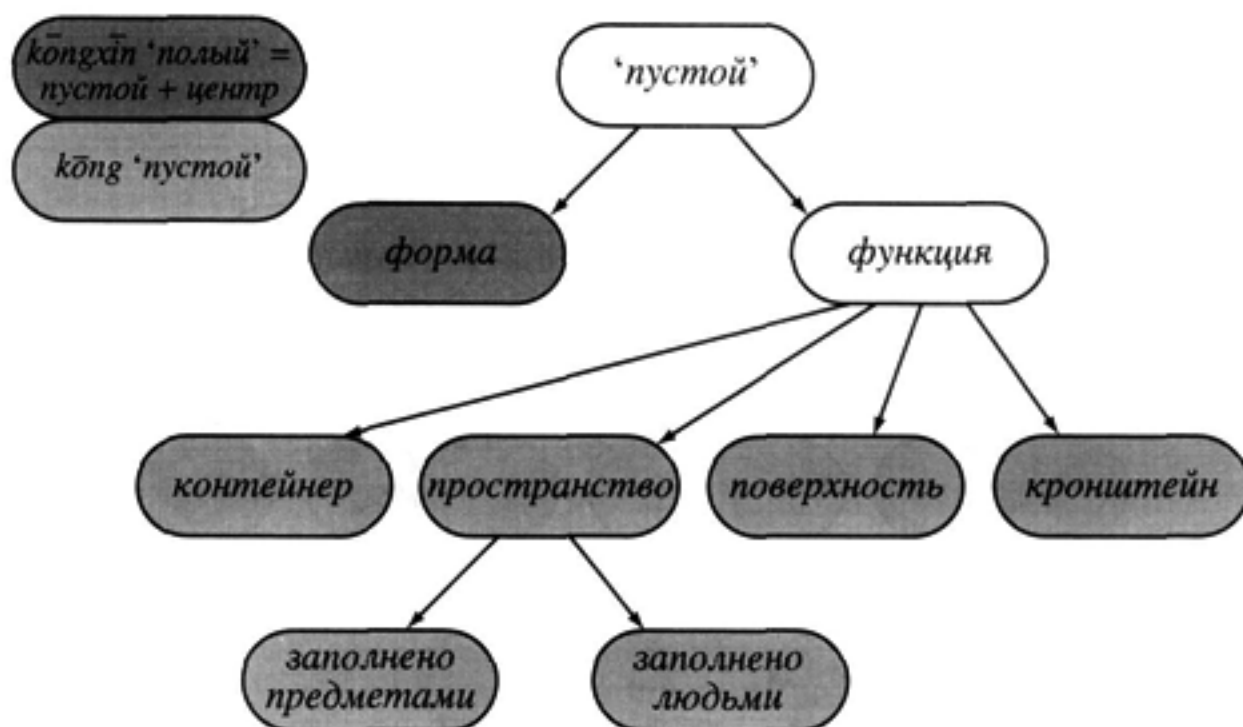

Рис. 2. Семантическая карта: домен 'пустой' в китайском языке

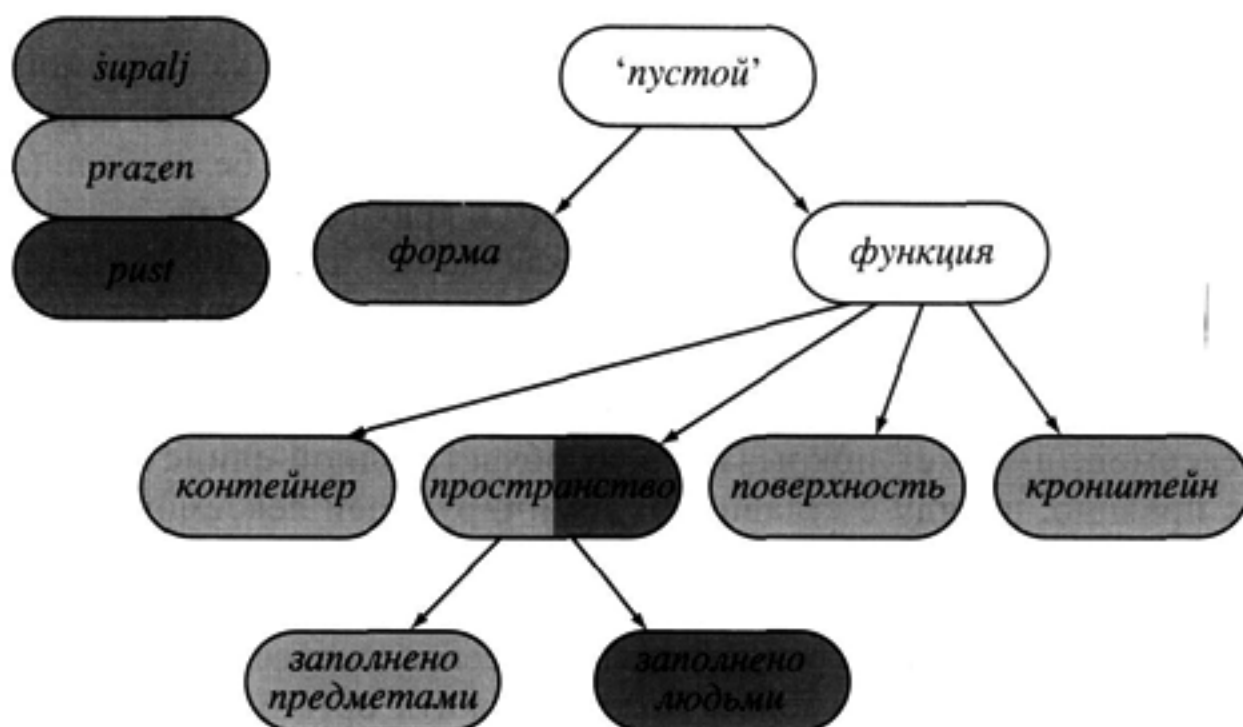

Рис. 3. Семантическая карта: домен 'пустой' в сербском языке

Например, в китайском языке (рис. 2) противопоставлены только две лексемы: одна (*kōngxīn*) выделяет фрейм формы, а другая (*kōng*) покрывает остальные – функциональные – фреймы. Заметим, что именно так устроена и русская система, в которой соответствующие лексемы (*полюй* и *пустой*) не связаны друг с другом по внутренней форме (ср. кит. *kōngxīn* = 'пустой + центр'), см. [Тагабилева, Холкина 2010].

Сербский язык (рис. 3) тоже лексикализует фрейм 'полюй' (*šupalj*), а кроме того имеет возможность выделить ситуацию отсутствия людей – *rust*, противопоставив ее отсутствию предметов – *prazen*. Именно такую картину фиксируют сербские словари – правда, согласно опросам носителей и корпусам, в современном сербском это распределение уже не такое жесткое: система начала перестраиваться, однако для более раннего исторического среза оно засвидетельствовано, причем, по данным С.М. Толстой [Толстая 2008], для всех славянских языков. Возможный результат последующей перестройки мы наблюдаем в русском, где один из когнатов (*prazen*) просто исчез из этой зоны, перейдя в другую семантическую область, ср.: русск. *праздный* как 'ничем не занимающийся, находящийся без работы, без дела', ср.: здесь *праздник* (holiday).

Корейская система [Сорокина 2010] существенно отличается по своей структуре (рис. 4): она распределяет фреймы между лексическими единицами более «равномерно».

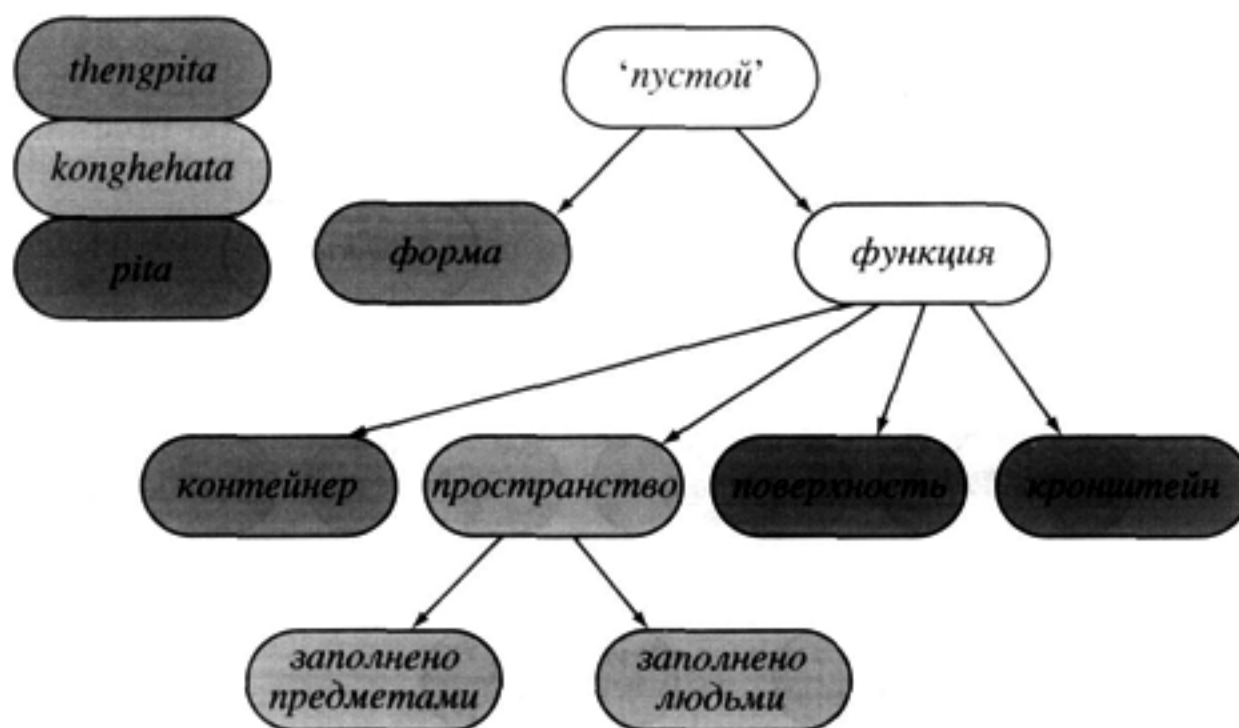

Рис. 4. Семантическая карта: домен 'пустой' в корейском языке

В частности, корейский не различает полые объекты и контейнеры без содержимого, так что пустой стакан и полая тыква будут кодироваться одной и той же лексемой (*thengpita*). Они противопоставлены, с одной стороны, пространствам – не важно, занятым людьми или предметами, ср.: 'пустая комната' – все равно, без людей или без мебели (*konghehata*), и с другой стороны, функциональным поверхностям и крючкам (*pita*).

Как и любая карта, лексико-типологическая карта дает возможность наглядно представить структуру пространства – в данном случае, пространства определенного семантического поля – и конкретные варианты его организации. Язык может оказаться классифицирующим в этой области, и в предельном случае кодировать каждый фрейм отдельной лексемой, а может покрывать всю область одной-единственной лексемой. Впрочем, как правило, наряду с «главной», доминирующей лексемой, в такой системе параллельно действуют другие, «рецессивные». Классифицирующая система – богатая, в ней много лексических противопоставлений, доминантная – бедная: противопоставления, которые обеспечивают ей рецессивные лексемы, скорее периферийны для данной семантической области. Примером может служить организация зоны плавания в немецком: доминантным для нее является глагол *schwimmen*, который может описывать все виды передвижения в воде. Остальные лексемы (*driften, treiben, segeln*) для данной зоны периферийны: в качестве глаголов плавания они малочастотны, и каждое из них покрывает лишь небольшой участок общего семантического пространства; см. [Шеманаева 2007].

Таким образом, в рамках лексической типологии можно не только сравнивать семантическое наполнение отдельных лексем в разных языках, но и строить типологию систем, отражающих ту или иную семантическую область. Эта же процедура, заметим, применяется и в грамматической типологии, ср. исследования Лейпцигского института эволюционной антропологии им. Макса Планка в рамках проекта World atlas of language structures (см. <http://wals.info>): проект подразумевает, что по результатам анализа на карте мира отмечаются ареалы, соответствующие разным типам засвидетельствованных систем.

Однако для построения полноценной типологии, которая могла бы внести вклад в лингвистическую теорию, нужно знать не только то, какие системы в языках реализуются и ожидаемы, но и то, какие системы маловероятны – а может быть, и невозможны. Ясную картину таких ожиданий дает, на наш взгляд, зона плавания.

В общем и несколько огрубленном виде ее семантическая карта представляет собой замкнутую цепочку из четырех фреймов: 'активное плавание (прототипически, человека)', 'плавание судов', 'плавание по течению', 'нахождение на поверхности воды'.

Большинство систем соотносится со своеобразной «шкалой активности», по которой можно было бы ранжировать разные ситуации движения в воде: самым активным является плавание человека, за ним – плавание судов; плавание по течению еще менее активно, а нахождение на поверхности практически пассивно. Плавание судов обычно объединяется с плаванием по течению и частично – с активным плаванием. При таком «взгляде» на классификацию плавательных фреймов наиболее естественна стратегия объединения плавания по течению и нахождения на поверхности – в противовес активному плаванию (ср. персидский, корейский и др.). Другая стратегия, также представленная в естественных языках, соответствует лексическому выделению неконтролируемого поступательного движения предмета по течению, вместе с потоком, – тогда активное плавание объединяется с пассивным и противопоставляется плаванию по течению (ср. хинди, хакасский и др.).

Внутри этих общих стратегий возможны разные спецификации, не нарушающие общей картины⁶. Принципиально новых стратегий и объединений не наблюдается, и это согласуется с нашими представлениями о когнитивно оправданных совмещениях внутри зоны плавания. Теоретически можно предполагать, что в естественных языках мы и не встретим, например, объединения активного плавания и плавания по течению, которое было бы противопоставлено другим видам плавания, или же плавания судов с пассивным плаванием – в противовес остальным типам движения в воде.

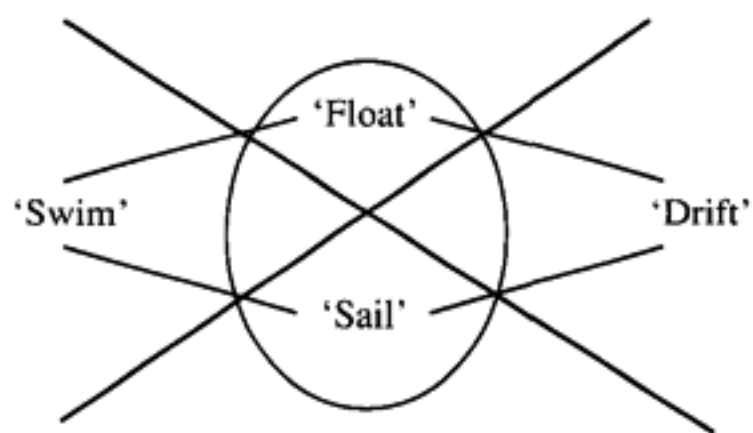
В качестве инструмента типологического описания семантическая карта имеет возможность графически отразить запреты на такого рода совмещения: как уже было сказано, по правилам (ср. [van der Auwera, Plungian 1998; Haspelmath 2003], см. также [Татевосов 2004]), она должна быть построена так, чтобы друг с другом совмещались только соседние, ближайšie друг к другу узлы цепочки – «пропуск» узла при объединении (который как раз и возникает в случаях, которые мы описали как слабо вероятные) невозможен. Рисунки (5–8), представляющие карту зоны плавания как замкнутую цепочку из четырех фреймов, иллюстрируют сказанное.

3. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ

И все-таки лексическая карта отличается от тех, на которых принято отражать грамматические явления. Исторически грамматические показатели часто развиваются один из другого, и поэтому пространственная близость грамматических маркеров на карте, как правило, коррелирует с диахроническими связями между ними; ср. [Nagtog 2010]. Таким образом, грамматическая карта оказывается одновременно синхронной и диахронической. Что касается исторических связей между лексическими значениями, то они и сложнее устроены, и хуже исследованы, поэтому тот тип карты, который мы используем для лексико-типологических обобщений и сопоставлений, может отражать исключительно синхронный срез.

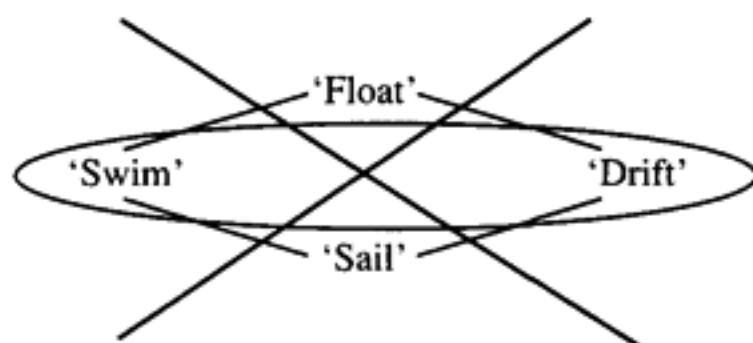
Но нужны ли вообще диахронические, т. е. исторические и этимологические данные для построения лексической типологии? Конечно, есть исследователи и исследовательские группы, которые ответят на этот вопрос положительно, потому что они сосредоточены именно на изучении диахронических изменений, ср. проекты П. Коха [Blank, Koch 2000; Gévaudan et al. 2003] или А. Дыбо ([Дыбо 1989; 1996] и др.); в большой степени ориентирован на диахронию и Каталог семантических переходов Анны А. Зализняк [Зализняк 2009]. Но из лексических типологов далеко не все готовы были бы согласиться с тем, что историческая составляющая для лексической типологии необходима. В частности, психолингвистическая группа из Неймегена исторические данные никак не учитывает, инструментарий NSM-метода А. Вежбицкой и К. Годдарда тоже не приспособлен для того, чтобы описывать изменения значения.

⁶ Например, часто специальным образом (как правило, не плавательным, а просто бытийным глаголом) маркируется подкласс пассивного плавания: нахождение предмета в небольшом сосуде (ср.: морковь в супе).

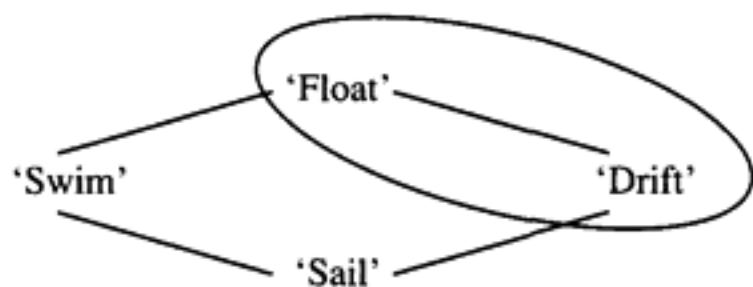
Рис. 5. Маловероятная (невозможная?) система:

лексема, совмещающая нахождение на поверхности и плавание на судах, противопоставлена глаголам активного плавания и плавания по течению

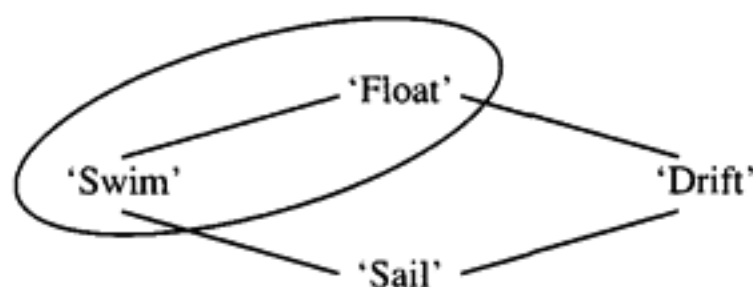

Рис. 6. Маловероятная (невозможная?) система:

лексема, совмещающая активное плавание и плавание по течению, противопоставлена глаголам нахождения на поверхности и перемещению на судах

Рис. 7. Засвидетельствованная система: общий глагол пассивного плавания (совмещение перемещения по течению и нахождения на поверхности)

Рис. 8. Засвидетельствованная система: совмещение активного плавания и нахождения на поверхности

С нашей точки зрения, исследования семантических переходов одной лексемы в другую нужны, причем нужны именно для лексической типологии как таковой, уже потому, что:

(1) часто метафора – это единственный способ выразить релевантное для поля значение;

(2) лексическая типология исследует принципы совмещения значений, но семантические сдвиги тоже представляют собой совмещения, правда, особого рода;

(3) типологическое исследование типов совмещений, представленных в семантических сдвигах, помогает нам понять природу самих сдвигов – в частности, противопоставление метафоры и метонимии;

(4) семантические переходы могут служить удобными маркерами границ семантической области;

(5) в теоретическом плане исследование переходов позволяет связать синхронию и диахронию;

(6) в практическом – сравнить не только свойства лексем, но и свойства конструкций, в которых выступают исследуемые лексемы до сдвига и после него, а затем описать и объяснить произошедшую в них перестройку.

Все сказанное мы сейчас рассмотрим подробнее с примерами.

3.1. О метафорических полях

Большая доля словарной информации касается метафорических значений, которые выходят за пределы исследуемого поля, поскольку метафора по определению – это переход лексемы в другую семантическую зону. Значит, с практической точки зрения для лексической типологии, на сегодняшнем этапе пока исследующей принципы наполнения каждого поля в отдельности, она оказывается как будто лишней. Однако, как мы уже говорили, есть поля, которые во многих, если не во всех языках мира, представлены преимущественно метафорами – и тогда их просто нельзя игнорировать.

Именно так, например, устроено поле глаголов боли и неприятных физиологических ощущений. Число лексем, заполняющих это поле, обычно довольно велико и может доходить до 50 за счет того, что болевые ощущения людей разнообразны и локализованы в разных частях тела. Между тем, как правило, непрямых предикатов боли, как русск. *болеть* или англ. *hurt* или *ache*, в языке единицы, а разнообразие достигается за счет заимствований из других семантических полей, т. е. семантических переходов, ср.: русск. *бок прихватило*, англ. *my eyes are burning*. букв. ‘мои глаза горят’ (об ощущении жжения в глазах), хинди *peṭ kūḍ rahā hai* букв. ‘живот прыгает’ (о неприятном ощущении в животе при чувстве голода), венг. *sípol a fülem* ‘ухо свистит’, крым.-тат. *кокюси ськѡа* букв. ‘грудь давит’ (о неприятном ощущении в груди от нехватки воздуха, от тяжелой работы), агульск. *ze jak-ar arʕ.u-naa* ‘мои мышцы разбиты’ (ощущение при простуде) и т. п.; см. [Брицын и др. (ред.) 2009].

Понятно, что такого рода «метафорические поля» – это исключение. В обычном случае на первом этапе исследования семантические сдвиги из тактических соображений правильнее игнорировать, чтобы задача не стала необъятной. Дело в том, что сбор переносных значений – дело гораздо более трудоемкое, чем сбор прямых, ведь их фиксация в словаре еще менее системна. С корпусными данными тоже непросто: придется отделять окказиональные, случайные метафоры, созданные индивидуальным стилем конкретного автора от уже закрепленных в данном языке. Первые лексической типологии «не интересны», вторые – очень нужны, но, как видим, их трудно обнаружить, причем даже при работе с информантом. Информанты далеко не всегда хорошо чувствуют семантический сдвиг (и кстати, это интересная лингвистическая и психолингвистическая проблема!) и склонны переводить метафору-стимул, предъявленную исследователем, буквально, вместо того чтобы вспомнить ее аналог в своем языке или признаться, что его нет. Кальки в типологическом исследовании не нужны, борьба с ними тоже отнимает много времени.

Тем не менее для теоретика семантические переходы представляют безусловный интерес, и после того как прямые значения собраны и семантическая структура поля в целом построена, мы обычно все-таки переходим к изучению семантических сдвигов (см., например, [Рахилина 2007]).

Впрочем, их классификация может стать предметом отдельного типологического исследования. Именно такую, особенную задачу мы решали в рамках проекта по типологии глаголов звука, исследуя те глаголы звучания, которые в исходном значении передают звуки животных, птиц или насекомых – ‘мычание’, ‘рычание’, ‘гогот’, ‘кудахтанье’, ‘жужжание’, а в переносных – звуки, свойственные человеку (ср. для русского языка ‘мычание как знак удовольствия или неуверенной речи’, ‘рычание как знак агрессии’, ‘гогот как смех’ и т. д.) или артефакту (русск. *жужжать* о приборах: например, электрический счетчик, ср. также веретено). В других языках конкретные переходы будут другими, ср.: ‘хрюканье как знак удовольствия’ в болгарском, ‘стрекотание (кузнечиков) как смех’ в армянском, ‘карканье как хриплый голос или звук испорченной аудиоаппаратуры’ в немецком и т. д. Тем не менее, как показано в [Рахилина 2010], самые разные языки в целом воспроизводят общие модели, связывающие вид живого существа с типом человеческого поведения, а также фонетический облик звука с тем или иным типом артефактов. Это значит, что на этом и подобном ему материале, видимо, можно строить типологию.

3.2. Метафоры как совмещения значений

Совмещения значений (фреймов) в лексических единицах, которые отражены на лексико-типологических картах, происходят внутри семантического поля, но совмещению поддаются и значения, принадлежащие разным полям, или, в другой терминологии, представляющие разные таксономические классы. Лексическое объединение фреймов из разных полей как раз и представляет суть семантического перехода (как правило, метафоры). Переходы, соответствующие первичным, или базовым метафорам («primary metaphors» [Lakoff, Johnson 1980/2004; Grady 1999]), часто воспроизводятся в разных языках, так что степень их типологической устойчивости сама может стать объектом лексической типологии.

Любопытно, что тому или иному фрейму или группе смежных фреймов свойственны переходы только в определенные фреймы из другого семантического поля, то есть «трансдоменные» совмещения происходят по стандартным моделям. Например, оказывается, что фрейм активного горизонтального перемещения по воздуху (прототипически – полет птиц, за счет движения крыльев) часто совмещен с фреймом прыгания (ср.: *t^hərc^hel* (диал. *t^hərne*) 'прыгать, подпрыгивать; летать' в восточно-армянском, *pāridān* 'прыгать; летать, порхать' в персидском), а фрейм пассивного горизонтального перемещения по воздуху (прототипически – стрелы, пули и т. п., за счет начального внешнего импульса) совмещается с фреймом падения (ср.: *pat-* в санскрите) (подробнее см. [Плунгян, Рахилина 2007]) – но никогда не наоборот.

В семантической зоне качественных признаков функциональный фрейм, соответствующий сужающемуся до точки узкому предмету-инструменту (как игла или копье) служит частотным метафорическим источником для характеристики хорошего слуха или зрения (ср.: русск. *острый слух*), с другой стороны, высокая скорость движения или резкий ветер как результаты семантического перехода из поля 'острый', скорее всего, восходят к острой линии (т. е. к прилагательному, которое используется для описания острого ножа), см. подробнее [Кюсева 2012].

Еще один пример системного перехода-совмещения в этой зоне дают значения положительных и отрицательных качеств человека, возникающие на базе физических ощущений, представляющих семантическое поле 'твердый'. Оказывается, что разные типы человеческих свойств мотивированы разными фреймами этого поля. Отрицательные свойства (как, например, 'жестокий' или 'жадный') порождаются фреймом, который описывает результат непосредственного контакта частей человеческого тела с предметом, (ср. русск. *жесткий*: жесткое мясо трудно есть, на жесткой кровати неудобно спать). Положительные свойства (как 'верный <слову>') восходят к фрейму опосредованного контакта с помощью руки или инструмента (ср. 'твердая поверхность': на ощупь, при прикосновении рукой, или 'твердая картошка': недоваренная, проверяют вилкой), см. [Павлова 2012].

С теоретической точки зрения в этих примерах интересен не только эффект воспроизводимости данных переходов в других языках (лексическая типология!), который мы последовательно наблюдаем, и даже не только семантическая и когнитивная мотивированность этого эффекта, а то, как метафоры структурируют исходное семантическое поле. Мы обсудим это в разделе 3.4, а пока обратим внимание на то, что типологически релевантной бывает и метонимия.

3.3. Метонимии как совмещения значений

Наш опыт показал, что заслуживающие внимания с точки зрения лексической типологии переходы могут быть обусловлены не только сходством, но и смежностью семантических областей – то есть как раз метонимией. Это неожиданно. Действительно, наиболее распространенная метонимия вида часть-целое в большой степени универсальна и не так интересна с лексико-типологической точки зрения – именно благодаря тому, что в прототипическом случае она, в соответствии с теоретическими представлениями (ср.

[Lakoff, Turner 1989; Sweetser 1990] и др.), не выходит за пределы своей семантической области. Ср.: ‘острое лезвие’ → ‘острый нож’, ‘жесткое сиденье’ → ‘жесткий стул’, ‘порвать рукав’ → ‘порвать рубашку’, ‘сломать ветку’ → ‘сломать дерево’ и т. п.⁷

Однако есть случаи, которые выделяются из общего ряда. Например, плавание человека на судне может лексически кодироваться иначе, чем плавание самого судна: так, в индонезийском глаголы, образованные от названий разных видов судна, описывают только движение человека на судне, но не самого судна, ср.: *berkapal* ‘плыть на корабле’, *berperahu* ‘плыть на лодке’ и др. [Ландер, Крамарова 2007: 679]; в персидском перифрастический глагол *šenā kardan* букв. ‘плавание делать’ употребляется только по отношению к судну, но не пассажиру на нем, так как с субъектом-человеком этот глагол выражает идею активного плавания [Кузнецова 2007]. Разными глаголами может кодироваться плавание одной рыбы и косяка рыб: так, в русском *косяк идет*, а не *плывет, также и в тамильском для косяка используются общие глаголы движения (ср.: *cēl* ‘идти, перемещаться’), тогда как перемещение одной рыбы может описываться глаголом активного плавания *nīntu* [Смирнитская 2007].

В области качественных признаков нетривиальный переход по смежности затрагивает, например, область скорости: в языках часто совмещаются значения скорости течения процесса или действия и скорости преодоления дистанции между точкой отсчета и началом события. Например, русск. *быстро* применимо к обоим типам ситуаций: можно сказать и *быстро шел* (скорость процесса ходьбы), и *быстро вернулся* (интервал до начала события). Так же ведет себя англ. *quickly*, нем. *schnell* и др. Но вообще говоря, эти значения могут быть и лексически противопоставлены. Например, современное русское *скорый* описывает только интервал (*скоро вернусь*), но не процесс (ср. устар. *скорая езда*); ср. также: *медленно ответил* ≈ ‘отвечал (разговаривая) медленно’ vs. *долго не отвечал* (‘длинный «пустой» интервал перед началом действия’), подробнее см. [Rakhilina, Plungian (forthcoming)].

Очень любопытно часто возникающее совмещение между смежными ситуациями плавания и течения: речь идет о плавании предмета по течению, т. е. за счет течения воды (ср.: ‘бревно плывет’), и самого течения. Это как раз тот случай, когда смежность очевидным образом, вопреки теории, перекрывает границу семантического поля и возникает между фреймами разных семантических областей (таксономических классов). Замеченный нами перенос не универсален (ни в русском, ни в английском этого эффекта нет, ср.: *течь* и *плыть*, *flow* и *drift/float*), хотя и очень распространен: в выборке проекта Aquamotion он засвидетельствован более чем в 15 языках: итальянском, шведском, литовском, польском, финском, хакасском, японском, китайском и др.

Еще более значима типологически так называемая результивная [Падучева 2004; Кустова 1998; 2004], или end-point метонимия [Lakoff 1987; Brugman, Lakoff 1988]: по определению, этот переход семантически связывает и тем самым лексически совмещает процесс и его результат: *строители огораживают*_{процесс} *площадку высоким забором* – *высокий забор огораживает*_{результат} *строительную площадку*; ср. также известный пример, демонстрирующий многозначность английского предлога *over* ‘через’: *to fly over the hill* – *to live over the hill*, букв. ‘перелететь через гору’ – ‘жить через гору’ (в том же значении, что и русск. *жить через дорогу*). В первом случае речь идет о движении, а во втором – о местонахождении в конечном пункте этого движения.

Ясно, что фреймы ситуации-процесса и ситуации-результата могут иметь достаточно различий, чтобы быть таксономически противопоставленными. Например, процесс

⁷ Тем не менее есть вопросы, касающиеся метонимии, которые интересно было бы решать именно в рамках широкого типологического исследования – например, составить список лексических групп, для которых метонимия часть-целое по каким-то причинам невозможна и проверить, верно ли, что она действительно не реализуется ни в одном языке. Кажется, так устроены глаголы движения, которые описывают или движение части, или движение всего объекта в целом, ср.: ‘лыжник катится с горы’ ≠ ‘ноги лыжника катятся с горы’ (ср. однако в специальных контекстах: *мои ноги еще продолжали механически идти*).

всплытия и результат этого процесса – плавание (нахождение) на поверхности воды представляют разные таксономические классы (= семантические зоны или поля), с разными свойствами: процесс всплытия – это вертикальное перемещение в воде, а плавание на поверхности – горизонтальное. Тем не менее, как показано в [Рахилина 2007], во многих языках мира (японском, китайском, хинди и др.) эти ситуации совмещаются в одной лексеме в силу своей смежности.

3.4. Домены и семантические переходы; маркирование фреймовых границ

Итак, для лексической типологии фиксация семантических переходов, причем, как видим, не только метафор, но и метонимий, важна уже потому, что сам по себе переход представляет склеивание фреймов, а значит, попадает в сферу ее задач. Другое дело, что при этом типе склеивания фреймы принадлежат разным семантическим областям и не укладываются в одну семантическую карту. Для того чтобы представить такие связи графически и еще соотнести их с картой описываемого поля, нужно было бы предусмотреть дополнительные плоскости: фрагменты карт других семантических полей – но это уже сложная многомерная структура. Для одного языка ее представить нетрудно, но наложить несколько карт друг на друга, как мы это делаем с прямыми значениями, и сравнить результаты графически, пожалуй, было бы невозможно.

Есть и другое важное различие в структуре прямых и переносных значений. Совмещение прямых значений касалось семантического поля в целом, и именно семантическое поле в целом описывали наши лексико-типологические карты. Метафоры и те метонимии, которые нарушают границы поля, имеют в качестве своего источника конкретные, достаточно узкие типы ситуаций, а не семантическую область в целом. Это обстоятельство, кстати, проясняет трудности, возникающие при пересчете с одной терминологической системы на другую. В нашей терминологии такие подобласти соответствуют фреймам, но в теоретической литературе, посвященной метафорам, о них говорят как о *доменах*. Одновременно доменом часто называют и то, что мы бы назвали полем или таксономическим классом. Между тем домен в значении ‘фрейм’ и домен в значении ‘семантическое поле’ – вещи совершенно разные, в частности, разного объема, хотя и те и другие представляют собой определенные зоны семантического пространства. Поэтому когда речь заходит о сходстве между доменами как о базовом свойстве метафорических переходов, имеются в виду подобласти **разных** семантических полей, равные **фреймам**, но не сами поля: склеивание фреймов внутри одного поля не принято называть метафорами, целые же поля дают слишком разнородную метафорику.

Разным фреймам и группам фреймов, вообще говоря, могут быть свойственны разные семантические переходы, и, как мы видели на примерах из этого раздела, эти переходы устойчивы и типологически релевантны: они воспроизводятся в разных языках. Соответственно, семантические переходы можно использовать как косвенное подтверждение границ фреймов внутри семантического поля. Этот эффект хорошо прослеживается, например, на материале глаголов перемещения в воде.

Один из фрагментов этой зоны – плавание по течению – лишь в незначительном числе языков получает отдельное лексическое выражение, в большинстве же случаев он совмещается или с движением судов, или с нахождением на поверхности воды, так что можно было бы усомниться в необходимости выделять подзону плавания по течению в качестве отдельного фрейма. Однако существенным фактором здесь оказывается метафорика: выясняется, что это значение служит источником для своего собственного класса метафор. В их основе лежит идея беспрепятственного движения, ср.: ‘плавное движение по поверхности’, ‘перемещение по воздуху’, ‘беспрепятственное проникновение куда-л.’ и др. (подробнее см. [Рахилина 2007]). Такая специфика «метафорического потенциала» указывает на когнитивную обособленность подзоны плавания по течению, поэтому мы и рассматриваем ее как отдельный фрейм в составе общего поля движения в воде.

Конечно, корреляции между фреймами и соответствующими им метафорами трудно установить на материале отдельного языка – подобные тенденции ясно прослеживаются только в типологической перспективе. Напротив, отдельный язык может создать иллюзию нарушения общего распределения. Эта иллюзия часто возникает за счет совмещения соответствующих фреймов в исходном поле. Наглядной иллюстрацией этого может служить описание движения времени, которое вдруг в некоторых языках обнаруживает в качестве семантического источника глаголы движения по течению: ‘плыть по течению’ → ‘идти (о времени)’. Если рассматривать его изолированно, этот переход выглядит очень необычно. В то же время, если бы на месте глагола плавания по течению оказался глагол движения воды (‘течь’), то такой источник метафоры выглядел бы очень естественно, потому что время, как и многие другие абстрактные сущности, само уподобляется (движущемуся) веществу (ср. хотя бы грамматическое поведение таких лексем в артиклевых языках). Но противоречия нет: дело в том, что такой нестандартный сдвиг значения возникает только в тех языках, где плавание по течению совмещено с течением воды (тип метонимии, который мы только что обсуждали). Значит, данная метафора порождена не плавательным фреймом, а фреймом течения, так что из описания семантических переносов, свойственных плавательной зоне, ее можно просто исключить.

Понятно, что возможны ситуации, когда настоящий семантический источник сдвига на самом деле гораздо шире значения одного фрейма. Именно так, видимо, устроены метафоры с достаточно абстрактной конечной зоной, например ‘приблизительность’. Идея приблизительности может моделироваться как предикатами качания (*значение данного параметра колеблется около нулевой отметки*), так и вращения (например, испанский глагол *rondar* употребляется в контекстах типа ‘цена на гамбургер составляет примерно (букв. кружит вокруг) 3 евро’). Однако при более широком понимании этого значения – как идеи ‘нестабильности’ – источники данной метафоры оказываются еще разнообразнее: она может восходить к различным видам итеративного движения, ср., в частности, глаголы с семантикой нахождения на поверхности воды (фрейм, подразумевающий неустойчивое положение на воде, то есть движение субъекта из стороны в сторону): англ. *floating rate* и русский аналог этого выражения *плавающий курс валюты*, см. подробнее [Рахилина 2007].

Переходы, о которых мы только что говорили, имеют засвидетельствованный в языке лексический источник и служат надежной основой для построения лексической типологии. В этом смысле они синхронны. Одновременно они представляют собой результаты исторических изменений и в этом качестве могут объединяться с диахроническими явлениями. «Синхронные» семантические переходы нужны лексической типологии – а нужна ли ей диахроническая лексикология в целом?

3.5. Об исторических сдвигах значения

В принципе, привлечение более глубокого исторического слоя, доступного нам как результат лексических реконструкций, тоже может помочь в расширении релевантного для лексической типологии материала: по сути дела, этимологии описывают те же семантические переходы, только отложенные во времени как лингвистические гипотезы, более или менее вероятные. Поэтому в перспективе, когда лексико-типологических исследований будет много, «сложение» лексико-типологических результатов с этимологическими должно дать эффект увеличения вероятности той или иной этимологической гипотезы. Пока же наоборот, этимологии могут помочь лексической типологии. Тем не менее, если сравнивать наши проекты с тем же Каталогом семантических переходов (проект под рук. Анны А. Зализняк), то для нас исторические этимологические словари являются скорее дополнительным источником лингвистической информации – хотя в ряде работ мы на эти источники опирались существенно [Плунгян, Рахилина 2007; Rakhilina, Plungian (forthcoming)] и получили результаты, интересные с методологической точки зрения.

Мы уже упоминали о совмещении значения активного движения в воздухе (полет птиц) и прыгания, описанном в [Плунгян, Рахилина 2007] на основе анализа синхронных данных целого ряда языков, ср. рутульский (лезгинская группа): глагол *la=w=č-* ‘летать; прыгать’ и др. В статье отмечаются и случаи параллельного существования обоих значений в парах когнатов, ср.: литовское *lėkti* ‘летать’, соответствующее латышскому *lekt* ‘прыгать’, или польско-русское соответствие (глагол со значением ‘летать’ в польском может употребляться в контекстах, в которых русский язык требует появления глагола ‘прыгать’, ср.: польск. *usta mu latają* (букв. ‘губы ему летают’), эквивалентное русскому *у него дрожат / прыгают губы*).

Остается вопрос – непростой для этой пары значений: какое из них исходно? Как правило, ответ на такой вопрос очевиден, потому что один из связанных друг с другом смыслов обычно более абстрактен, чем другой, а значит, скорее всего, вторичен, как учат нас теоретики. Но в данном случае оба предиката представляют достаточно конкретные значения, так сказать, одного порядка – и здесь как раз могла бы помочь этимология. Между тем этимологи связывают балтийский корень со славянским **let-/*lēt-*; следы этого корня специалисты склонны видеть и в других индоевропейских языках, в частности, германских – в большинстве случаев со значением ‘прыгать, подпрыгивать’, но также ‘лягать; топтать’ и некоторыми другими (см., например, [Фасмер 1986–1987, 2: 488]). Таким образом, если доверять этимологам, первичным в этой паре оказывается ‘прыгать’, а ‘летать’ – производным, т. е. результатом семантического перехода. В принципе, такое направление перехода довольно правдоподобно – оно не противоречит лексико-типологическим данным и говорит о том, что значение падения неодушевленных объектов развивается из фрейма летания, видимо, позже.

3.6. Лексическая типология как типология конструкций

Задача построения полного инвентаря источников и мишеней семантических переходов очень интересна и пока не решена: и словарь [Heine, Kuteva 2002], описывающий возможные лексические источники грамматикализации, и Каталог семантических переходов, о котором мы уже не раз говорили [Зализняк 2009], далеко не полны, и их расширение займет долгие годы. На сегодняшний день, например, вся признаковая зона в [Heine, Kuteva 2002] исчерпывается двумя значениями (‘плохой’ и ‘подлинный / настоящий’). В то же время в такой постановке эта задача для лексической типологии слишком узка и недостаточна, ведь источник и мишень не описывают сдвига целиком, они представляют собой только два его компонента.

Между тем описание сдвига в целом, как мы уже говорили, должно учитывать, во-первых, семантический тип перехода – метафора это или метонимия, т. е. сходство или смежность фреймовых значений, а во-вторых, конструкции, соответствующие всем реализациям фрейма, и исходным, и производным, и – что самое главное – степень их соответствия. Соответствие можно изучать теоретически ([Апресян 1967; Goldberg 1995] и др.), но можно и типологически ([Haspelmath, Buchholz 1998; Шеманаева 2008], проект Лейпцигского института эволюционной антропологии им. Макса Планка о валентных классах глаголов, см. <http://www.eva.mpg.de/lingua/valency/index.php>; ср. также [Брицын и др. (ред.) 2009]).

В последнем случае типологически изучаются лингвистические процессы, которые запускаются при переходе лексемы из одного домена в другой, имеющий, как мы уже не раз говорили, другие свойства. При этом переходе можно наблюдать изменения (в каких-то случаях даже радикальные) в окружении лексемы, другими словами, изменения свойственной ей конструкции. Собственно, мена конструкции – это просто лингвистическое средство маркирования подобного перехода, но оно используется далеко не всегда. Конструкции, описывающие ситуации, связанные с таксономически далекими друг от друга областями, могут тем не менее удачно накладываться друг на друга и не претерпевать никаких изменений, когда фреймы связанных с ними ситуаций отобража-

ются один в другой, так сказать, «послотно»: между слотами одного и другого фрейма устанавливается взаимно однозначное соответствие⁸.

Отображение одного домена в другой, при котором возникает взаимно однозначное (или близкое к нему) соответствие источника и результата метафоры – свойство абстрактных понятий, которые недоступны восприятию; часто так ведут себя эмоции, не имеющие «самостоятельных» концептов. Их фреймы всегда моделируются на основании более простых, физиологических состояний, довольно точно «копируя» соответствующий лингвистический контекст и поведение исходного слова. Ср. русск.: *мне больно смотреть на свет* (физиологическое значение) – *мне больно (весело / грустно...)* *видеть это* (эмоция), англ. *the fire seared his skin* ‘огонь опалил его кожу’ – *jealousy seared him* букв. ‘ревность опалила его’.

Типологически же гораздо интереснее те случаи, когда переход осуществляется между семантически очень далекими полями, поэтому не только никакой взаимооднозначности, но и простого отображения между фреймом-источником и фреймом-мишенью установить нельзя, ср.: в русск. *везти* ‘каузировать движение’ (*везти коляску*) – ‘быть удачливым’ (*ему везет*); *мешать* ‘соединять несколько веществ в однородную массу’ (*мешать вино с водой*) – ‘препятствовать кому-л. в какой-л. деятельности’ (*мешать папе работать*), *тащиться* ‘передвигаться медленно, с трудом’ (*тащиться в гору*) – ‘получать удовольствие от чего-л., очень любить что-л.’ (*тащиться от современного искусства*). Таких примеров необычайно много, но современная теория метафоры практически игнорирует проблематику, связанную с ними, описывая все метафорические процессы как отображение (mapping) одного домена (в терминах [Lakoff, Johnson 1980/2004; Croft 1993] и др.) или ментального пространства (в терминах [Fauconnier 1985]) в другой.

Обе модели сосредоточены на поиске прямых совпадений в концептуализации источника и метафоры. Поэтому, когда обсуждаются знаменитые примеры типа (1) СПОР КАК ВОЙНА [Lakoff, Johnson 1980/2004] или (2) ХИРУРГ КАК МЯСНИК [Grady et al. 1999; Fauconnier, Turner 2002], обращают внимание на существование в исходном и конечном семантическом пространстве противоборствующих сторон в (1) или активного агенса, инструмента и пациенса в (2): структурное тождество пространств дает возможность их сравнить и отождествить. То, что ему не подчиняется, можно игнорировать, «забыв», что в споре не убивают и что мясник имеет дело с мертвой тушей, а не с живым пациентом: ни в одной метафоре тождество сравниваемых пространств, говорят теоретики, не может быть совершенно полным⁹. Но с логической точки зрения и (1), и (2) представляют случаи отображений. Если же взять переход типа: *девочка везет коляску* → *ему везет* (подробнее см. прежде всего [Кустова 1998]), в результирующей области придется проигнорировать субъект, объект, добавить экспериенциального участника и т. п., так что «узнать» источник в мишени (как мы «узнаем» мясника в хирурге или войну в споре) уже не так просто.

Естественнее всего было бы выделить переходы-не-отображения в отдельный тип. Как мы показали в [Рахилина и др. 2010; Reznikova et al. 2012] на примере типологиче-

⁸ Если использовать логические термины, то в этом случае следует говорить не просто об отображении, но об отображении, одновременно инъективном (в котором задействованы все элементы исходного множества) и сюръективном (в котором задействованы все элементы конечного).

⁹ В качестве примера можно рассмотреть следующую метафору русского глагола *качать*: *качать воду / нефть* <например, *из колонки в ведро*> → *качать данные* <*из Интернета в компьютер*>, где обе ситуации в достаточной степени предметны и имеют собственную ясно выраженную структуру и набор участников. При этом структура исходной ситуации предполагает, в частности, что субъект затрачивает механические усилия, работая рукой (качая воду) или используя сложные устройства (на нефтяной скважине) – этот компонент (вместе с участником ‘рука’) утрачивается при переходе в новую область полностью. Наоборот, возможность представить выкачиваемую субстанцию как дискретную (набор отдельных файлов, ср. *качать файлы*) отсутствует у исходной ситуации и др. Все это говорит о том, что хотя при обычной метафоре и имеется в виду сходство сравниваемых семантических областей, сходство это не обязательно полное.

ского обследования зоны болевых ощущений (ср. в русск.: *колоть* 'физическое воздействие инструментом' → *бок колет* 'боль', *схватить* 'физическое воздействие руками' → *живот схватило* 'боль' и др.), такой переход очень своеобразен. Он демонстрирует отдельные черты метафоры и отдельные черты метонимии и имеет принципиальное сходство с имплицативным процессом, происходящим при грамматикализации. Как и при грамматикализации, этот переход лексемы из одного домена в другой (но, в отличие от грамматикализации, тоже лексический) может сопровождаться (маркироваться) не только меной синтаксической конструкции, свойственной исходной лексеме, но и изменением ее морфологических характеристик (например, редукцией словоизменительной парадигмы). Таким образом, чтобы закрепить семантические изменения, которые происходят в структуре слова при смене им таксономического класса, и отличить его новые употребления от старых, часто приходится полностью перестроить модели его лингвистического поведения на всех уровнях (исключая разве что фонетический). Такую тотальную лексическую перестройку мы назвали **ребрендингом** (подробнее о ребрендинге см. [Рахилина и др. 2010; Reznikova et al. 2012]).

По нашему мнению, исследование источников, мишеней и типов ребрендинга, когнитивной устойчивости и типологической значимости этого перехода – одна из интересных задач лексической типологии, которая, кстати, повышает ее статус: с ее помощью лексическая типология легко перешагивает границы узкой подобласти семантики и превращается в перекресток общезначимых лингвистических задач, связанных со структурой и функционированием языковых конструкций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексическая типология – в разных представлениях об этом новом направлении лингвистики – ставит перед собой разные задачи, все они захватывающие и в теоретическом, и в практическом плане.

Неймегенская школа изучает лексику как психолингвистическую реальность. Ее исследователей интересует вопрос, как носители разных языков реагируют на одинаковые стимулы – вкус, цвет, клип или слайд, иллюстрирующий некоторую внеязыковую ситуацию: одинаково или по-разному? Слова для них как для психологов – это такие реакции, и больше ничего, поэтому их сугубо лингвистические свойства (морфология, синтаксис, семантические переходы и т. п.) очень часто остаются в тени (даже в интереснейших работах Стивена Левинсона, см. [Levinson 2003; Levinson, Wilkins (eds.) 2006] и др.). Дело в том, что с этой точки зрения набор стимулов и его полнота не так уж важны, важно доказать сам факт общности когнитивного поведения говорящих, имеющих принципиально разный языковой опыт – а значит, существование своего рода общей когнитивной базы для всех языков мира.

Клифф Годдард и Анна Вежбицкая, представляющие особую лексико-типологическую школу, решают давнюю логическую задачу: можно ли маленьким набором примитивных смыслов (для которых, по их мнению, в языке всегда есть лексические корреляты) описать все на свете слова во всех языках. Таким образом, их главная задача – не соотнести друг с другом разные слова разных языков, а установить их связь с очень небольшим, меньше сотни, подмножеством лексических единиц. Если это удастся, будет устранено множество проблем. Мало того, что будет доказано, что вариативность языков не так уж велика, сама собой решится и задача облегчения и упрощения так называемой межкультурной коммуникации: носители разных языков научатся понимать друг друга.

Лексическая типология в нашем понимании нацелена на реальное сопоставление лексического состава языков и объема значения лексем, представляющих в каждом из них то или иное семантическое поле. Такая задача в далекой перспективе может иметь в виду составление мультязычного словаря (в идеале – универсального) на базе ответов на вопросы множества анкет, содержащих в качестве входов различительные микро-

фреймы для каждого поля. Понятно, что решить такую задачу качественно, но быстро вряд ли удастся, поэтому нам бы хотелось акцентировать и ее теоретический аспект.

Мы уверены, что собранный по нашей методике лексико-типологический материал позволяет доказать системность лексики, а значит, помогает предсказывать поведение слов в лексической системе произвольного языка и, в частности, их дальнейшее семантическое развитие. Именно поэтому мы так тщательно определяем и фиксируем не просто лексические значения, но и возможные для них типы семантических сдвигов. Мечта состоит в том, чтобы научиться видеть релевантные противопоставления даже на материале небольшого числа языков, так чтобы при расширении выборки реконструируемую сеть значений не приходилось пересматривать, а только уточнять или детализировать. Мы уверены, что общая лексическая система в языках есть и устроена она настолько прозрачно, что эта мечта вполне реализуема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1967 – Ю.Д. *Апресян*. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Апресян 1974/1995 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974 (2-е доп. изд.: Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. I. М., 1995).
- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. О языке толкований и семантических примитивах // Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 2009 – Ю.Д. *Апресян*. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. Парадигматика. (Studia philologica.) М., 2009.
- Апресян и др. 1979 – Ю.Д. *Апресян*, В.В. *Ботякова*, Т.Э. *Латышева* и др. Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
- Брицын и др. (ред.) 2009 – В.М. *Брицын*, Е.В. *Рахилина*, Т.И. *Резникова*, Г.М. *Яворская* (ред.). Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. Киев, 2009.
- Ганенков 2005 – Д.С. *Ганенков*. Контактные локализации в нахско-дагестанских языках и их типологические параллели: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Гладкова 2010 – А.Н. *Гладкова*. Русская культурная семантика: эмоции, ценности, жизненные установки. М., 2010.
- Дыбо 1989 – А.В. *Дыбо*. К истории традиционных антропометрических терминов // Советская тюркология. 1989. № 1.
- Дыбо 1996 – А.В. *Дыбо*. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996.
- Зализняк 2009 – Анна А. *Зализняк*. О понятии семантического перехода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды междунар. конф. «Диалог'2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М., 2009.
- Кашкин 2010 – Е.В. *Кашкин*. Семантика глаголов разделения объекта на части в эрзянском и коми-зырянском языках (прямые и переносные употребления). Дипломная работа. МГУ. М., 2010.
- Кибрик 1992 – А.Е. *Кибрик*. Типология родственных языков: синхрония и эволюция // Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков. М., 1992.
- Кретов и др. 2011 – А.А. *Кретов*, И.А. *Меркулова*, В.Т. *Титов*. Проблемы квантитативной лексикологии славянских языков // Вопросы языкознания. 2011. № 1.
- Круглякова 2010 – В.А. *Круглякова*. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- Кузнецова 2007 – Ю.Л. *Кузнецова*. Глаголы перемещения в воде в персидском языке // Т.А. *Майсак*, Е.В. *Рахилина* (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Кустова 1998 – Г.И. *Кустова*. Производные значения с экспериенциальной составляющей // Семантика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Кустова 2004 – Г.И. *Кустова*. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Кюсева 2012 – М.В. *Кюсева*. Лексическая типология семантических сдвигов названий качественных признаков 'острый' и 'тупой'. Дипломная работа. МГУ. М., 2012.

- Ландер, Крамарова 2007 – Ю.А. Ландер, С.Г. Крамарова. Индонезийские глаголы плавания и их система // Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Майсак, Рахилина (ред.) 2007 – Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Мельчук, Холодович 1970 – И.А. Мельчук, А.А. Холодович. К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. 1970. № 4.
- НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд. М.; Вена, 2004.
- Павлова 2012 – Е.К. Павлова. Качественные признаки 'мягкий' и 'твердый' в типологической перспективе. Курсовая работа. МГУ. М., 2012.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Плунгян, Рахилина 1996 – В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. [Рец. на:] С. Goddard, A. Wierzbicka (eds.). Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings. Amsterdam, 1994 // Вопросы языкознания. 1996. № 3.
- Плунгян, Рахилина 2007 – В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. К типологии глаголов 'летать' и 'прыгать' // Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Подлипенцева 2011 – А.А. Подлипенцева. «Живой» и «мертвый» как источники признаковых метафор (в типологическом освещении). Дипломная работа. РГГУ. М., 2011.
- Рахилина 2007 – Е.В. Рахилина. Типы метафорических употреблений глаголов плавания // Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Рахилина 2010 – Е.В. Рахилина. Звуки Му // Проблемы грамматики и типологии: Сб. статей памяти В.П. Недеякова. М., 2010.
- Рахилина, Плунгян 2007 – Е.В. Рахилина, В.А. Плунгян. О лексико-семантической типологии // Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Рахилина, Прокофьева 2004 – Е.В. Рахилина, И.А. Прокофьева. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания. 2004. №1.
- Рахилина, Прокофьева 2005 – Е.В. Рахилина, И.А. Прокофьева. Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // В.Н. Топоров (ред.). Язык. Личность. Текст. Сб. к 70-летию Т.М. Николаевой. М., 2005.
- Рахилина и др. 2010 – Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, А.А. Бонч-Осмоловская. Типология преобразования конструкций: предикаты боли // Е.В. Рахилина (отв. ред.). Лингвистика конструкций. М., 2010.
- Смирнитская 2007 – А.А. Смирнитская. Глаголы перемещения в воде в тамильском языке // Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Сорокина 2010 – А.С. Сорокина. Семантика качественных прилагательных со значением 'острый', 'тупой', 'полный' и 'пустой' в корейском языке. Дипломная работа. РГГУ. М., 2010.
- Тагабилева 2011 – М.Г. Тагабилева. Качественные признаки 'пустой', 'полный': к построению семантической типологии. Курсовая работа. МГУ. М., 2011.
- Тагабилева, Холкина 2010 – М.Г. Тагабилева, Л.С. Холкина. Качественные признаки «пустой» и «полный» в типологическом освещении // Материалы Седьмой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб., 2010.
- Татевосов 2004 – С.Г. Татевосов. Семантическое картирование: метод и теория // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2004. № 1.
- Титов 2002 – В.Т. Титов. Общая квантитативная лексикология романских языков. Воронеж, 2002.
- ТКС – И.А. Мельчук, А.К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 14.) Wien, 1984.
- Толстая 2008 – С.М. Толстая. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.
- Фасмер 1986-1987 – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986-1987.
- Храковский (ред.) 1989 – В.С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л., 1989.

- Шеманаева 2007 – О.Ю. Шеманаева. Выражение перемещения в воде в немецком языке // Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Шеманаева 2008 – О.Ю. Шеманаева. Конструкции размера в типологической перспективе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Aikhenvald 2000 – A.Y. Aikhenvald. *Classifiers: A typology of noun categorization devices*. Oxford, 2000.
- Amberber (ed.) 2007 – M. Amberber (ed.). *The language of memory in a cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2007.
- Anderson 1982 – L.B. Anderson. The 'perfect' as a universal and as a language-particular category // P.J. Hopper (ed.). *Tense-aspect: Between semantics & pragmatics*. Amsterdam, 1982.
- Anderson 1986 – L.B. Anderson. Evidentials, paths of change, and mental maps: typologically regular asymmetries // W. Chafe, J. Nichols (eds). *Evidentiality: The linguistic encoding of epistemology*. Norwood, 1986.
- van der Auwera, Plungian 1998 – J. van der Auwera, V.A. Plungian. Modality's semantic map // *Linguistic typology*. 1998. V. 2. № 1.
- Berlin, Kay 1969 – B. Berlin, P. Kay. *Basic color terms: Their universality and evolution*. Berkeley, 1969.
- Blank, Koch 2000 – A. Blank, P. Koch. La conceptualisation du corps humain et la lexicologie diachronique romane // H. Dupuy-Engelhardt, M.-J. Montibus (eds.). *La lexicalisation des structures conceptuelles: Actes du colloque international EUROSEM 1998. (Recherches en linguistique et psychologie cognitive, 13.)* Reims, 2000.
- Boas 2011 – H.C. Boas. Constructing parallel lexicon fragments based on English FrameNet entries: Semantic and syntactic issues // H. Hedeland, T. Schmidt, K. Woerner (eds.). *Multilingual resources and multilingual applications. Proceedings of the German society for computational linguistics and language technology (GSCL) 2011*. Hamburg, 2011.
- Brugman, Lakoff 1988 – C.M. Brugman, G. Lakoff. Cognitive topology and lexical networks // G.W. Cottrell, S.L. Small, M.K. Tanenhaus (eds.). *Lexical ambiguity resolution: Perspectives from psycholinguistics, neuropsychology and artificial intelligence*. San Mateo (CA), 1988.
- Bybee 1985 – J.L. Bybee. *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam, 1985.
- Bybee, Dahl 1989 – J.L. Bybee, Ö. Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in language*. 1989. V. 13.
- Bybee et al. 1994 – J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago, 1994.
- Comrie 1976 – B. Comrie. *Aspect*. Cambridge, 1976.
- Comrie 1985 – B. Comrie. *Tense*. Cambridge, 1985.
- Corbett 1991 – G.G. Corbett. *Gender*. Cambridge, 1991.
- Corbett 2000 – G.G. Corbett. *Number*. Cambridge, 2000.
- Croft 1993 – W. Croft. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymy // *Cognitive linguistics*. 1993. V. 4. № 4.
- Cusihuamán 2001 – A. Cusihuamán. *Diccionario Quechua: Cuzco-Collao*. 2-nd ed. Lima, 2001.
- Dahl 1985 – Ö. Dahl. *Tense and aspect systems*. Oxford; New York, 1985.
- Evans 2011 – N. Evans. Semantic typology // J.J. Song (ed.). *The Oxford handbook of linguistic typology*. Oxford; New York, 2011.
- Fauconnier 1985 – G. Fauconnier. *Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural languages*. Cambridge (MA), 1985.
- Fauconnier, Turner 2002 – G. Fauconnier, M. Turner. *The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York, 2002.
- Fillmore 1976 – Ch.J. Fillmore. Frame semantics and the nature of language // *Annals of the New York Academy of sciences: Conference on the origin and development of language and speech*. 1976. V. 280.
- Fillmore 1982 – Ch.J. Fillmore. *Frame semantics* // *Linguistics in the Morning Calm*. Seoul, 1982.
- Geeraerts 1988 – D. Geeraerts. [Рец. на:] A. Wierzbicka. *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor, 1985 // *Language in society*. 1988. V. 17.
- Geeraerts 1993 – D. Geeraerts. 'Vagueness's puzzles, polysemy's vagaries' // *Cognitive linguistics*. 1993. V. 4. № 3.
- Gévaudan et al. 2003 – P. Gévaudan, P. Koch, A. Neu. Hundert Jahre nach Zauner: Die romanischen Namen der Körperteile im DECOLAR // *Romanische Forschungen*. 2003. Bd. 115. № 1.

- Goddard 1998 – C. Goddard. *Semantic analysis: A practical introduction*. Oxford, 1998.
- Goddard 2001 – C. Goddard. *Lexico-semantic universals: a critical overview // Linguistic typology*. 2001. V. 5. № 1.
- Goddard (ed.) 2008 – C. Goddard (ed.). *Cross-linguistic semantics*. Amsterdam; Philadelphia, 2008.
- Goddard, Wierzbicka (eds) 1994 – C. Goddard, A. Wierzbicka (eds). *Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings*. Amsterdam, 1994.
- Goddard, Wierzbicka (eds) 2002 – C. Goddard, A. Wierzbicka (eds). *Meaning and universal grammar: Theory and empirical findings (2 vol.)*. Amsterdam; Philadelphia, 2002.
- Goldberg 1995 – A.E. Goldberg. *Constructions. A construction grammar approach to argument structure*. Chicago; London, 1995.
- Grady 1999 – J.E. Grady. *A typology of motivation for conceptual metaphor: Correlation vs. resemblance // R.W. Gibbs (Jr.), G.J. Steen (eds). Metaphor in cognitive linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, 1999.
- Grady et al. 1999 – J.E. Grady, T. Oakley, S. Coulson. *Conceptual blending and metaphor // R.W. Gibbs (Jr.), G.J. Steen (eds). Metaphor in cognitive linguistics*. Amsterdam; Philadelphia, 1999.
- Haspelmath 2003 – M. Haspelmath. *The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // M. Tomasello (ed.). The new psychology of language*. V. 2. Mahwah (NJ), 2003.
- Haspelmath, Buchholz 1998 – M. Haspelmath, O. Buchholz. *Equative and similitive constructions in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). Adverbial constructions in the languages of Europe. (Empirical approaches to language typology. EURO TYP, 20-3.)* Berlin, 1998.
- Heine, Kuteva 2002 – B. Heine, T. Kuteva. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge, 2002.
- Janda, Solovyev 2009 – L.A. Janda, V. Solovyev. *What constructional profiles reveal about synonymy: A case study of Russian words for SADNESS and HAPPINESS // Cognitive linguistics*. 2009. V. 20. № 2.
- Katz, Fodor 1963 – J.J. Katz, J.A. Fodor. *The structure of a semantic theory // Language*. 1963. V. 39.
- Kibrik 1998 – A.E. Kibrik. *Does intragenetic typology make sense? // W. Boeder, C. Schroeder, K.H. Wagner, W. Wildgen (eds). Sprache in Raum und Zeit. In memoriam Johannes Bechert. Bd. 2: Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft*. Tübingen, 1998.
- Kopecka, Narasimhan (eds) 2012 – A. Kopecka, B. Narasimhan (eds). *Events of putting and taking: A crosslinguistic perspective*. Amsterdam, 2012.
- Koptjevskaja-Tamm 2008 – M. Koptjevskaja-Tamm. *Approaching lexical typology // M. Vanhove (ed.). From polysemy to semantic change: Towards a typology of lexical semantic associations*. Amsterdam, 2008.
- Koptjevskaja-Tamm et al. 2010 – M. Koptjevskaja-Tamm, D. Divjak, E. Rakhilina. *Aquamotion verbs in Slavic and Germanic: A case study in lexical typology // V. Driagina-Hasko, R. Perelmutter (eds). New approaches to Slavic verbs of motion*. Amsterdam, 2010.
- Lakoff 1987 – G. Lakoff. *Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind*. Chicago; London, 1987.
- Lakoff, Johnson 1980/2004 – G. Lakoff, M. Johnson. *Metaphors we live by*. Chicago; London, 1980 (русск. пер.: Дж. Лакофф, М. Джонсон. *Метафоры, которыми мы живем*. М., 2004).
- Lakoff, Turner 1989 – G. Lakoff, M. Turner. *More than cool reason: A field guide to poetic metaphor*. Chicago, 1989.
- Lehrer 1974 – A. Lehrer. *Semantic fields and lexical structure*. Amsterdam, 1974.
- Levinson 2003 – S.C. Levinson. *Space in language and cognition: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge, 2003.
- Levinson, Wilkins (eds) 2006 – S.C. Levinson, D.P. Wilkins (eds). *Grammars of space: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge, 2006.
- Majid, Bowerman (eds) 2007 – A. Majid, M. Bowerman (eds). *Cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective. Cognitive linguistics (special issue)*. 2007. V. 18. № 2.
- Majid, Levinson 2007 – A. Majid, S.C. Levinson. *The language of vision. V. I: Color // A. Majid (ed.). Field manual*. V. 10. Nijmegen, 2007.
- Majid, Levinson (eds) 2011 – A. Majid, S.C. Levinson (eds). *The senses in language and culture // The senses & society (special issue)*. 2011. V. 6. № 1.
- Majid et al. 2007 – A. Majid, G. Senft, S.C. Levinson. *The language of olfaction // A. Majid (ed.). Field manual*. V. 10. Nijmegen, 2007.
- Mel'čuk et al. 1999 – I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Iordanskaja, S. Mantha, A. Polguère. *Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexicosémantiques IV*. Montréal, 1999.

- Narrog 2010 – *H. Narrog*. A diachronic dimension in maps of case functions // *Linguistic discovery*. 2010. V. 8. № 1.
- Newman (ed.) 1998 – *J. Newman* (ed.). *The linguistics of giving*. (Studies in typological linguistics 36.) Amsterdam, 1998.
- Newman (ed.) 2002 – *J. Newman* (ed.). *The linguistics of sitting, standing, and lying*. (Studies in typological linguistics 51.) Amsterdam, 2002.
- Newman (ed.) 2009 – *J. Newman* (ed.). *The linguistics of eating and drinking*. (Studies in typological linguistics 84.) Amsterdam, 2009.
- Rakhilina, Plungian (forthcoming) – *E. Rakhilina, V. Plungian*. TIME and SPEED: Where do speed adjectives come from? // *Russian linguistics* (forthcoming).
- Reznikova et al. 2012 – *T. Reznikova, E. Rakhilina, A. Bonch-Osmolovskaya*. Towards a typology of pain predicates // *Linguistics*. 2012. V. 50. № 3.
- Senft et al. 2007 – *G. Senft, A. Majid, S.C. Levinson*. The language of taste // *A. Majid* (ed.). *Field manual*. V. 10. Nijmegen, 2007.
- Sweetser 1990 – *E. Sweetser*. *From etymology to pragmatics: metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge; New York, 1990.
- Viberg 1983 – *Å. Viberg*. Verbs of perception: A typological study // *Linguistics*. 1983. V. 21.
- Wierzbicka 1972 – *A. Wierzbicka*. *Semantic primitives*. Frankfurt am Main, 1972.
- Wierzbicka 1996 – *A. Wierzbicka*. *Semantics: Primes and universals*. Oxford, 1996.

Сведения об авторах:

Екатерина Владимировна Рахилина
 Институт русского языка РАН им. В.В. Виноградова,
 Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
 rakhilina@gmail.com

Татьяна Исидоровна Резникова
 Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
 tanja.reznikova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 31.08.2012

© 2013 г. АННА А. ЗАЛИЗНЯК

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД КАК ОБЪЕКТ ТИПОЛОГИИ*

В статье подводятся некоторые итоги работы над «Каталогом семантических переходов в языках мира» и определяется место его концепции по отношению к синхронной лексической семантике и диахронически ориентированной семантической типологии, из которых она вышла, и к современной лексической типологии, в которую она вошла. Делаются некоторые уточнения, касающиеся базовых понятий данной концепции – семантического перехода и типов его реализации.

Ключевые слова: семантический переход, семантическая деривация, семантическая эволюция, семантическая типология, лексическая типология, семантическая параллель, лексическая семантика, полисемия, грамматикализация

The article summarizes some results of the work on the «Catalogue of semantic shifts in the languages of the world» and determines its relationship to synchronic lexical semantics and diachronically oriented semantic typology, from which it originates, as well as to the modern lexical typology which it actually entered. Some specifications are proposed concerning the concepts of semantic shift and types of realization of semantic shift.

Keywords: semantic shift, semantic derivation, semantic change, semantic typology, lexical typology, semantic parallel, lexical semantics, polysemy, grammaticalization

За полтора десятилетия, прошедшие с момента возникновения замысла Каталога семантических переходов¹, в той сфере лингвистики, которой он принадлежит, произошли весьма существенные изменения: не только появился целый ряд научных проектов, весьма близких по своим задачам и методологии², но и более того, область исследова-

* Статья написана при поддержке РГНФ, грант № 10-04-00156а, и РФФИ, грант № 12-06-33038.

¹ Концепция Каталога семантических переходов разрабатывалась с середины 1990-х гг., с 1998 – в рамках проекта по типологии семантической деривации, поддержанного РФФИ. С 2002 г. работа над реализацией Каталога семантических переходов в форме компьютерной базы данных осуществляется силами рабочей группы Института языкознания РАН (М.С. Булах, Д.С. Ганенков, И.А. Грунтов, Анна А. Зализняк, Т.А. Майсак, М.М. Руссо; до 2005 г. в работе над Каталогом принимала участие также Е.С. Грунтова) при поддержке фондов РФФИ, ИНТАС, РГНФ; разработка формата базы данных принадлежит Д.С. Ганенкову. О концепции Каталога семантических переходов и структуре Базы данных по семантическим переходам в языках мира см. [Зализняк 2001; 2006: 392–402; 2009; Грунтов 2007; Zalizniak 2008; Zalizniak et al. 2012].

² Назову прежде всего проекты под руководством П. Коха – DECOLAR (Dictionnaire étymologique et cognitive des langues romanes: <http://www.decolar.uni-tuebingen.de/>) и LexiTypDia («Lexical change – polygenesis – cognitive constants: The human body»), см. [Blank, Koch 2000; Blank et al. 2000; Gévaudan et al. 2003; Gévaudan, Wiebel 2004; Gévaudan 2007]; проект по типологии «семантических сближений» («Typology of semantic associations») под руководством М. Ванхов см. [Vanhove 2008]; исследования по русско-французским этимологическим параллелям С. Сахно [Sakhno 1998; 1999; 2001; Hénault-Sakhno, Sakhno 2005]; проекты по лексической типологии под руководством Е.В. Рахилиной [Майсак, Рахилина (ред.) 2007; Бонч-Осмоловская и др. 2009; Рахилина и др. 2009; 2010а; 2010б], проект по типологии температурных терминов под руководством М. Копчевской-Тамм (http://temperature.ling.su.se/index.php/Main_Page), см. также [Копчевская, Рахилина 1999; Tamm, Rakhilina 2006].

ний, обозначающая себя как лексическая типология, из маргинального раздела типологии превратилась в ведущее направление не только типологии, но и вообще лингвистики, оказавшись точкой приложения ее новейших идей и методов³.

В данной статье я хочу подвести некоторые итоги работы над Каталогом семантических переходов и определить место его концепции по отношению к синхронной лексической семантике и диахронически ориентированной семантической типологии, из которых она вышла, и к современной лексической типологии, в которую она вошла. В частности, я сделаю некоторые уточнения, касающиеся центрального для данной концепции понятия семантического перехода как объекта семантической типологии (введенного в [Зализняк 2001]).

1. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД КАК РАСШИРЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПОЛИСЕМИИ

Понятие семантического перехода в настоящий момент оказалось, по-видимому, одним из центральных для лингвистической семантики. Это обусловлено, с одной стороны, успехами диахронической когнитивной семантики, моделирующей процессы семантической эволюции, в том числе, в области теории грамматикализации, см. [Sweetser 1990; Bybee et al. 1994; Плунгян 1998; 2011; Blank 2000; Haser 2003; Heine, Kuteva 2002; Traugott, Dasher 2002; Koch 2004; Майсак 2005] и др. С другой стороны, как семантические переходы естественно концептуализуются устойчивые соотношения между значениями и классами значений, выявляемые в исследованиях в области систематизации описания лексической многозначности [Апресян 1995; 2009; Кустова, Падучева 1994; Кустова 2004; Падучева 2004; Розина 2005] и др. Понятие семантического перехода традиционно используется в этимологии, компаративистике и исторической лингвистике [Бенвенист 1954/74; Трубачев 1976; 1988] и др.; например, авторы статьи [Зализняк и др. 2005] пользуются понятием «сходного семантического перехода» при установлении значения слов в древних текстах (ср. ниже о понятии «семантической параллели»). Семантический переход используется также в качестве инструмента описания языковой картины мира (см. [Толстая 2002; 2008; Аркадьев 2002; Руссо 2012; Зализняк 2013]). Новый импульс разработке понятия семантического перехода придала концепция «грамматики конструкций», позволившая интегрировать различные факторы, определяющие функционирование данного феномена; как справедливо отмечается исследователями, семантический переход – это, прежде всего, смена конструкции⁴.

В рамках нашей модели под «семантическим переходом» понимается наличие некой концептуальной смежности⁵ между двумя языковыми значениями А и В, проявляющейся в том, что данные два значения совмещаются в пределах «одного слова в широком смысле» (см. ниже). А именно, семантический переход обнаруживает себя в форме реализаций следующих типов, различаемых в зависимости от того, какие языковые единицы являются носителями сопоставляемых значений (среди которых базовым – как в методологическом, так и в количественном отношении – является «синхронная полисемия»).

1. Синхронная полисемия: А и В – значения одного слова, например, *голова* ‘голова (часть тела)’ и ‘единица счета сельскохозяйственных животных’, англ. *to call* ‘звать <кого-то>’ и ‘звонить <кому-то> по телефону’.

2. Диахроническая семантическая эволюция некоторого слова (в его соответствующем фонетическом облике) от языка-предка к языку-потомку или в преде-

³ Я имею в виду идеи и методы когнитивной лингвистики (в частности, грамматики конструкций), принципиально новые возможности, предоставляемые корпусными методами, а также идею единства синхронии и диахронии с одной стороны, и лексики и грамматики – с другой.

⁴ См. в частности [Майсак 2005: 90–93; Рахилина (ред.) 2010; Bybee 2010].

⁵ Имеется в виду смежность соответствующих концептов в ментальном пространстве, ср. список «когнитивно-ассоциативных связей» в [Koch 2004]; ср. также термины «conceptual contiguity», «cognitive contiguity», «proximity in cognitive space».

лах одного языка; например, лат. *caput*: 'голова' → франц. *chef* 'начальник'; др.-русск. *красьныи*: 'красивый' → русск. *красный* 'красный'; русск. *ревность*: 'рвение, усердие'⁶ → 'ревность'.

3. Морфологическая деривация⁷: значение В представлено морфологическим дериватом слова, имеющего значение А, например, нем. *rufen* 'звать <кого-то>' и *anrufen* 'звонить <кому-то> по телефону', русск. *уста* 'рот' – *устье* 'устье (реки)', лат. *capitulum* 'глава (книги)' от *caput* 'голова', исп. *ventana* 'окно' от *viento* 'ветер', исп. *celos* 'ревность' от *celo* 'рвение, усердие' и т.п. Или же наоборот, значение А представлено морфологическим дериватом слова, имеющего значение В, например, пара слов *жена* – *женщина* демонстрирует семантический переход 'женщина' → 'жена'; пара *красный* – *прекрасный* является свидетельством перехода 'красивый' → 'красный'.

4. Когнаты: значения А и В принадлежат двум (близко) родственным языкам и восходят к одному слову их общего языка-предка; например, пара слов русск. *место* 'место' и польск. *miasto* 'город' реализуют семантический переход 'место' → 'город'.

5. Заимствование: значение В принадлежит заимствованному слову, А является значением того же слова в языке-источнике⁸. Например, русск. *оригинальный* 'особенный' происходит от нем. *original* [Крысин 1998: 493], имевшего, в соответствии со значением латинского оригинала, значение 'подлинный, аутентичный' (семантический переход: 'подлинный' → 'особенный'); русск. *сортир* происходит от франц. глагола *sortir* 'выходить' (демонстрируя семантический переход: 'выходить' → 'WC', ср. тот же переход в выражении *отхожее место*).

Границы между типами реализаций являются условными – в том смысле, что из множества языковых фактов, свидетельствующих об осуществлении некоторого семантического перехода, в качестве демонстрирующей его «реализации» могут быть выбраны те или иные из них. Так, например, семантический переход 'год' → 'лето' может быть проиллюстрирован семантической эволюцией русского слова *лето*, а также синхронной полисемией слова *лѣто* в древнерусском языке (см. [Срезневский 1989, II: 78]) или же полисемией слова *лето* в современном русском языке (так как значение 'год' у этого слова сохраняется в счетной форме). Семантический переход 'рвение, усердие' → 'ревность' может быть подтвержден не только реализацией типа «семантическая эволюция» существительного *ревность* (ср. пример выше), но также и реализацией типа «морфологическая деривация», поскольку прилагательное *ревностный* или существительное *ревнитель* сохраняют исходное значение основы. Реализация типа «когнаты» может оказаться равнозначной «семантической эволюции» в пределах одного из этих двух языков или «полисемии» в языке-предке (так, например, реализация типа «когнаты», представленная парой слов франц. *espérer* 'надеяться' и исп. *esperar* 'ждать', равнозначна реализации типа «полисемия» латинского глагола *spero*, имевшего оба значения). В случае полисемии, засвидетельствованной в языке-предке, именно этот тип реализации и выбирается; однако часто единственным надежным свидетельством семантического перехода оказывается пара слов-когнатов в современных языках.

Частным случаем семантического перехода является грамматикализация – такой переход, «целью» которого оказывается «более грамматическое» значение (т.е. входящее в «универсальный грамматический набор», ср. [Плунгян 1998; 2000; 2011: 89; Майсак 2005: 37]). Так, например, значение 'назад' у англ. *back* более грамматическое, чем исходное значение 'спина'; для русского глагола *собираться* значение 'иметь намерение нечто сделать' более грамматическое (ср. понятие «интенционального проспектива» в [Плунгян 2011: 387]), чем значение 'складывать вещи в дорогу', однако оно представляет не меньший интерес для лексической семантики. Семантический

⁶ Ср.: *Петр снисходительствовал его просьбам, просил его заботиться о своем здоровье, благодарил за ревность к учению* (Пушкин. Арап Петра Великого).

⁷ Данный тип реализаций требует особых комментариев, которые будут сделаны в разделе 3.

⁸ Об этом типе реализации см. подробнее [Zalizniak et al. 2012: 635].

переход, содержанием которого является грамматикализация, может обнаруживать себя в форме реализаций разных типов: полисемия (например, франц. *aller* – глагол ‘идти’ и вспомогательный глагол, образующий форму *Futur immédiat*), семантическая эволюция (например, франц. *avoir* ‘иметь’ происходит из лат. *habere* ‘держат’); когнаты (например, франц. *tenir* ‘держат’ и португ. вспомогательный глагол *ter*); морфологическая деривация, частным случаем которой является изменение морфосинтаксической характеристики слова (например, франц. предлог *en attendant* ‘(до тех пор) пока’ образован от глагола *attendre* ‘ждать’, предлог *de crainte de* ‘чтобы не’ – от глагола *craindre* ‘бояться’, русская частица *-либо*, входящая в состав одного класса неопределенных местоимений, восходит к прилагательному *любой*, союз *хотя* – к форме причастия глагола *хотеть* и т.п.).

Итак, реализацией семантического перехода может быть либо одно слово, имеющее оба значения, либо пара родственных, в том или ином смысле, слов (= «одно слово в широком смысле»), одно из которых имеет значение А, а другое – значение В. Тем самым семантический переход – это, по существу, расширение понятия *полисемии* – за счет расширения понятия «одного и того же слова», а именно, включения сюда диахронической семантической эволюции, диалектного варьирования и морфологической деривации⁹. Заметим, что аналогичное расширение области носителей сопоставляемых значений является общепринятым в этимологии; ср. также сходный подход при определении понятия полисемии в [Аркадьев 2002; Толстая 2008: 20], понятия энантиосемии в [Шмелев 2009].

Термин «семантический переход» («*semantic shift*») пришел из исторической лингвистики, где он понимается диахронически, т.е. как свидетельство семантической эволюции¹⁰. Однако, как известно, семантическая эволюция и синхронная полисемия – это две стороны одного и того же явления. Более того, семантическая эволюция обычно происходит таким образом, что у некоторого слова, имеющего значение А, появляется контекстно обусловленное значение В, затем значение А исчезает, а В освобождается от контекстной зависимости; ретроспективно эта ситуация может быть обозначена как «переход» значения А в значение В; ср. [Traugott, Dasher 2002: 11; Evans, Wilkins 2000: 549]. Именно этим обстоятельством обусловлена частичная эквивалентность различных типов реализаций семантического перехода, о которой шла речь выше.

Следует особо оговорить соотношение понятий «семантический переход» и «семантическая деривация». Термин «семантическая деривация» возник как антитеза обычной, т.е. морфологической, деривации: речь идет об изменении значения при сохранении формы (в том же смысле употребляется термин «регулярная многозначность» в [Апресян 1974]). При этом под семантической деривацией в литературе обычно понимается регулярное соотношение, которое может быть описано при помощи некоторого правила, применимого ко всем словам определенного класса и моделирующего процесс порождения некоторого производного значения, см. [Апресян 1974: 187–189; Падучева 2004: 147–154; Кустова 2004; Розина 2005]¹¹. Для понятия семантического перехода в

⁹ Однако словарная статья (вход) Каталога содержит два поля – для лексемы, имеющей значение А, и для лексемы, имеющей значение В (в случае полисемии это одна и та же лексема). Такой способ представления технически удобнее, так как позволяет отразить реальные различия фонетики и морфологии двух репрезентантов «одного слова в широком смысле».

¹⁰ Термин «*semantic change*» имеет исключительно диахроническое понимание; термин «*semantic extension*» может употребляться в том числе и для обозначения синхронных отношений семантической деривации; однако по крайней мере русское слово «расширение» представляется не слишком удачным, так как семантический переход часто приводит, наоборот, к сужению (хотя и в другом смысле) исходного значения. В книге [Кустова 2004] принят термин «языковое расширение», который представляется не очень удачным, так как вольно или невольно отсылает к названию словаря [Солженицын 1990], где это словосочетание использовано в ином значении.

¹¹ В модели «Смысл–Текст» термин «семантическая деривация» употребляется иначе. А именно, так называется смысловое соотношение между разными словами, которое носит регулярный характер, т.е. соответствует некоторой схеме, например, глагол и его *poten actionis* или существительное и его уменьшительное: так, франц. *achat* является семантическим дериватом от *acheter*, русск. *трамвайчик* от *трамвай* (см. [Mel’čuk 2007: 120–121]). Слово *столовая*, будучи морфологическим дериватом от слова *стол*, считается семантическим дериватом от глагола *есть*, реализуя регулярное

центре внимания находится не правило порождения производного значения, а результирующий факт совмещения некоторых двух значений в пределах одного слова – т.е. речь идет скорее о сближении, производимом языком путем обозначения одним и тем же словом (ср. термин М. Ванхов «*rapprochement sémantique*» [Vanhove 2008], а также понятие «совмещение значений» в грамматической типологии [Плунгян 1998: 378]). Именно поэтому, хотя семантическая производность здесь, безусловно, присутствует, семантический переход в Каталоге может быть обозначен как ненаправленный – в том случае, если реальное историческое или моделируемое синхронное направление перехода нам неизвестно или не очевидно¹². По этой же причине в Каталог включаются лишь такие семантические переходы, которые реализуются не в классах слов, а в индивидуальных словах; регулярность и когнитивная значимость выявляемых нами семантических соотношений обнаруживает себя в том, что они независимо воспроизводятся для слов с тем же исходным значением в разных языках или в разных словах одного языка.

Другое отличие состоит в том, что семантический переход обнаруживает себя в пределах одного слова в расширенном понимании (см. выше); тем самым носителями значений, образующих семантический переход, могут оказаться разные слова.

2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ КАК ТИПОЛОГИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ

Итак, понятие семантического перехода представляет собой способ отразить тот факт, что некоторые два смысла неслучайным образом выражаются в каком-то языке одним и тем же словом – либо синхронно, в форме двух значений полисемичного слова, либо диахронически, в форме этапов семантической эволюции. Факт совмещения двух значений в пределах одного слова сам по себе свидетельствует об их близости в концептуальном пространстве (которая имеет довольно существенные последствия, см. подробнее [Зализняк 2006: 415–417]). Если же сходное совмещение значений наблюдается в нескольких словах (одного или разных языков), возникает семантическая параллель¹³. Так, например, семантический переход ‘достичь контакта’ → ‘быть достаточным’¹⁴ имеет следующие реализации (каждая из них является семантической параллелью к двум остальным):

1) русск. *достать*:

значение А: *достать до потолка*;

значение В: *достаточно*, ср. также устар. *достанет (если достанет сил)*;

2) русск. *хватать*:

значение А: *хватать за руку*;

значение В: *мне не хватает денег*;

3) нем. *reichen (erreichen)*:

значение А: *er reicht mit dem Kopf fast bis zur Decke* ‘он достает головой почти до потолка’; *erreichen das Ufer* ‘достигнуть берега’;

значение В: *das Geld reicht nicht* ‘не хватает денег’;

4) исп. *alcanzar*:

соотношение ‘нечто делать’ → ‘комната, где это делают’ (ср. *спать* → *спальня*, *читать* → *читальня*, *раздеваться* → *раздевалка*, ср. также англ. *living room*, *dining room* и т.п.). Семантическая деривация в таком понимании лежит в основе понятия «лексической функции».

¹² Такова, например, ситуация с семантическим переходом ‘указывать’ – ‘говорить’, ср. греч. *δεικνύειν*, лат. *dico* и *indico*, русск. *сказать* и *указать*, укр. *казати* ‘говорить’ и др.

¹³ О понятии семантической параллели в этимологии и лингвистической реконструкции см. в частности [Трубачев 1976; 1988; Wilkins 1996]. В лексической типологии в том же смысле используются термины «polygenetic semantic parallels in semantic change», или просто «polygenesis» [Koch 2000; Gévaudan, Wiebel 2004; Koch 2008].

¹⁴ См. о данном семантическом переходе также [Зализняк и др. 2005; Зализняк 2009а; Рахилина, Кор-Шаин 2010].

значение А: *alcanzar con la mano* ‘достать рукой’; *alcanzar al techo* ‘достать (дотянуться) до потолка’;

значение В: *Cuando el trabajo no alcanza para vivir* ‘когда заработка не хватает на жизнь’; *¿Crees que tu conocimiento no alcanza?* ‘Ты считаешь, что твоих знаний недостаточно?’

Наличие семантических параллелей говорит о том, что данное совмещение значений отражает некоторую модель языковой концептуализации. Выявление таких моделей – это одна из задач Каталога семантических переходов, который может быть также назван «каталогом семантических параллелей», так как представляет собой собрание повторяющихся, воспроизводимых семантических переходов¹⁵.

Термин «семантическая типология» употребляется в литературе в нескольких различных значениях. Поскольку объектом семантической типологии в любом случае являются языковые значения, этот термин может пониматься в самом широком смысле и тем самым рассматриваться как родовой по отношению ко всем частным типологиям, имеющим дело со значимыми единицами языка – в том числе, к лексической. Такое понимание отражено, например, в программной работе Н. Эванса, который, приводя популярное определение семантической типологии из [Lehrer 1992: 249] «характерные для того или иного языка способы упаковки семантического материала в слова» («characteristic ways in which language <...> packages semantic material into words»), комментирует его следующим образом: «...поскольку слова – это всего лишь один из типов знаков, лексическая типология представляет собой раздел семантической типологии, занимающийся лексикой» («since words are only one type of sign we consider lexical typology to be that sub-branch of semantic typology concerned with the lexicon») [Evans 2011: 505]. При таком понимании границ семантической типологии грамматическая типология также оказывается ее разделом. Действительно, лингвистическая типология – это типология грамматическая *par excellence*, и при этом, за исключением областей фонологии и морфонологии, она является одновременно семантической – в той мере, в какой она представляет собой изучение способов выражения того или иного значения¹⁶.

Остановимся теперь подробнее на соотношении терминов «семантическая типология» и «лексическая типология», поскольку здесь, очевидно, нет ни ясности, ни единодушия.

Семантическая типология в широком смысле (о которой шла речь до сих пор) – это исследование языковых значений и всех возможных связей между ними, определяющих характер языковой концептуализации. Одной из таких связей является когнитивная смежность, обнаруживающая себя в том, что некоторые два значения совмещаются в одном слове – в той или иной форме. Поэтому под семантической типологией в узком смысле (о которой пойдет речь дальше) мы будем понимать типологию семантических переходов – ср. сходное понимание термина «семантическая типология» в [Трубачев 1988: 213; Гак 1998: 469; Pottier 1999; Hénault-Sakhno, Sakhno 2001; 2005; Зализняк 2006: 392–402]; ср. также понятие «типология полисемии» в [Зевахина 1985]

¹⁵ Ср.: «Составление списка параллельно возникших метафор и случаев метонимии имеет огромное значение, поскольку лежащие в их основе ассоциации, по-видимому, глубоко коренятся в человеческом опыте и в значительной степени не зависят от культуры или среды. В связи с этим чрезвычайно важен проект, выдвинутый на Лондонском конгрессе лингвистов в 1952 г.: составление “словаря семантических параллелей”» (имеется в виду работа [Schröpfer 1956]. – А.З.) [Ульман 1970: 276]. О том, что воспроизводимость семантического перехода является свидетельством его значимости, см. также [Блумфилд 1968: 468; Brown, Witkowski 1983: 83; Sweetser 1990: 18; Blank, Koch 2000: 104; Koch 2000: 80; 2004; 2008; Traugott, Dasher 2002: 11; Аркадьев 2002; Князев 2007: 45] и др. О проектах создания словаря воспроизводимых семантических переходов см. [Schröpfer 1956; 1979; Трубачев 1964; Havlová 1965; Гак 1998], см. также изложение истории данного вопроса в [Зализняк 2001].

¹⁶ Семантической типологией называют также устройство класса слов, имеющих тот или иной тип значения – например, неопределенных местоимений; предикатов, описывающих градуируемые свойства; прилагательных со значением психического состояния и т.п.

и понятие «*typologie des rapprochements sémantiques*», используемое в рамках проекта М. Ванхов [Vanhove 2008].

Лексическая типология как область лингвистики, занимающаяся способами лексикализации и типологией лексических систем, имеет достаточно прочную традицию, см. [Гак 1977; Talmy 2007; Lehmann 1990; Koch 2001; Brown 2001] и др. При этом раньше данная область называлась «семантической типологией». Так, «семантическая типология» фигурирует в списке шести типологий, названных в основополагающей статье [Greenberg 1957], однако, как справедливо замечает П. Кох [Koch 2001: 1142], Дж. Гринберг, очевидно, имел в виду лексико-семантическую, т.е. лексическую типологию. С. Ульман в своей известной статье [Ульман 1970] под «семантической типологией» также понимает типологию лексических систем. Это смешение отчасти продолжается – например, работа [Leemans 2005], в названии которой фигурирует «семантическая типология», посвящена в большей степени типологии лексической, «тому, каким образом разные языки выражают сходные понятия» («*la manière dont des différentes langues experimentent des concepts similaires*») [Ibid.: 77].

Если сравнивать лексическую типологию и семантическую типологию в обозначенном выше узком смысле, то можно увидеть, что различаются они, прежде всего, точкой приложения исследовательского интереса: если для лексической типологии объектом анализа являются слова конкретного языка (обычно относящиеся к определенной узкой концептуальной области – например, обозначающие температурные параметры или виды плавания), для которых устанавливается распределение между ними семантического материала, то для семантической типологии таковым объектом являются пары значений, обнаруживающие концептуальную смежность; слова, эти значения выражающие, служат лишь ее «экспонентами»¹⁷. В терминах концептуального аппарата Каталога семантических переходов такие слова представляют собой реализации семантических переходов (ср. выше) и лишь в таком качестве представляют интерес для семантической типологии.

В лексической типологии объектом типологизации являются определенные слова определенных языков и, соответственно, сами эти языки: в один «тип» попадают языки, одинаковым образом «пакующие семантическую информацию», в частности, совмещающие или разделяющие те или иные значения (ср. типологию лексических систем в [Koch 2001], типологию лексикализации в [Talmy 2007]). Так, с точки зрения лексической типологии, например, английский и французский языки, совмещающие значения 'мать жены' и 'мать мужа' (англ. *mother-in-law*, франц. *belle-mère*), попадут в один «тип», а русский язык, различающий эти смыслы при помощи слов *теща* и *свекровь*, – в другой; русский язык, совмещающий значения 'брат отца' и 'брат матери' (*дядя*), окажется принадлежащим иному типу, чем древнерусский, различающий эти смыслы при помощи слов *стрый* и *уй* и т. д. Заметим, что в русском языке еще существуют слова *деверь* и *шурин*, но далеко не все говорящие сегодня по-русски умеют ими пользоваться; более того, наблюдается отчетливая тенденция утраты противопоставления *теща* – *свекровь*. Можно сказать, что в русском языке в этой точке происходит изменение типа лексической системы: постепенная утрата противопоставления в обозначении родственников мужчины и женщины¹⁸. Между тем для семантической типологии (в том узком смысле, о котором идет речь) приведенный материал не дает оснований ни для каких выводов, так как здесь не может быть усмотрено никаких семантических переходов.

¹⁷ Я пользуюсь здесь термином А. Вежицкой («*exponents*»), применяемым ею по отношению к словам, выражающим элементарные смыслы, или «семантические примитивы», в том или ином языке, см. [Goddard, Wierzbicka (eds) 1994; Wierzbicka 1996] или <http://www.uned.edu.au/bcss/linguistics/nsm/semantics-in-brief.php>.

¹⁸ В том же русле изменения лексической системы находится утрата противопоставления *единокровный* – *единоутробный* (о брате / сестре): в обоих значениях в современном языке употребляется термин *сводный*, изначально применявшийся лишь к неродному брату / сестре, т. е. к ребенку другого супруга своего отца или матери.

Именно разность задач и собственно объекта типологического исследования определяет разный выбор перспективы и, соответственно, рабочего инструментария – при рассмотрении, в том числе, одного и того же материала. И, наоборот, единство материала отчасти затемняет различие целей семантико-типологического и лексико-типологического исследования – тем не менее, с методологической точки зрения оно весьма существенно.

Лексическая типология занимается вопросом о том, как распределен в разных языках материал некоторой концептуальной области между лексемами и какие здесь существуют типологически релевантные параметры варьирования (ср. признаки, различающие синонимы, которые перечисляются в начале каждой словарной статьи в [НОСС]). Соответственно, выбор тех или иных параметров в качестве различительных признаков детерминирует тип лексической системы. В семантической же типологии «тип» определяется наличием тех или иных семантических переходов (представленных реализациями любого типа). Так, в английском языке есть переход ‘человек’ → ‘мужчина’, а в русском нет, а переход ‘уйти’ → ‘умереть’ есть и в том, и в другом; переход ‘творог’ → ‘сыр’ есть и в русском, и во французском, хоть и в разных типах реализаций (см. раздел 3), а вот переход ‘сливки’ → ‘сметана’ есть во французском (ср. *crème fraîche*) и в немецком (ср. *sauere Sahne*), а в русском нет, и т.д. Типологически наиболее близкими в этом смысле являются языки с наибольшим пересечением множества семантических переходов. Так, возьмем семантический переход ‘мужчина’ → ‘муж’. С точки зрения лексической типологии немецкий язык в данной точке лексической системы попадет в другой класс, чем русский (в немецком одно слово: *Mann*, а в русском – два разных: *мужчина* и *муж*), а с точки зрения семантической типологии оба эти языка будут квалифицированы одинаково, а именно как содержащие данный переход: немецкий – в форме полисемии, а русский – в форме морфологической деривации.

В лексической типологии широко применяется аппарат семантических карт (созданный изначально для нужд грамматической типологии, см. [Croft 2003: 133–139; Haspelmath 2003]), позволяющий отобразить возможности категоризации некоторого концептуального пространства и сопоставить способы выражения таких смежных категорий в разных языках. Так, в статье [Haspelmath 2003] предлагается семантическая карта значений ‘дерево’ – ‘древесина’ – ‘дрова’ – ‘лес’ в нескольких европейских языках; в статье [François 2008] исследуются возможности «колексификации» (т.е. объединения в пределах одного слова) в разных языках многочисленных производных значения ‘дышать’. Лексико-семантические таблицы, используемые, например, в [Koch 2001], представляют собой упрощенный вариант семантических карт (исследуемое концептуальное пространство предстает в форме одномерной шкалы). Приведем в существенно модифицированном виде одну из таких таблиц (см. таблицу 1; ср. также таблицу ‘человек’ – ‘мужчина’ – ‘муж’ в [Зализняк 2006: 411]).

Таблица 1

	‘волосы на голове’	‘волосы в бороде’	‘волосы на теле человека’	‘шерсть у животного’	‘шерсть (материал)’
англ.	<i>hair</i>				<i>wool</i>
нем.	<i>Haar</i>				<i>Wolle</i>
русск.	<i>волосы</i>			<i>шерсть</i>	
лат.	<i>capillus</i>		<i>pilus</i>		<i>vellus, lana</i>
франц.	<i>cheveu</i>	<i>poil</i>			<i>laine</i>
итал.	<i>capello</i>	<i>pelo</i>			<i>lana</i>

Применяемый в лексической типологии табличный метод, также как и метод семантических карт, обладает двумя свойствами, принципиально отличающими его от формата Каталога семантических переходов. Во-первых, здесь фигурирует не два, а целый ряд значений; во-вторых, здесь отражается лишь сам факт колексификации: характер отношений между совмещаемыми в слове значениями (т.е. наличие или отсутствие полисемии и, соответственно, семантического перехода) оказывается несущественным.

В последние годы область лексической типологии расширилась: см. историю вопроса и формулировку задач лексической типологии в [Рахилина, Плунгян 2007; Кортчевская-Тамм 2008; 2012]. При таком более широком понимании границ лексической типологии семантическая типология в узком смысле, т.е. типология семантических переходов, оказывается, наоборот, включенной в лексическую. Так, в работах М. Копчевской-Тамм [Кортчевская-Тамм 2008; 2012] внутри лексической типологии, которую она понимает как «cross-linguistic and typological branch of lexicology», предлагается различать две «перспективы», или два исследовательских «фокуса». Проблема категоризации концептуальных областей принадлежит ономасиологическому фокусу¹⁹, и эта область исследования остается для лексической типологии центральной, но имеется еще и семасиологический фокус, которому принадлежат механизмы семантической деривации. Типология семантических переходов при таком взгляде оказывается частью семасиологической составляющей лексической типологии. Однако здесь все же сохраняется некий довольно существенный зазор – с одной стороны, за счет того, что типология семантических переходов включает область грамматикализации, с другой стороны, типологию семантических переходов интересует иной тип регулярности (не системность внутри одного языка, а воспроизводимость в разных языках, см. раздел 1). Соответственно, то, что выше было названо «лексической типологией», должно быть обозначено как «лексическая типология в ее ономасиологической перспективе».

Сказанное о соотношении типологии семантических переходов и лексической типологии (в ее ономасиологической перспективе) может быть частично суммировано в таблице 2.

Таблица 2

	лексическая типология (ономасиологический аспект)	типология семантических переходов
1. Объект типологизации	слова и лексические системы	значения и семантические переходы
2. Тип значения	выражаемое лексически	выражаемое разными средствами
3. Носитель лексического значения	слово в обычном смысле	слово в широком смысле (включая диахроническое, диалектное и морфологическое варьирование)
4. Степень детализации смысловых противопоставлений	не ограничена	ограничена
5. Количество сопоставляемых значений	не ограничено	равно двум

¹⁹ Так, П. Кох называет ту область лексической типологии, которой он занимается, «диахроническая когнитивная ономасиология».

3. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ

Трудность идентификации семантических переходов (т.е. выявления пар значений, связанных между собой некой генетической связью) определяется тем обстоятельством, что здесь не существует никакой алгоритмической процедуры. Интерпретация некоторой совокупности языковых фактов как реализации определенного семантического перехода есть результат сложной исследовательской работы, включающей применение определенных принципов и методов, но в целом не формализуемой и опирающейся, в конечном счете, на опыт и интуицию исследователя. Те элементы применяемой нами методологии, которые все же могут быть сформулированы, состоят в следующем.

Важным методологическим принципом Каталога семантических переходов является бинарность отношения, рассматриваемого в качестве единицы анализа. Действительно, в реальности как семантическая эволюция, так и синхронная семантическая деривация обычно включают несколько связанных между собою звеньев, и при этом границы между ними носят недискретный характер. «Дискретизация» этого поля и вычленение из него пар языковых значений, образующих релевантные семантические переходы, – это наиболее сложная и неформализуемая часть работы. Вычленяя дискретную пару значений в качестве семантического перехода и некоторую пару языковых единиц в качестве его реализации, мы намеренно упрощаем реальную картину семантической эволюции / деривации, оставляя за пределами рассмотрения разнообразные привходящие обстоятельства, в том числе возможные промежуточные звенья. Для этого на входе словарной статьи имеется специальная зона («Комментарии»), куда помещаются необходимые дополнительные сведения о данном переходе или отсылки к литературе (некоторые семантические переходы имеют уже солидную традицию изучения, например, переход 'горшок' → 'голова' или 'хватать' → 'понимать').

Так, например, мы постулируем семантический переход 'медлить' → 'жить, обитать' (обнаруживающий себя, в частности, в семантической эволюции франц. глагола *demeurer* от лат. *demorari*). На этом пути были, естественно, промежуточные этапы: исторический словарь французского языка [Rey 2000: 1031] отмечает, например, значение 'оставаться в течение некоторого времени где-то'; с другой стороны, как лат. глагол *demorari*, так и франц. *demeurer* имеют свой набор значений. Семантический переход 'ехать' → 'готовый', реализованный в нем. *fertig* (см. [Пауль 1960: 110]) и в англ. *ride – ready* (см. [Блумфильд 1968: 475]), включает промежуточный этап 'готовый ехать'. О промежуточном этапе упоминавшегося выше семантического перехода 'достичь контакта' → 'быть достаточным' свидетельствуют, например, следующие употребления, приводимые в словаре Даля: *Ружье за реку не хватит; Шест не хватает дна; Хотелось бы так, а коли шест берега не хватит, можно и иначе; Туда рука не дохватит*. Восстановление семантической истории слов и структуры их полисемии на каждом историческом этапе – увлекательная, но все же иная исследовательская задача. Семантический переход как единица Каталога связывает между собой некоторые два значения из реально существующих многих; это мета-языковой конструкт, и в таковом качестве он не имеет ни хронологии, ни промежуточных этапов²⁰.

Как уже говорилось, основной материал Каталога семантических переходов составляют факты совмещения значений в пределах одного слова в форме полисемии. Однако полисемию, как известно, не удастся строго отграничить, с одной стороны, от омонимии и, с другой стороны, – от синкретизма (ср. англ. термины «semantic generality» и

²⁰ Другое дело, что тот или иной «промежуточный этап» может быть признан самостоятельным семантическим переходом, см. об этом подробнее в связи с переходами, реализуемыми словами русск. *блудить* и лат. *errare* в [Зализняк 2001].

«vagueness»), см. в частности [Nerlich, Clarke 2004: 4; Taylor 2004: 35]²¹. Отсутствие каждой из двух границ создает свои проблемы; начнем со второй.

Проблема синкретизма в рамках нашей модели формулируется так: следует ли, на основании того, что в языке X смыслы P и Q выражаются разными словами, а в языке Y – одним словом (т.е. «колексифицируются»), признавать существование семантического перехода P → Q? Например, есть ли такие переходы: ‘кисть руки’ – ‘часть руки от плеча до кисти’, ‘синий’ – ‘голубой’, ‘плыть (активно, о человеке)’ – ‘плыть (пассивно, о предмете)’, ‘теща’ – ‘свекровь’, ‘старший брат’ – ‘младший брат’, ‘теленочек до года’ – ‘теленочек от года до двух’, ‘быть знакомым’ – ‘владеть информацией’, ‘правда’ – ‘истина’, ‘свобода’ – ‘воля’ и т. д.? Для всех этих пар есть языки, где данные смыслы выражаются разными словами, и языки, где они выражаются одним словом.

Очевидно, следует разделить два феномена: семантический переход и наличие / отсутствие исходного различия (путем называния разными словами). Тот факт, что какой-то другой язык различает, называя разными словами, два понятия, которые не различает данный язык, не является свидетельством ничего, что бы касалось внутренней структуры данного языка. Семантический переход – это наличие некоей генетической связи между двумя значениями. В случае «теленочек до года» ее нет ни в том, ни в другом языке: в том языке, где это разные слова, связь между ними ничем не отличается от любой связи близких по значению разных слов, а в том языке (как русский), где эти значения не различаются, вообще нет тех языковых единиц, связь между которыми имело бы смысл обсуждать (*теленочек до года* – это свободное словосочетание).

Практическое решение проблемы синкретизма состоит в том, что в Каталог включаются только такие семантические переходы, для которых, помимо синкретизма, имеются также реализации других типов. Так, в русском языке есть два разных слова *сыр* и *творог*, а во французском оба продукта синкретично обозначаются одним словом – *fromage*. Этот факт сам по себе еще не позволяет говорить о существовании семантического перехода ‘творог’ → ‘сыр’²². Однако существование такого перехода подтверждается, например, русским словом *сырник* ‘кулинарное изделие из творога’, представляющим собой другой тип реализации того же перехода (а именно, «морфологическая деривация»). Впрочем, как следует из предыдущего раздела, проблематика членения концептуальных областей принадлежит ономазиологической составляющей лексической типологии и должна исследоваться иными методами.

С другой стороны, возникает ряд проблем из-за отсутствия жесткой границы между полисемией и омонимией. Именно в эту зону попадают, например, русские приставочные глаголы, которые совпадают по морфемному составу, но включают одну и ту же приставку в разных значениях, т.е. реализуют разные «конструкции».

В статье [Шмелев 2009] приводится ряд примеров русских приставочных глаголов, имеющих два «энантиосемичных» значения: *прослушать* <доклад> – ‘выслушать’ и ‘не услышать, пропустить’ *вывести* <кроликов> ‘произвести на свет, вырастить’ и *вывести* <тараканов> ‘уничтожить, истребить’, *задуть свечу* и *задуть домну*, *переизбрать* <X-а> ‘избрать X-а еще раз’ и ‘избрать другого человека вместо X-а’, *обнести* ‘обойдя, угостить каждого’ и ‘обойти, не угостив’. Вопрос о том, следует ли усматривать в таких парах феномен энантиосемии, решается в зависимости от того, насколько расширительно мы готовы употреблять данный термин (поскольку все обсуждаемые пары

²¹ Ср. также: «I argue that the distinction between vagueness and polysemy (which is crucial to traditional conceptions of lexical-semantic structure) is unstable: what appear to be distinct meanings from one point of view turn out to be instances of vagueness from another» [Geerarts 1993: 223]. В статье [Коптјевскаја-Тамм 2008: 8] относительно семантической структуры русского глагола *плавать* на фоне английских *float*, *swim*, *sail* отмечается, что здесь методологически имеется три возможности: «semantic generality, polysemy and agnosticism», при этом наиболее правильным решением представляется последнее.

²² На самом деле здесь, очевидно, произошел переход от гиперонима к гипониму: от значения «молочнокислый продукт: сыр или творог» к более частному значению «сыр».

значений являются противоположными лишь в некотором смысле). Но в любом случае здесь нельзя усматривать энантиосемического семантического перехода ('А' → 'не-А'), поскольку обсуждаемые значения не связаны между собой отношением семантической деривации. Такого рода пары – это либо фактические омонимы, образованные по разным моделям (*задуть свечу* и *задуть домну*; ср. также *залечить человека* и *залечить рану*; *захлопать в ладоши* и *захлопать выступающего*; когнаты русск. *запомнить* и польск. *zarotnieć* 'забыть' и т. п., см. подробнее [Зализняк 2006: 298–335]), либо результаты различной реализации концептуальной схемы приставки и/или ее дальнейшей метафоризации; в обоих случаях смысловая противоположность – в какой-то степени случайный эффект, возникающий при сопоставлении результатов разных цепочек семантической деривации. Так, глаголы движения с приставкой *вы-* имеют два фокуса – «откуда» и «куда»; соответственно, в ходе семантической деривации возникает *вывести тараканов* («отсюда») и *вывести новую породу кроликов* («сюда»). Другой пример: *мне обломилось* = 'досталось или удалось что-то хорошее' и жаргонное *я обломался, облом* – о какой-то неудаче, когда что-то не состоялось, не удалось. Эти два значения получены путем метафорического переосмысления несколько различных ситуаций: *мне нечто обломилось* относит к ситуации, когда «я» сижу под деревом и на меня падает что-то типа ветки с висящим на ней плодом, а в ситуации *облома*, наоборот, «я» сижу на этой ветке и падаю вместе с ней. Что касается глагола *переизбрать*, то как бы ни трактовать источник его энантиосемии (восходят ли два его противоположных значения к одному и тому же значению приставки *пере-* или к двум разным), это единичный казус, никакого семантического перехода не имплицитующий²³.

Иногда возникают проблемы с установлением направления семантического перехода. Например, бывает так, что новое значение, появившееся в языке-предке, оказывается утраченным в языке-потомке – и тем самым реальное направление семантического перехода оказывается противоположным наблюдаемому. Так, в древнерусском языке у основы *страд-* было производное значение 'работа', впоследствии утраченное; слова др.-русс. *страдник* 'рабочий', русск. *страда* 'время сезонных работ' демонстрируют переход 'страдать' → 'работать'. Тот же переход наблюдается в основе *труд-* [Срезневский 1989: 1007], ср. выражение *натрудить ногу*, в котором сохранилось старое значение 'боль, страдание', а также во франц. *reine*, прошедшем путь семантической деривации 'наказание' → 'страдание' → 'труд' и сохраняющем все три значения в форме синхронной полисемии. Однако этот переход может происходить и в противоположном направлении, ср. лат. *labor* и исп. *trabajo* (в таких случаях в Каталоге используется двунаправленная стрелка для самого перехода и указывается направление для каждой реализации). Иногда направление семантического перехода установить не удастся; в таких случаях используется ненаправленная стрелка (о проблеме направления семантического перехода см. подробнее [Zalizniak 2008; Zalizniak et al. 2012]).

Важное свойство семантического перехода как языковой единицы состоит в том, что он может заимствоваться: это явление известно под названием «семантического калькирования». Так, например, англ. *to find*, нем. *finden*, франц. *trouver*, итал. *trovare*, русск. *находить* демонстрируют семантический переход '(вновь) обретать <некий предмет>' → 'иметь мнение'; маловероятно, что сходное семантическое развитие во всех этих языках было независимым. Несмотря на то, что такое решение противоречит принятому в типологии отношению к любому рода заимствованиям, семантические кальки включаются в Каталог в качестве самостоятельных реализаций – поскольку факт калькирования, с одной стороны, редко бывает возможно однозначно установить, с другой стороны, он сам по себе представляет интерес в разных отношениях и, в частности, он

²³ Два значения глагола *переизбрать* – относительно редкий случай полной омонимии, иногда даже затрудняющей коммуникацию. При этом употребление глагола *переизбрать* в значении 'сместить с должности, не выбрав на следующий срок' весьма ограничено (а некоторыми носителями русского языка оно вообще отвергается), и его идентификация невозможна без контекстной поддержки или знания внеязыковой ситуации.

косвенным образом также свидетельствует о когнитивной значимости семантического перехода. О проблеме семантического калькирования в данной связи см. подробнее [Зализняк 2006: 413–417; Грунтов 2007; Zalizniak et al. 2012].

Особого обсуждения заслуживает ряд проблем, возникающих в тех случаях, когда в роли носителя производного значения выступает морфологически более сложное слово или фразеологически связанное словосочетание.

Начнем с проблемы идентификации семантического перехода, представленного связанным значением слова внутри словосочетания.

Лексикографическая трактовка глагола в сочетаниях типа *бросить взгляд, столкнуться с проблемой, добраться до сути, пойти на компромисс, погрузиться в раздумья, прийти к выводу* и т.п. может быть троякой (см. подробнее [Zalizniak 2012]). А именно, можно считать, что *бросить* в сочетании *бросить взгляд* означает: (1) буквально ‘бросить’ или (2) нечто вроде ‘осуществить’ (ср. лексическую функцию *Oper1* в [Мельчук 1974/99: 100]) или (3) нечто вроде ‘посмотреть’. Последнее решение (принятое, например, в идеографическом словаре [Бабенко и др. 1999]) можно было бы признать просто ошибочным (ср. критику В.В. Виноградовым подобной трактовки глагола *обвести* в примере *Машенька обвела удивленными глазами свою комнату* в словаре Д.Н. Ушакова [Виноградов 1977]), если бы не следующее обстоятельство.

В языке действует механизм, состоящий в том, что именной компонент устойчивого сочетания отпадает, а значение сочетания в целом переходит к глаголу: таким образом глагол приобретает новое значение, т.е. происходит семантический переход. В частности, именно так произошел, например, во франц. *comprendre* (и продолжает воспроизводиться в форме синхронной полисемии в массе других слов разных языков) знаменитый семантический переход ‘схватить’ → ‘понять’. В «Латинско-русском словаре» И.Х. Дворецкого среди множества значений глагола *comprehendere* мы находим, в частности: *comprehendere paucis verbis* ‘кратко излагать’; *comprehendere visu* ‘воспринимать, видеть’; *comprehendere memoria* ‘запоминать’ *comprehendere animo/mente/cogitatione* ‘понимать, познавать’. Можно ли на основании этого утверждать, что латинский глагол *comprehendere* имел значение ‘понимать’? По крайней мере, на основании приведенных данных – по-видимому, нет. С другой стороны, очевидно, что в какой-то момент этот глагол все же приобрел данное значение, поскольку франц. глагол *comprendre* имеет значение ‘понимать’, а ‘хватать’ – не имеет. Как представляется, наиболее адекватной моделью этого процесса является такая, согласно которой глагол приобретает новое значение в тот момент, когда его реализация оказывается возможной без вызвавшего его к жизни контекста (в данном случае инструментального дополнения). В какой момент инструментальное дополнение *animo/mente/cogitatione* отпало, мы не знаем, но можно с уверенностью сказать, что именно в этот момент лат. *comprehendere* приобрело значение ‘понимать’.

Что же касается примеров типа *бросить взгляд* или *столкнуться с проблемой*, то здесь глагол не может брать на себя значение словосочетания в целом (и тем самым лексикографическая трактовка типа (3) к ним неприменима). Однако в каких-то других весьма похожих случаях это возможно, ср.: *пробежать* из *пробежать глазами* (ср. *Ему захотелось побыстрее пробежать это письмо*); *дойти* из *дойти до изнеможения, доводить* <учительницу> из *доводить* <кого-то> *до слез, до нервного срыва, до истерики*. Возможна также утрата прямого объекта, ср. *понести* ‘забеременеть’ из *понести плод* (ср.: *Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога*. Пушкин), а также разговорное *рассекать* ‘перемещаться в публичном пространстве (о человеке)’ из *рассекать воды* (о корабле), *предъявлять* <кому-то> из *предъявлять претензии* и т.п., см. об этом явлении [Розина 2005: 250–252].

Рассмотрим теперь вопрос о том, каким образом свидетельством семантического перехода может служить пара слов, одно из которых является морфологическим дериватом другого – т.е. тип реализации семантического перехода, который выше был назван «морфологическая деривация». Сразу оговоримся, что на самом деле морфологически сложными могут оказаться оба слова, т.е. в общем случае речь идет не о добавлении,

а о замене морфемы или морфосинтаксической характеристики, ср. *судить* – *судьба* ('иметь мнение' → 'судьба'), нем. *ziehen* – *Zug* ('тянуть' → 'поезд') и т.п.²⁴

Итак, пусть имеется лексема L1, состоящая из основы S1 и некоторой морфемы или морфосинтаксической характеристики m1 (т.е. L1 = S1 + m1), и лексема L2, представляющая собой морфологический дериват от L1, т.е. L2 = S1 + m2 (где m2 – некоторая новая морфема или морфосинтаксическая характеристика).

Здесь имеется два параметра варьирования: 1) морфологически производное слово является носителем производного (target) или исходного (source) значения; 2) носителем значения, участвующего в семантическом переходе, является морфологически производное слово целиком или только лишь сама производящая основа, входящая в его состав. Из четырех возможных комбинаций широко представлены три:

1. L1 является носителем значения А, L2 – значения В. Например: *слушать* – *слушаться* ('слушать' → 'повиноваться'), *простить* – *проститься* ('прощать' → 'прощаться'), *синий* – *синяк* ('синий' → 'синяк'), итал. *contare* – *raccontare* ('вести счет' → 'рассказывать'), нем. *Bild* – *Bildung* ('образ' → 'получение совокупности знаний', ср. реализацию того же перехода в русск. *образ* – *образование*, франц. *forme* – *formation*), итал. *zucca* – *zucchino* ('тыква' → 'кабачок'). Семантический переход, обнаруживающий себя в реализациях данного типа, иначе может быть назван «мотивационной моделью» [Толстая 2002; 2008]; ср. также исследование феномена мотивации в типологическом ключе в работах [Koch, Marzo 2007; Marzo 2009] и др.

2. Носителем значения А является L2, а L1 имеет значение В (т.е., наоборот, морфологически производное слово имеет семантически исходное значение), например: *жена* – *женщина* (А = 'женщина', В = 'жена'; семантический переход: 'женщина' → 'жена'), *муж* – *мужчина* ('мужчина' → 'муж'), ср. также: нем. *Mann* – *Mensch* ('человек' → 'мужчина'), лат. *puto* – *computo* ('вести счет' → 'иметь мнение').

3. Носителем значения А является производящая основа S1 в составе морфологически производной лексемы L2, а морфологически более простая лексема L1 имеет производное значение В (значение лексемы L2 при этом вообще в игре не участвует: существенно лишь значение производящей основы), например: *жена* – *женский*, *жена* – *женолюб* ('женщина' → 'жена'), *сыр* – *сырник* ('творог' → 'сыр'); *ревность* – *ревностный* ('рвение, усердие' → 'ревность')²⁵.

Реализации семантического перехода типа «морфологическая деривация» – это важнейшее свидетельство семантической деривации, занимающее в некотором смысле промежуточное положение между семантической эволюцией и синхронной полисемией (обратим внимание также на то, что материал, аналогичный тому, который фигурирует в реализациях данного типа, широко используется в этимологических словарях). Здесь, однако, возникает следующая проблема. Как отличить собственно семантический переход, т.е. эффект, определяемый некими ингерентными свойствами исходного значения, – от случая, когда результирующее значение детерминировано семантикой

²⁴ К рассматриваемому типу реализации семантического перехода могут быть отнесены также такие пары однокоренных слов, между которыми нет непосредственного отношения морфологической производности, ср. пары слов: *указать* – *сказать* (семантический переход: 'указывать' – 'говорить'), *красный* – *красивый* ('красивый' → 'красный'), франц. *partie* 'часть' и *parti* 'партия' (восходящие, соответственно, к формам причастия женского и мужского рода от ст.-франц. глагола *partir* 'делить' [Dauzat 1938: 536]; семантический переход: 'часть' → 'партия').

²⁵ Четвертый теоретически возможный вариант, а именно, когда морфологически исходная лексема L1 является носителем семантически исходного значения, а носителем производного значения является основа как часть морфологического деривата, идентифицируется труднее. Таким примером могла бы служить пара *стол* – *столовая* как реализация семантического перехода 'стол' → 'еда'. Однако, с одной стороны, не очевидно, что *столовая* – это исходно 'место, где едят', а не 'место, где стоит стол' (т.е. значение 'еда' для основы *стол-* в составе слова *столовая* не очевидно). С другой стороны, само слово *стол* тоже имеет переносное значение 'еда' (ср.: *и под каждым ей кустом был готов и стол и дом*), и тогда оказывается, что пара *стол* – *столовая* вообще никакого семантического перехода не демонстрирует (а переход 'стол' → 'еда' отражен в форме полисемии самого слова *стол*).

привходящего словообразовательного элемента, и тем самым никакого семантического перехода в нашем понимании нет? Так, например, пары *писать* – *переписать* или *дом* – *домик* не являются основанием для постулирования переходов, соответственно, ‘писать’ → ‘переписать’ или ‘дом’ → ‘домик’, поскольку производное значение детерминировано значением служебной морфемы. В других случаях значение словообразовательного элемента в морфологически производном слове не вычленяется, ср. пару слов итал. *contare* ‘вести счет’ и *raccontare* ‘рассказывать’ или лат. *dico* ‘говорить’ и *indico* ‘указывать’ и т.п.

Однако жесткой границы здесь нет: механизмы словообразовательной семантики далеки от автоматизма, и здесь всегда имеется довольно обширная промежуточная зона, где значение производного слова представляет собой результирующую сложного взаимодействия семантики словообразовательной модели и ряда семантических переходов, в которых носителем производного значения может быть как сама глагольная основа производного слова, так и производное слово целиком. Так, например, современное значение русского глагола *отдохнуть* возникло в ходе семантической эволюции из значения ‘выйти из состояния затрудненности дыхания’, полученного в свою очередь из взаимодействия семантики словообразовательной модели приставки *от-* с производным значением основы *дох-* ‘дышать тяжело, с трудом’ (см. об этом подробнее [Зализняк 2009б]). Тем самым русский глагол *отдохнуть* не является свидетельством семантического перехода ‘дышать’ → ‘отдыхать’ (хотя типологически такой переход зафиксирован, см. [François 2008]). Между тем для постулирования семантического перехода ‘дышать’ → ‘умереть’ (через промежуточный этап ‘дышать тяжело, с трудом’) русский язык дает основания: это слова *дохлый*, *дохнуть*, *подохнуть* и *передохнуть* (но не *сдохнуть*, возникшее, по-видимому из *издохнуть* ‘испустить дух’). Хотя меру семантического вклада приставки в производное значение часто бывает невозможно точно определить, все же можно сказать, что, например, пара *быль* – *убыль* не демонстрирует никакого семантического перехода (производное значение детерминировано значением приставки), а пару *часть* – *участь* можно признать реализующей переход ‘часть’ → ‘судьба’ (ср. другую реализацию того же перехода в слове *удел*) и т.п.

Семантический эффект, имеющий в качестве источника два исходных элемента – не менее интересный объект типологического изучения. Так, английский фразовый глагол *to look after < smb. >* состоит из тех же частей, что и имеющее то же значение русское *смотреть за < кем-то >*; пара русских слов *черный* и *чернить*, так же как англ. *black* и *to blacken* демонстрирует семантический переход ‘черный’ + ‘каузативность’ → ‘клеветать’²⁶ и т.п. Однако для описания такого типа регулярных семантических соотношений потребовалась бы существенная модификация формата базы данных.

Трудности идентификации семантических переходов, связанные с отсутствием какого-либо алгоритма их выявления, так или иначе преодолеваются в ходе практической работы. Не исключено, что какие-то из принятых нами решений окажутся впоследствии не оптимальными: формат базы данных предоставляет возможность их пересмотреть. На настоящий момент (сентябрь 2012 г.) база данных по семантическим переходам в языках мира включает 3685 семантических переходов, имеющих от двух до сорока реализаций; использован материал 319 языков семи языковых семей. База данных доступна в текстовом режиме на сайте <http://semshifts.iling-ran.ru>.

Как уже отмечалось в наших предыдущих публикациях, Каталог семантических переходов послужит фактографической базой для решения следующих задач:

- построение типологии семантической деривации;
- обеспечение семантического критерия реконструкции;
- выявление универсальных и специфических механизмов языковой концептуализации;
- реконструкция фрагментов языковой картины мира;
- выявление «истории идей»²⁷ и путей культурных влияний.

²⁶ Этот пример был предложен М.С. Булах.

²⁷ Ср. подзаголовок знаменитого «Словаря индоевропейских синонимов» К. Бака [Buck 1971].

Я пользуюсь случаем выразить благодарность моим коллегам – М.С. Булах, Д.С. Ганенкову, И.А. Грунтову, Т.А. Майсаку и М.М. Руссо – за многолетний труд по созданию базы данных семантических переходов в языках мира, позволивший реализовать замысел Каталога, а также А.В. Дыбо, А.А. Зализняку, А.А. Кибрику, М. Копчевской-Тамм, Т.А. Михайловой и В.А. Плунгяну за моральную поддержку этой работы на разных ее этапах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 2009 – Ю.Д. *Апресян*. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. Парадигматика. М., 2009.
- Аркадьев 2002 – П.М. *Аркадьев*. Полисемия названий головы в славянских и германских языках в типологическом и историческом аспекте // Московский лингвистический журнал. 2002. Т. 6. № 1.
- Бабенко и др. 1999 – Л.Г. *Бабенко и др.* Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. М., 1999.
- Бенвенист 1954/74 – Э. *Бенвенист*. Семантические проблемы реконструкции // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974. (*E. Benveniste. Problèmes sémantiques de la reconstruction // Word*. 1954. V. X. № 2–3.)
- Блумфилд 1968 – Л. *Блумфилд*. Язык. М., 1968.
- Бонч-Осмоловская и др. 2009 – А.А. *Бонч-Осмоловская, Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова*. Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации // В.М. Брицын, Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, Г.М. Яворская (ред.). Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. Киев, 2009.
- Виноградов 1977 – В.В. *Виноградов*. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Гак 1998 – В.Г. *Гак*. Метафора: универсальное и специфическое // В.Г. Гак. Языковые преобразования. М., 1998.
- Грунтов 2007 – И.А. *Грунтов*. «Каталог семантических переходов» – база данных по типологии семантических изменений // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. «Диалог'2007». Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г. М., 2007.
- Зализняк 2001 – Анна А. *Зализняк*. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2.
- Зализняк 2006 – Анна А. *Зализняк*. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Зализняк 2009а – Анна А. *Зализняк*. О понятии семантического перехода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. «Диалог'2009». Бекасово, 27–31 мая 2009 г. М., 2009.
- Зализняк 2009б – Анна А. *Зализняк*. Об эволюции концепта *отдыхать* в русском языке // «Слово – чистое веселье...». Сб. статей в честь А.Б. Пеньковского. М., 2009.
- Зализняк 2013 – Анна А. *Зализняк*. Русская семантика в типологической перспективе (к вопросу о термине «языковая картина мира») // *Russian linguistics*. 2013. V. 37. № 1.
- Зализняк и др. 2005 – А.А. *Зализняк, Е.В. Торопова, В.Л. Янин*. Берестяные грамоты из раскопок 2004 г. в Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2005. № 3.
- Зевахина 1985 – Т.С. *Зевахина*. К вопросу об универсалиях в области полисемии // Лингвистическая типология. М., 1985.
- Князев 2007 – Ю.П. *Князев*. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
- Копчевская, Рахилина 1999 – М. *Копчевская, Е.В. Рахилина*. С самыми теплыми чувствами (по горячим следам Стокгольмской экспедиции) // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. М., 1999.
- Крысин 1998 – Л.П. *Крысин*. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.
- Кустова 2004 – Г.И. *Кустова*. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.

- Кустова, Падучева 1994 – Г.И. Кустова, Е.В. Падучева. Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- Майсак 2005 – Т.А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.
- Майсак, Рахилина (ред.) 2007 – Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Мельчук 1974/1999 – И.А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1999 (2-е изд. М., 1999).
- НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2004.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Пауль 1960 – Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960.
- Плунгян 1998 – В.А. Плунгян. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. 'Быстро' в грамматике русского и других языков // Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к семидесятилетию акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2000.
- Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Рахилина (ред.) 2010 – Е.В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М., 2010.
- Рахилина и др. 2009 – Е.В. Рахилина, О.С. Карпова, Т.И. Резникова. Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. «Диалог'2009». Бекасово, 27–31 мая 2009 г. М., 2009.
- Рахилина и др. 2010а – Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, О.С. Карпова. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // Е.В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М., 2010.
- Рахилина и др. 2010б – Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, А.А. Бонч-Осмоловская. Типология преобразования конструкций: предикаты боли // Е.В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М., 2010.
- Рахилина, Кор-Шаин 2010 – Е.В. Рахилина, И. Кор-Шаин. Новая загадка *хватать* // Е.В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М., 2010.
- Рахилина, Плунгян 2007 – Е.В. Рахилина, В.А. Плунгян. О лексико-семантической типологии // Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Розина 2005 – Р.И. Розина. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. М., 2005.
- Руссо 2012 – М.М. Руссо. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сб. научных статей (электронное научное издание). Вып. 4. 2012 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012_04/9.pdf.
- Солженицын 1990 – А.И. Солженицын. Русский словарь языкового расширения. М., 1990.
- Срезневский 1989 – И.И. Срезневский. Материалы к словарю древнерусского языка: В 3 т. М., 1989.
- Толстая 2002 – С.М. Толстая. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3).
- Толстая 2008 – С.М. Толстая. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.
- Трубачев 1964 – О.Н. Трубачев. 'Молчать' и 'таять'. О необходимости семасиологического словаря нового типа // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.
- Трубачев 1976 – О.Н. Трубачев. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Трубачев 1988 – О.Н. Трубачев. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988.
- Ульман 1970 – С. Ульман. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970.
- Шмелев 2009 – А.Д. Шмелев. «Незначащее» и «невывраженное» отрицание (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии) // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М., 2009.
- Blank 2000 – A. Blank. Polysemy in the lexicon // R. Eckardt, K. von Heusinger (eds). Meaning change – meaning variation. Workshop held at Konstanz, Feb. 1999. Konstanz, 2000.

- Blank, Koch 2000 – *A. Blank, P. Koch*. La conceptualisation du corps humain et la lexicologie diachronique romane // H. Dupuy-Engelhardt, M.-J. Montibus (eds). La lexicalisation des structures conceptuelles: Actes du colloque international EUROSEM 1998. (Recherches en linguistique et psychologie cognitive, 13.) Reims, 2000.
- Blank et al. 2000 – *A. Blank, P. Koch, P. Gévaudan*. Onomasiologie, sémasiologie et l'étymologie de langues romanes: esquisse d'un projet // A. Englebert, M. Pierrard, L. Rosier, D. van Raemdonck (eds.). Actes du XXIIe Congrès international de linguistique et de philologie romanes, Bruxelles, 23–29 juillet 1998. IV: Des mots aux dictionnaires. Tübingen, 2000.
- Brown 2001 – *C. Brown*. Lexical typology from an anthropological point of view // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds). Language typology and language universals. An international handbook. V. 2. Berlin; New York, 2001.
- Brown, Witkowski 1983 – *C.H. Brown, S.R. Witkowski*. Polysemy, lexical change and cultural importance // *Man*. New series. 1983. V. 18. № 1.
- Buck 1971 – *C.D. Buck*. A dictionary of selected synonyms in the principle Indo-European languages. A contribution to the history of ideas. Chicago, 1971.
- Bybee 2010 – *J.L. Bybee*. Language, usage and cognition. Cambridge, 2010.
- Bybee et al. 1994 – *J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca*. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Croft 2003 – *W. Croft*. Typology and universals. 2-nd ed. Cambridge, 2003.
- Dauzat 1938 – *A. Dauzat*. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1938.
- Evans 2011 – *N. Evans*. Semantic typology // J.J. Song (ed.). The Oxford handbook of typology. Oxford, 2011.
- Evans, Wilkins 2000 – *N. Evans, D. Wilkins*. In the mind's ear: the semantic extension of perception verbs in Australian languages // *Language*. 2000. V. 76. № 3.
- François 2008 – *A. François*. Semantic maps and the typology of colexification // M. Vanhove (ed.). From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations. (Studies in language companion series, 106.) Amsterdam, 2008.
- Geerarts 1993 – *D. Geerarts*. Vagueness's puzzles, polysemy's vagaries // *Cognitive linguistics*. 1993. V. 4.
- Gévaudan 2007 – *P. Gévaudan*. Typologie des lexikalischen Wandels: Bedeutungswandel, Wortbildung und Entlehnung am Beispiel der romanischen Sprachen. Tübingen, 2007.
- Gévaudan et al. 2003 – *P. Gévaudan, P. Koch, A. Neu*. Hundert Jahre nach Zauner: Die romanischen Namen der Körperteile im DECOLAR // *Romanische Forschungen*. 2003. Bd. 115. № 1.
- Goddard, Wierzbicka (eds) 1994 – *C. Goddard, A. Wierzbicka* (eds). Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings. Amsterdam, 1994.
- Greenberg 1957 – *J.H. Greenberg*. The nature and uses of linguistic typologies // *International journal of American linguistics*. 1957. V. 23. № 2.
- Haser 2003 – *V. Haser*. Metaphor in semantic change // A. Barcelona (ed.). Metaphor and metonymy at the crossroads. A cognitive perspective. Berlin; New York, 2003.
- Havlová 1965 – *E. Havlová*. O potřebě slovníku semantických změn // *Jazykovědné actuality*. 1965. № 4.
- Haspelmath 2003 – *M. Haspelmath*. The geometry of grammatical meaning: Semantic map and cross-linguistic comparison // M. Tomasello (ed.). The new psychology of language. V. 2. Mahwah (NJ), 2003.
- Heine, Kuteva 2002 – *B. Heine, T. Kuteva*. World lexicon of grammaticalization. Cambridge, 2002.
- Hénault-Sakhno, Sakhno 2001 – *Ch. Hénault-Sakhno, S. Sakhno*. Typologie des langues et sémantique diachronique: le problème des universaux // *LINX* (Revue des linguistes de l'Université Paris Ouest Nanterre La Défense). 2001. V. 45.
- Hénault-Sakhno, Sakhno 2005 – *Ch. Hénault-Sakhno, S. Sakhno*. Typologie sémantique lexicale: problèmes de systématisation // C. Moyse-Faurie, G. Lazard (eds). Typologie linguistique. Villeneuve d'Ascq, 2005.
- Koch 2001 – *P. Koch*. Lexical typology from a cognitive and linguistic point of view // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). Language typology and language universals: An international handbook. V. 2. Berlin; New York, 2001.
- Koch 2004 – *P. Koch*. Diachronic onomasiology and semantic reconstruction // W. Mihatsch, R. Steinberg (eds.). Lexical data and universals of semantic change. Tübingen, 2004.
- Koch 2008 – *P. Koch*. Cognitive onomasiology and lexical change. Around the eye // M. Vanhove (ed.). From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations. (Studies in language companion series, 106.) Amsterdam, 2008.

- Koch, Marzo 2007 – *P. Koch, D. Marzo*. A two-dimensional approach to the study of motivation in lexical typology and its first application to French high-frequency vocabulary // *Studies in language*. V. 31. № 2.
- Koptjevskaja-Tamm 2008 – *M. Koptjevskaja-Tamm*. Approaching lexical typology // M. Vanhove (ed.). *From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations*. (Studies in language companion series, 106.) Amsterdam, 2008.
- Koptjevskaja-Tamm 2012 – *M. Koptjevskaja-Tamm*. New directions in lexical typology // M. Koptjevskaja-Tamm, M. Vanhove (eds.). *New directions in lexical typology*. Linguistics, a special issue. 2012. V. 50. № 3.
- Lehmann 1990 – *C. Lehmann*. Towards lexical typology // W. Croft, K. Denning, S. Kemmer (eds.). *Studies in typology and diachrony. Papers presented to Joseph H. Greenberg on his 75th birthday*. Amsterdam, 1990.
- Leemans 2005 – *M. Leemans*. De la sémantique lexicale à la typologie sémantique. Dossier présenté dans le cadre de l'habilitation à diriger des recherches. Lille, 2005. http://perso.univ-lille3.fr/~mleemans/docspdf/HDR_MLeemans.PDF.
- Lehrer 1992 – *A. Lehrer*. A theory of vocabulary structure: Retrospectives and perspectives // M. Putz (ed.). *Thirty years of linguistic evolution. Studies in honor of René Dirven on the occasion of his sixtieth birthday*. Amsterdam, 1992.
- Marzo 2009 – *D. Marzo*. Polysemie als Verfahren lexikalischer Motivation. Theorie und Empirie am Beispiel von Metonymie und Metapher im Französischen und Italienischen. Tübingen, 2009.
- Mel'čuk 2007 – *I. Mel'čuk*. Lexical functions // H. Burger, D. Dobrovolskij, P. Kühn, N.R. Norrick (eds.). *Phraseologie / Phraseology*. Berlin, 2007.
- Nerlich, Clarke 2004 – *B. Nerlich, D. Clarke*. Polysemy and flexibility: introduction and overview // Z. Todd, V. Herman, D.D. Clarke (eds.). *Polysemy: Flexible patterns of meaning in mind and language*. (Trends in linguistics: Studies and monographs, 142.) Berlin; New York, 2004.
- Pottier 1999 – *B. Pottier*. Pour une typologie sémantique // *Typologie des langues, universaux linguistiques*. LINX (Revue des linguistes de l'Université Paris Ouest Nanterre La Défense). 1999. V. 11.
- Sakhno 1998 – *S. Sakhno*. La mémoire des mots: surprises du vocabulaire russe (Problèmes de sémantique historique comparée) // *Slovo*. 1998. V. 20–21.
- Sakhno 1999 – *S. Sakhno*. Typologie des parallèles lexicaux russes-français dans une perspective sémantico-historique // *Slovo*. 1999. V. 22–23.
- Sakhno 2001 – *S. Sakhno*. Dictionnaire russe-français d'étymologie comparée. Correspondances lexicales historiques. Paris, 2001.
- Schröpfer 1956 – *J. Schröpfer*. Wozu ein vergleichendes Wörterbuch des Sinnwandels? // *Proceedings of the seventh International congress of linguists (London 1952)*. London, 1956.
- Schröpfer 1979 – *J. Schröpfer*. Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomasiologie. Bd. I. Heidelberg, 1979.
- Sweetser 1990 – *E. Sweetser*. From etymology to pragmatics: metaphorical and cultural aspects of semantic structure. (Cambridge studies in linguistics 54.) Cambridge, 1990.
- Talmy 2007 – *L. Talmy*. Lexical typologies // T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description*. V. 3: Grammatical categories and the lexicon. 2nd ed. Cambridge, 2007.
- Tamm, Rakhilina 2006 – *M. Tamm, E. Rakhilina*. «Some like it hot»: on semantics of temperature adjectives in Russian and Swedish // G. Giannoulou, T. Leuschner (eds.). *Lexicon in a typological and contrastive perspective* // STUF (Sprachtypologie und Universalienforschung), a special issue. 2006. V. 59. № 2.
- Taylor 2004 – *J. Taylor*. Cognitive models of polysemy // Z. Todd, V. Herman, D.D. Clarke (eds.). *Polysemy: Flexible patterns of meaning in mind and language*. (Trends in linguistics: Studies and monographs, 142.) Berlin; New York, 2004.
- Traugott, Dasher 2002 – *E. Traugott, R. Dasher*. Regularities in semantic change. Cambridge, 2002.
- Vanhove 2008 – *M. Vanhove* (ed.). *From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations*. (Studies in language companion series, 106.) Amsterdam, 2008.
- Wierzbicka 1996 – *A. Wierzbicka*. Semantics: Primes and universals. Oxford, 1996.
- Wilkins 1996 – *D. Wilkins*. Natural tendencies of semantic change and the search for cognates // M. Durie, M. Ross (eds.). *The comparative method reviewed. Regularity and irregularity in language change*. New York; Oxford, 1996.
- Zalizniak 2008 – *Anna A. Zalizniak*. A catalogue of semantic shifts: Towards a typology of semantic derivation // M. Vanhove (ed.). *From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations*. (Studies in language companion series, 106.) Amsterdam, 2008.

Zalizniak 2012 – *Anna A. Zalizniak*. On the lexicographic interpretation of the meaning of a verb in its bound use // *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И.А. Мельчука*. М., 2012.

Zalizniak et al. 2012 – *Anna A. Zalizniak, M. Bulakh, D. Ganenkov, I. Gruntov, T. Maisak, M. Russo*. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // *M. Koptjevskaja-Tamm, M. Vanhove (eds.)*. New directions in lexical typology. Linguistics, a special issue. 2012. V. 50. № 3.

Сведения об авторе:

Анна Андреевна Зализняк

Институт языкознания РАН

anna.zalizaniak@gmail.com

Статья поступила в редакцию 27.09.2012

© 2013 г. А. ГАТНАР

КОНКУРЕНЦИЯ ВИДОВ ГЛАГОЛА В ИТЕРАТИВНЫХ КОНТЕКСТАХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА И ПОЗИЦИИ КВАНТИФИКАТОРА

В статье описывается конкуренция русских видов глагола в итеративных контекстах. На основе данных из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) проводится психолингвистический эксперимент, с помощью которого устанавливается связь между типом квантификатора и выбором вида глагола в итеративных контекстах. Кроме того, данные из эксперимента указывают на то, что тип и позиция квантификатора могут влиять не только на выбор вида глагола, но и на его когнитивную обработку¹.

Ключевые слова: русский язык, вид глагола, итеративность, психолингвистический эксперимент, когнитивная обработка

Though iterativity is linked to the imperfective aspect in Russian, there is one exception where the perfective aspect can be used. This case is mostly treated separately under the title of the so called «summative function of the perfective aspect». Based on data from the Russian national corpus the paper presents a psycholinguistic experiment that will give evidence about the connection between certain adverbial quantifiers (*two times, three times* etc.) and the choice of verbal aspect in iterative contexts. The results of the experiment indicate that type and position of the quantifiers can affect not only the choice of the verbal aspect, but also its cognitive processing.

Keywords: Russian, verbal aspect, iteration, psycholinguistics, experiment, cognitive processing

ВВЕДЕНИЕ

Специфика употребления совершенного и несовершенного видов глагола, а также их функции в русском языке уже достаточно широко исследованы и описаны в лингвистической литературе. Однако, несмотря на четкое разграничение грамматических и семантических функций видов глагола, в русском языке существует бесспорная конкуренция глагольных видов в разных контекстах. В рамках этой статьи под конкуренцией видов глаголов мы понимаем те особые случаи, когда совершенный и несовершенный виды глагола могут сменять друг друга без изменения основной мысли высказывания, придавая последнему лишь новый оттенок [Schwall 1991: 30].

В этой работе внимание уделяется специфичному случаю конкуренции видов глагола в русском языке: суммарному значению совершенного вида глагола. Это значение проявляется в итеративных контекстах, где по грамматическим нормам должен предпочитаться несовершенный вид:

(1) Он три раза *постучал* в дверь [Зализняк, Шмелев 1997: 19] или

(2) Ученик дважды *задал* / *задал* один и тот же вопрос [Храковский 1989: 13].

¹ Автор благодарит Тильмана Бергера, Даниэля Бунчича, Анну Шмид и двух анонимных рецензентов за ценные замечания в процессе работы над данной статьей. Исследование проводилось при поддержке немецкого научного фонда (ДФГ), который финансирует совместный научный центр SFB 833.

Опираясь на эту схему, мы провели собственное исследование конкуренции видов глагола в итеративных контекстах. Особый интерес при исследовании суммарного значения совершенного вида у нас вызвали те ситуации, в которых совершенный и несовершенный виды глагола конкурируют в одном и том же контексте. Существует ряд работ, посвященных виду глагола в итеративных ситуациях ([Храковский 1989; Шатуновский 2009; Mehlig 1981; Belaïa 1996; Dickey 2000] и т.д.). Итеративную ситуацию или итеративность обычно определяют как многократную ситуацию, являющуюся частью неоднократного комплекса действий, между которыми всегда должен соблюдаться временной перерыв [Шатуновский 2009: 121].

В этой статье рассматриваются исчисляемые итеративные ситуации, в которых так называемые квантификаторы маркируют повторение определенного события. Только в этом случае наблюдается конкуренция видов глагола. Говоря о квантификаторах, мы обычно имеем в виду модификатор, который выражает количество, например *несколько раз, два раза, три раза* и т.д. Эти квантификаторы выражают число повторяющихся событий. Различают определенные и неопределенные квантификаторы. Определенные квантификаторы выражают точное число повторений одного и того же события. Неопределенные квантификаторы только указывают на то, что событие неоднократно повторяется. Два примера могут пояснить эту точку зрения (см. примеры (3) и (4)):

(3) Он **три раза** открыл / открывал окно.

(4) Мы **несколько раз** посетили / посещали учительницу в больнице.

Перед тем, как перейти к вопросам, поставленным в этой работе, стоит обратить внимание на суммарную функцию совершенного вида глагола. Под суммарным значением обычно подразумевается сумма повторяющихся событий в определенном временном интервале [Бондарко 1971: 59]. Целое событие состоит из нескольких действий, которые повторяются либо определенное, либо неопределенное количество раз. Суммарное значение совершенного вида глагола используется в итеративном контексте с лексическим показателем ограниченной кратности [Там же: 24]. При употреблении несовершенного вида в таких контекстах обозначается не сумма «конкретных фактов в их целостности, а ограниченный ряд повторений нейтрального <...> действия, не характеризующегося ни целостностью, ни какими-либо иными положительными признаками» [Там же: 31]. А.В. Бондарко называет это значение «ограниченно-кратным значением» несовершенного вида.

Ю.П. Князев [Князев 1989: 139] называет еще два фактора, которые являются существенными для суммарного значения совершенного вида глагола: 1) сохранение результата предыдущей итерации и 2) отношение всех повторяющихся действий к ограниченному периоду времени.

Когда мы говорим о конкуренции вида глагола в итеративных контекстах, мы имеем в виду конкуренцию между суммарным значением совершенного вида и ограничено-кратным значением несовершенного вида². Несовершенный вид подчеркивает выполнение процесса действия, его становление и развитие, тогда как совершенный вид выражает целостность действия.

Как уже было сказано выше, в этих контекстах обычно употребляется несовершенный вид. Как должен выглядеть итеративный контекст, в котором был бы возможен и совершенный вид? Б. Герке [Gehrke 2002: 70] ставит три условия, при которых достигается суммарная функция совершенного вида глагола: во-первых, каждое повторяющееся действие должно иметь своей целью определенный результат, который необходимо сохранить; во-вторых, требуется ограниченное повторение, например, с помощью

² Здесь Ю.С. Маслов [Маслов 1984: 81, 82] даже говорит о «синонимической конкуренции» видов.

информации о точном числе повторений; в-третьих, сумма повторяющихся событий должна соответствовать тому же ограниченному временному интервалу³.

В качестве иллюстрации могут служить некоторые примеры, в которых наблюдается эта конкуренция вида:

А. Конкуренция суммарного значения и ограниченно-кратного значения несовершенного вида.

(5) Ученик дважды *задал / задавал* один и тот же вопрос [Храковский 1989: 13].

(6) Два раза *спустила / спускала* шина на дороге, шоферу пришлось клеить камеры!

Разница между видами в примере (7) состоит в том, что при употреблении совершенного вида учитывается каждый отдельный стук, а при употреблении несовершенного вида (*он стучал*) между действиями был перерыв, потом человек стучал опять, затем – опять перерыв и т.д.

(7) Он три раза *постучал / стучал* в дверь [Зализняк, Шмелев 1997: 18].

Примеры (8) и (9) показывают итеративные контексты, в которых употребление совершенного вида глагола возможно в суммарном значении:

(8) Он два раза *посетил* посольство Греции в Москве.

(9) Мы два раза *встретились* с ним на улице [Бондарко 1971: 59].

Предпосылкой здесь является указание на число итеративных ситуаций, объединяемых в единый комплекс действий. Целью является выражение, которое передает разграничение отдельных событий, каждое из которых должно закончиться достижением внутренней цели. Примеры (8) и (9) показывают, что и посещение, и встреча удались два раза.

Б. Итеративные контексты, в которых невозможен несовершенный вид:

(10) *Я четыре раз *хаживал* в этот дом [Храковский 1989: 50].

В примере (10) несовершенный вид употребляться не может, потому что глагол *хаживать* не позволяет сосчитать количество ситуаций. Этот факт не соответствует точному числу ситуаций, возможных в итеративном контексте [Храковский 1989: 50]. В примере (11) совершенный вид означает достижение результата:

(11) Я уже стрелял из него в дерево, бабушка, и *попал* два раза [Бондарко 1971: 41].

В. Итеративные контексты, в которых невозможен совершенный вид:

В примере (12) возможен только несовершенный вид, потому что желаемый результат действия остается не достигнутым:

(12) Он несколько раз *бросал / *бросил* курить [Князев 1989: 139].

Суммарное значение совершенного вида глагола здесь исключено, потому что повторение действия указывает на отсутствие результата. Иными словами, описанное действие может повториться только в том случае, если внутренняя цель не достигнута (как в нашем примере). Это обстоятельство мотивирует выбор несовершенного вида глагола.

Г. Итеративные контексты, в которых несовершенный вид употребляется только в ограниченном стилистическом контексте:

³ См. также [Князев 1989: 139].

(13) Я несколько раз подряд *произнес / ??произносил* название этого городка: «Вязники... Вязники... Вязники» [Князев 1989: 139].

Здесь несовершенный вид возможен только в историческом настоящем времени. Совершенный же вид употребляется в суммарном значении, что указывает на достижение результата каждого отдельного действия.

Суммарное значение возникает вместе с лексическими элементами ограниченного числа повторений, таких как *два раза, трижды, несколько раз...*, которые мы в этой работе называем квантификаторами. Как зависит смысл выражения от вида глагола? А.В. Бондарко [Бондарко 1971] определяет эту конкретную конкуренцию вида глагола следующим образом: совершенный вид глагола представляет конкретную ситуацию как сумму фактов. Это значит, что отдельные события объединяются в одно событие. В отличие от этого несовершенный вид глагола представляет ограниченно многократное значение. Каждый отдельный случай рассматривается обособленно. В центре внимания находится определенный ряд действий, а число их повторений задается квантификатором [Там же: 31]. В. Леман [Lehmann 1994: 168] объясняет конкуренцию видов глагола способностью распознавать временные соотношения. Согласно этому, число ситуаций влияет на понимание расположения ситуации во временном интервале. Следующие примеры демонстрируют его точку зрения:

(14) а) Анна *приходила* еще несколько раз ≠ б) Анна *пришла* еще несколько раз [Lehmann 1994: 168].

В примере (14а) ситуация делится на разные события, которые происходят поочередно. Употребление совершенного вида глагола (пример 14б) ведет к интерпретации ситуации как суммы или синхронической фазы [Ibid.: 168], и одновременно происходит переклассификация (соегсiон) разных ситуаций в одну ситуацию.

Конкуренция значений вида в итеративных контекстах зависит от особенности контекста и делает возможными различные варианты выражения мыслей. Эти варианты связаны с выбором вида глагола [Бондарко 1971: 31]. Примеры (15а) и (15б) подчеркивают это наблюдение: осмысленное, несколько раз повторяемое индивидуальное действие (15а) рассматривается по контрасту с примером (15б), где трудно представить, что указанное действие каждый раз происходило от начала до конца.

(15а) Он несколько раз *перечитал* записку, вдумываясь в ее смысл.

(15б) Он *перечитывал* «Войну и мир» несколько раз.

В настоящей работе мы ограничимся закрытой итерацией, выражаемой определенными и неопределенными квантификаторами. В прошедшем времени оба вида глагола конкурируют друг с другом в контекстах с закрытой итерацией. В таком случае возникают следующие центральные вопросы: какие факторы определяют употребление того или иного вида глагола? Как квантификаторы воздействуют на выбор вида глагола? Наряду с этим возникает дальнейший вопрос, подтолкнувший нас к данной работе: влияет ли позиция квантификатора скорее на выбор несовершенного или же на выбор совершенного вида глагола? По нашему мнению, позиция квантификатора перед глаголом более четко фокусирует именно итеративность. И, наоборот, его позиция после глагола особо подчеркивает событие, выражаемое высказыванием⁴.

⁴ Здесь мы отсылаем к исследованиям в области чешского языка. В чешском языке, где употребление вида глагола свободнее, чем в русском языке, позиция квантификатора доказуемо влияет на выбор вида глагола. На основании опроса носителей чешского языка Е.В. Петрухина [Петрухина 1983: 105] отмечает, что позиция квантификатора *pravidelně* 'регулярно', который может сочетаться и с несовершенным, и совершенным видом глагола, влияет на выбор вида глагола в том отношении, что предпочтение несовершенного вида глагола усиливается, если *pravidelně* 'регулярно' стоит после глагола, то есть в рематической позиции, чем перед глаголом.

1. ПОИСК В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Путем поиска в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) мы получили первые ответы на упомянутые выше вопросы. Данные были получены в июне 2010 г. Рассматривались только тексты основного корпуса с ограничением на тексты XX в. Мы искали формы прошедшего времени обоих видов глагола. Были выбраны определенные квантификаторы (*два раза, три раза, пять раз, десять раз*) и неопределенный квантификатор *несколько раз* в позициях перед глаголами или после глаголов. Расстояние между глаголами и квантификаторами в пределах предложения было от одного до пяти слов. Этим методом мы смогли отобрать 5781 предложение, в которых квантификатор определяет итеративность.

В таблице 1 отражено распределение квантификаторов в выбранных данных из корпуса. Согласно анализу, число предложений с определенными квантификаторами только на 8% превышает число предложений с неопределенными квантификаторами (см. таблицу 1).

Таблица 1

Распределение квантификаторов

	сумма
определ. квант.	3150 (54%)
неопредел. квант.	2631 (46%)
сумма	5781 (100%)

Таблица 2 показывает распределение квантификаторов в зависимости от вида глагола. Вычисленные данные иллюстрируют утверждение о том, что в большинстве предложений неопределенный квантификатор однозначно влечет за собой выбор несовершенного вида. В предложениях с определенными квантификаторами наблюдается сходное распределение видов глагола, но есть процентные различия между глаголами несовершенного и совершенного вида.

Таблица 2

Распределение видов глагола в зависимости от типа квантификатора

	НСВ	СВ	сумма
определ. квант.	1731 (55%)	1419 (45%)	3150 (100%)
неопредел. квант.	1582 (60%)	1049 (40%)	2631 (100%)

В предложениях с неопределенным квантификатором *несколько раз* эта разница между видами глагола составляет 20%, в предложениях с определенными квантификаторами она составляет только 10%.

Корпусные данные демонстрируют следующее распределение: преобладают неопределенный квантификатор *несколько раз* (46%) и определенный квантификатор *два раза* (40%) (см. таблицу 3).

В. Дюбберс [Dübbbers 2011: 39] подтверждает этот тезис данными детального поиска в Чешском национальном корпусе. Он подчеркивает влияние позиции квантификатора на выбор вида глагола в чешском языке и отмечает, что несовершенный вид глагола всегда чаще употребляется с квантификатором, стоящим в позиции после глагола, чем перед ним.

**Распределение видов глагола в зависимости
от типа квантификатора**

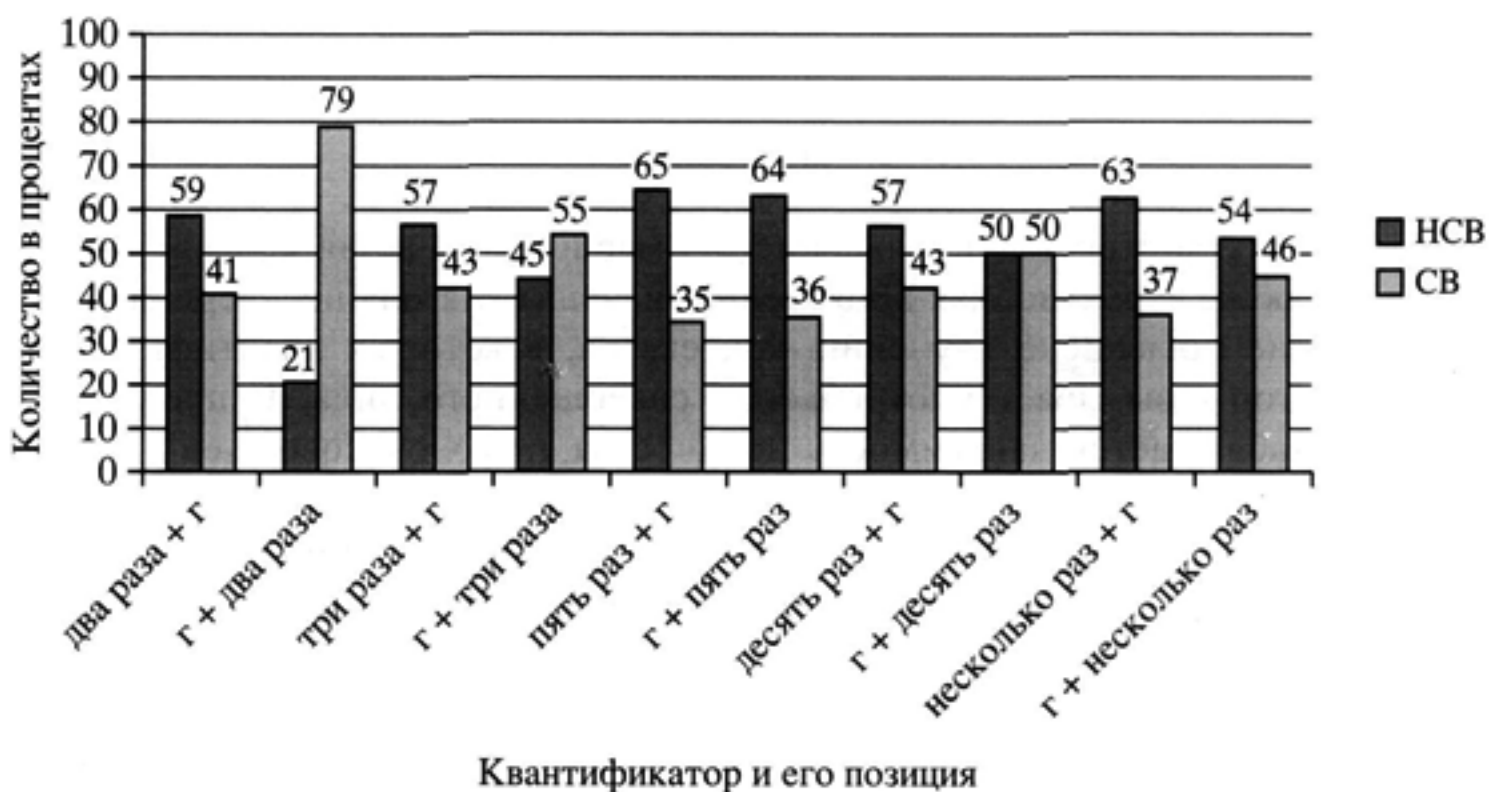
	НСВ	СВ	сумма	в процентах
два раза	1258	1041	2299	40%
три раза	321	280	601	10%
пять раз	100	55	155	3%
десять раз	52	43	95	1%
несколько раз	1582	1049	2631	46%
сумма	3313 (57%)	2468 (43%)	5781	100%

С большим отрывом следуют другие квантификаторы: *три раза* (10%), *пять раз* (3%) и *десять раз* (1%). Глагольный вид однозначно распределяется в пользу несовершенного вида (57%), хотя в 43% случаев был выбран и совершенный вид.

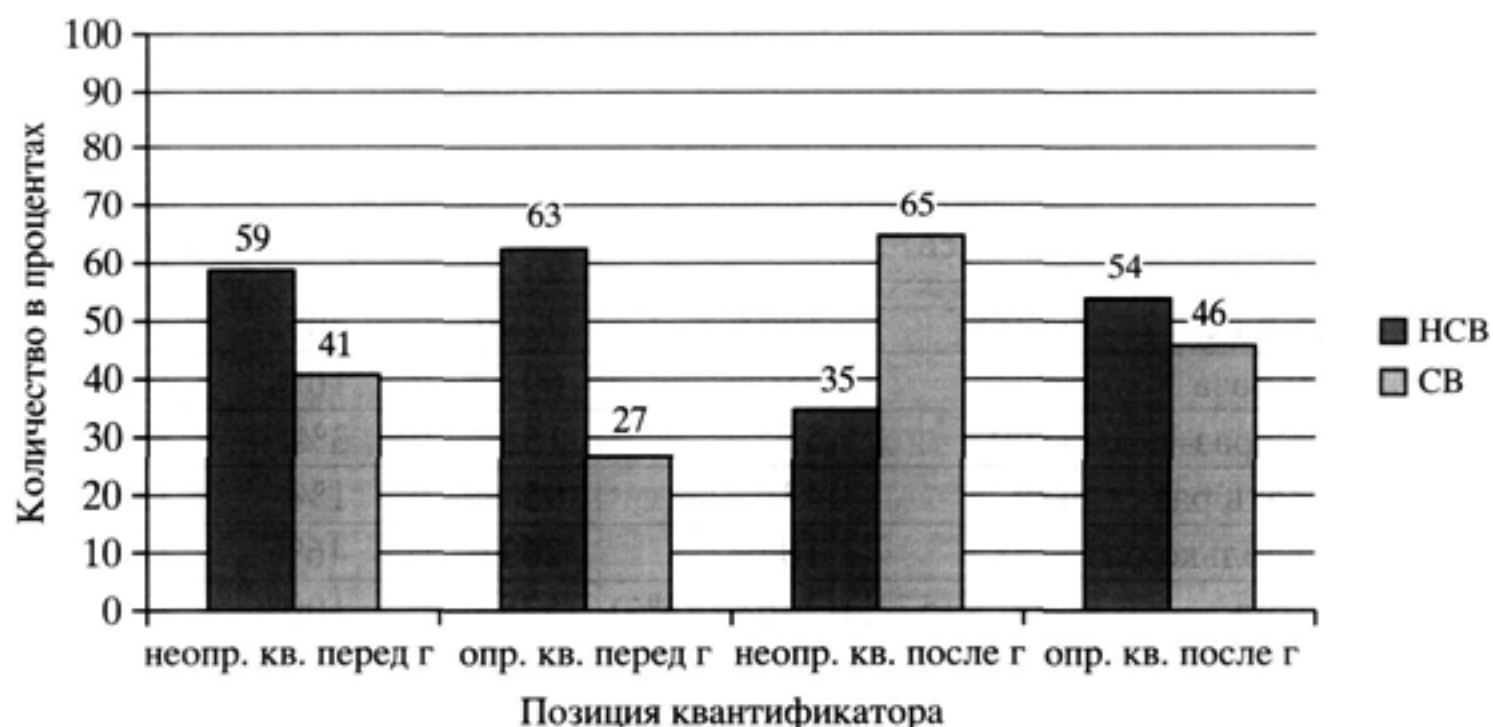
Статистика поиска в НКРЯ показывает, что в итеративных контекстах совершенный вид употребляется всего на 16% реже несовершенного. Распределение вида глагола в зависимости от позиции квантификатора показано на графике 1 (глагол представляется буквой «г»). Результат поиска был интересен тем, что численность глаголов совершенного вида была выше, когда квантификатор стоял после сказуемого. График 1 подробнее иллюстрирует результат поиска в НКРЯ.

На графике 1 мы видим, что почти у всех квантификаторов количество глаголов совершенного вида увеличивается в позиции перед квантификатором, за исключением квантификатора *пять раз*. В некоторых случаях совершенный вид глагола употребляется даже чаще, чем несовершенный вид, если квантификатор находится после глагола (*два раза*, *три раза*).

При сравнении данных поиска сразу бросается в глаза специфика распределения неопределенного квантификатора после сказуемого: в этом случае количество глаголов совершенного вида составляет 65% (см. график 2). С определенным квантификатором в позиции после сказуемого результаты распределяются приблизительно равномерно на оба вида глагола (54% : 46%). Однако этот процент распределения значительно ниже,

График 1. Распределение вида глагола в зависимости от позиции квантификатора на основании поиска в НКРЯ, г = глагол

График 2. Выбор вида глагола в зависимости от типа и позиции квантификатора

чем в примерах с неопределенным квантификатором перед сказуемым (59% : 41%) или с определенным квантификатором перед сказуемым (63% : 27%). В итеративных контекстах совершенный вид глагола чаще всего употребляется в тех случаях, когда неопределенный квантификатор находится в позиции после сказуемого (65%), и меньше всего в тех случаях, когда определенный квантификатор находится перед сказуемым (27%). На этом основании кажется обоснованным утверждение, что тип квантификатора и его позиция оказывают влияние на выбор глагольного вида.

С этой точки зрения НКРЯ показывает нам интересные результаты, которые требуют дальнейшего исследования. Во-первых, мы хотим проверить данные из корпуса, во-вторых, нас интересуют когнитивные процессы, влияющие на выбор вида глагола в закрытых контекстах с неопределенным квантификатором (*несколько раз*) и определенными квантификаторами *два раза, три раза, пять раз и десять раз*. Мы работали с экспериментальной компьютерной программой E-prime, которая дает нам возможность исследовать, какой глагольный вид может быть выбран в том или ином итеративном контексте, одновременно измеряя время реакции информантов. Позиция квантификатора влияет на выбор вида глагола, и это влияние является более выраженным в случае неопределенных, чем в случае определенных квантификаторов.

2. ГИПОТЕЗЫ

В итеративных контекстах проявление суммарного значения совершенного вида глагола точно так же вероятно, как проявление значения глагола несовершенного вида. Это исследование посвящено изучению контекстов, в которых квантификатор – как решающий фактор – вызывает употребление совершенного вида. В представленном эксперименте наблюдается зависимость количества глаголов совершенного вида от использования неопределенного квантификатора (*несколько раз*) в отличие от определенного квантификатора (*два раза, три раза* и т. д.). На основе результатов поиска в НКРЯ ожидается, что относительная частота употребления совершенного вида глагола зависит от позиции квантификатора по отношению к сказуемому. Основные гипотезы эксперимента касаются, во-первых, употребления вида глагола в зависимости от типа квантификатора и, во-вторых, когнитивной обработки вида глагола в данных условиях. В этом случае возникает несколько центральных вопросов. Какой глагольный вид предпочитается в разных условиях? Как соотносится совершенный вид глагола с типом и с позицией квантификатора? Существует ли различие в процессе обработки того или

другого вида глагола в данных контекстах? На основании данных НКРЯ и представленных выше теорий будут обоснованы следующие гипотезы:

- 1) ожидается увеличение числа глаголов совершенного вида в контекстах, в которых квантификатор находится в позиции после сказуемого;
- 2) ожидается большее число глаголов совершенного вида в контекстах с определенным квантификатором по сравнению с контекстами с неопределенным квантификатором;
- 3) ожидается достижение значимого эффекта при когнитивной обработке совершенного вида в зависимости от типа квантификатора и от его позиции по отношению к глаголу.

Проверяя эти гипотезы, проведенный эксперимент не только разъясняет закономерность при выборе того или иного вида глагола, но и измеряет длительность реакции до выбора видовой формы.

3. ЭКСПЕРИМЕНТ

Цель этого так называемого онлайн-эксперимента⁵ – выяснить, влияют ли тип и позиция квантификатора, выражающего итеративность (*несколько раз, два, три раза, пять раз и десять раз*), на выбор вида глагола. Наш метод исследования – это выбор альтернативы: от испытуемых требовалась быстрая реакция при ответе на альтернативные вопросы, касающиеся того или иного предложения. В течение эксперимента были проведены четыре опыта (согласно плану 2×2), то есть испытаны четыре синтагматические ситуации. В так называемых экспериментальных предложениях варьировались и позиция квантификатора перед сказуемым или после него, и тип квантификатора (определенный или неопределенный).

В эксперименте приняли участие 18 человек, среди которых 16 женского пола и двое мужского. Все 18 испытуемых являются носителями русского языка как родного и студентами Тюбингенского университета. Шесть участников оценили свои знания русского языка на «отлично», восемь – на «хорошо», двое – на «удовлетворительно» и двое не дали ответа.

Испытуемым показывается предложение с пробелом вместо глагола. Они должны внимательно прочитать предложение и нажать клавишу «ввод». Затем следует то же самое предложение, к которому на выбор предлагаются две возможные глагольные формы (совершенный и несовершенный вид). От испытуемых требуется выбрать только одну форму, нажимая соответствующую цифру (1 или 2). После этого происходит переход к следующему предложению. Между двумя версиями одного и того же предложения информантам показывается так называемый пункт фиксации (+)⁶. В начале эксперимента дается три предложения для тренировки, чтобы ознакомиться со строением эксперимента. Всего показывается 86 предложений в случайной последовательности,

⁵ Онлайн-экспериментами называются все психолингвистические эксперименты, с помощью которых измеряются, например, время реакции, процесс записи движения или положения глаз и т.д.

⁶ Примеры из эксперимента: участникам эксперимента следует выбрать 1 = *посещал* или 2 = *посетил*:

Он несколько раз _____ посольство Греции в Москве. (+) Он несколько раз _____ посольство Греции в Москве.

Он _____ несколько раз сестру в больнице. (+) Он _____ несколько раз сестру в больнице.

Он два раза _____ посольство Греции в Москве. (+) Он два раза _____ посольство Греции в Москве.

Он _____ два раза сестру в больнице. (+) Он _____ два раза сестру в больнице.

среди них 50 отвлекающих предложений без квантификатора итеративности и 36 проверяемых предложений.

С помощью экспериментальной компьютерной программы E-prime мы могли измерить и так называемое время реакции. Оно охватывает время от стимула до реакции (т. е. момент ее начала). В эксперименте время реакции измеряется дважды: во-первых, измеряется время чтения предложения, во-вторых, время, необходимое информанту для выбора той или иной глагольной формы. Мы измеряем время от появления стимула до нажатия выбранной информантом цифры на клавише (быстрота реакции).

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА

Результаты эксперимента будут представлены в трех частях. Сначала будут описываться результаты, относящиеся к предложениям с неопределенным квантификатором *несколько раз*, затем – результаты, относящиеся к предложениям с определенными квантификаторами, и, наконец, будут сравниваться результаты обоих видов предложений. На этой основе мы рассмотрим соотношение между выбором вида глагола, квантификаторами и синтагматическими условиями.

4.1. Неопределенный квантификатор *несколько раз*

В целом эксперимент включает в себя 16 заданий с неопределенным квантификатором *несколько раз*, которые отличаются позицией квантификатора до или после сказуемого.

4.1.1. Выбор вида глагола

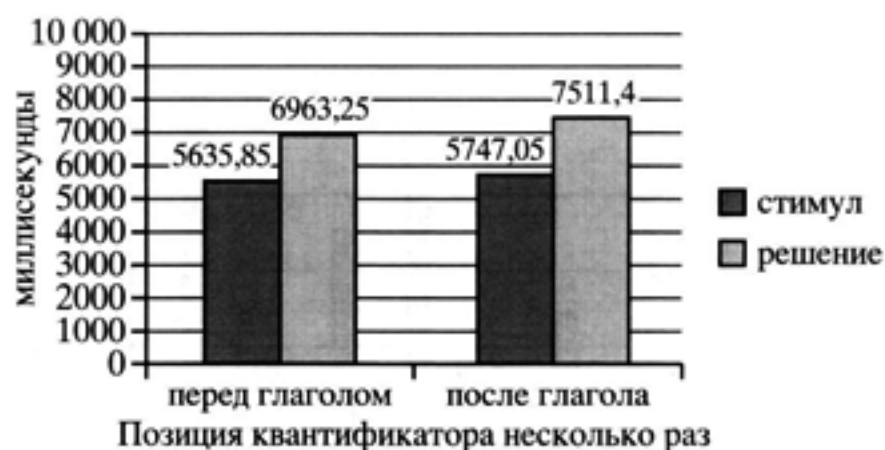
Анализ всех предложений показывает, что в них возможно употребление обоих видов глагола. Несовершенный вид глагола предпочитается во всех предложениях, независимо от позиции квантификатора до или после сказуемого. Однако пропорция распределения видов глагола изменяется в зависимости от позиции квантификатора.

В тех случаях, когда *несколько раз* находится перед сказуемым, предпочитается несовершенный вид: его выбрали 75 % информантов, 25 % испытуемых выбрали совершенный вид глагола (122 : 40).

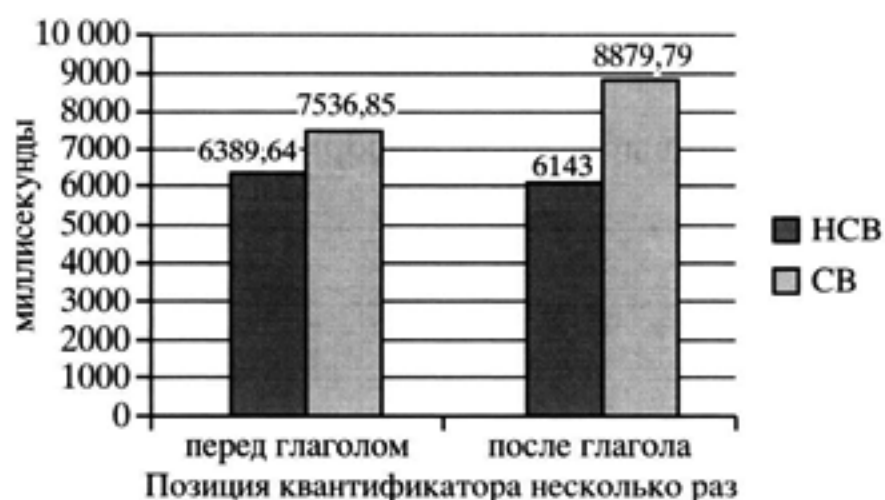
В случае, когда *несколько раз* стоит после сказуемого, несовершенный вид выбран информантами всего только в 61 % случаев (77 : 48). График 3 иллюстрирует эту пропорцию. Мы видим, что данные из эксперимента аналогичны данным из НКРЯ (см. график 2).

График 3. Выбор вида глагола в зависимости от позиции неопределенного квантификатора *несколько раз*

График 4. Время реакции при выборе вида глагола в зависимости от позиции квантификатора *несколько раз*

График 5. Время реакции в зависимости от позиции и вида глагола

4.1.2. Позиция квантификатора и время реакции

Данные графика 3 указывают на ясное предпочтение несовершенного вида в контекстах с неопределенным квантификатором *несколько раз*, хотя в контекстах с квантификатором после сказуемого наблюдается сокращение дистанции между несовершенным и совершенным видом.

На графике 4 представлено среднее время реакции при выборе вида глагола в зависимости от позиции квантификатора. Под *стимулом* подразумевается время первого чтения, под *решением* понимается время второго чтения до момента выбора глагольной формы. Измеряемое время реакции от *стимула* и от *решения* не зависит от позиции глагола. Как и ожидалось, среднее время реакции у *решения* оказалось выше среднего времени реакции у *стимула*. Правда, у *решения* оно отличается на 600 миллисекунд (6963мс : 7511мс), но это не является значительным фактором.

Данные однозначно показывают, что при выборе совершенного вида глагола позиция квантификатора влияет на время реакции. В то время как длительность реакции при выборе несовершенного вида глагола в обоих случаях примерно одинакова, она заметно различается при выборе совершенного вида глагола. Время реакции значительно увеличивается, когда квантификатор *несколько раз* находится после сказуемого (см. график 5).

4.1.3. Выбор по действующим нормам или против них – типы информантов

График 6 дает ответ на вопрос, существует ли среди информантов тенденция к предпочтению определенного вида глагола.

Обратим внимание на время реакции информантов на графике 7.

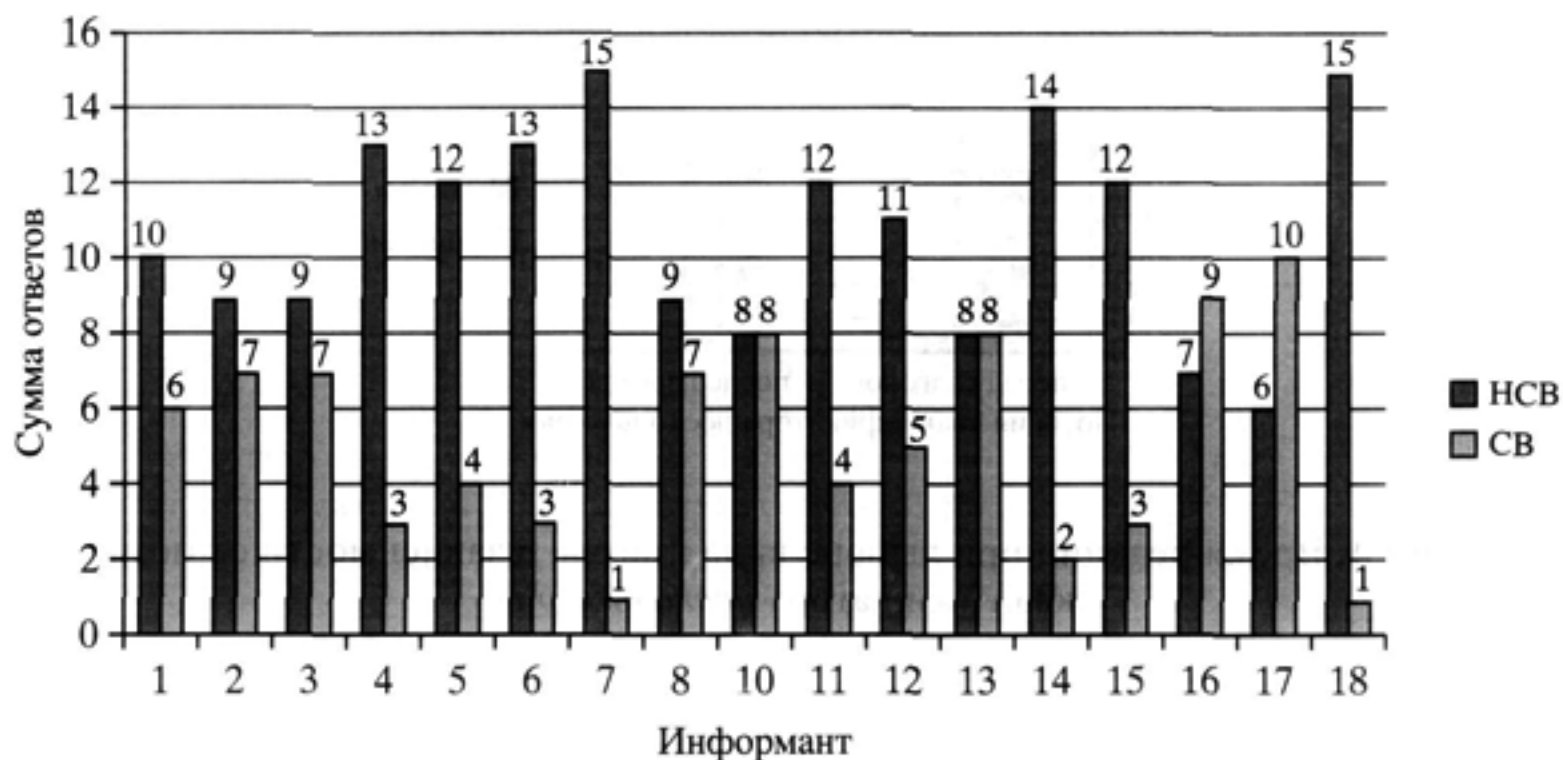

График 6. Число выбранных информантами видов глагола

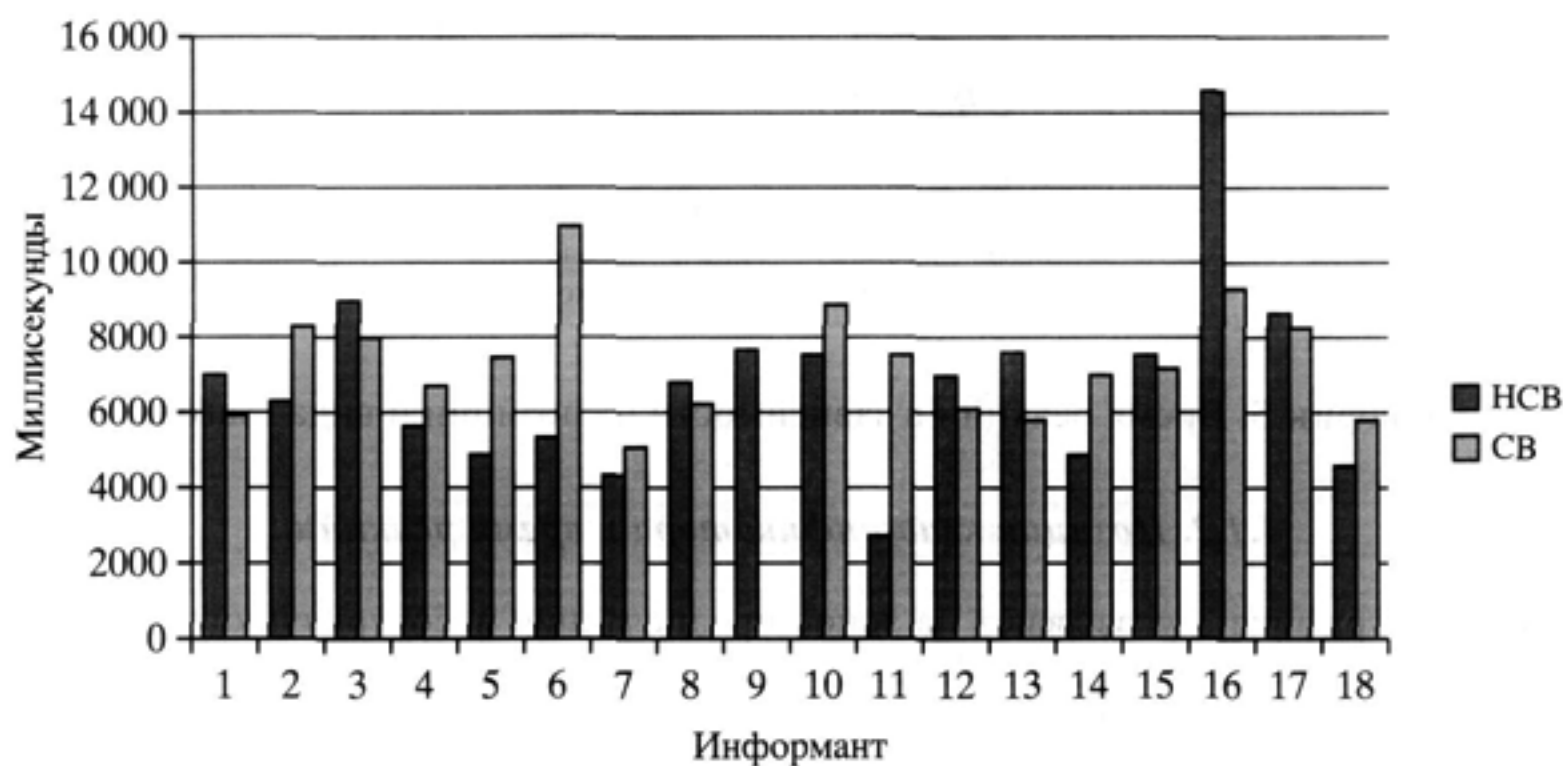

График 7. Среднее время реакции в зависимости от вида глагола

Основной вопрос заключается в следующем: требуется ли информантам больше времени на реакцию в тех случаях, когда они выбирают реже употребляемый ими глагольный вид? Результаты эксперимента показывают нам, к сожалению, только возможную тенденцию. Тем информантам, которые предпочитают глаголы несовершенного вида, требуется больше времени на выбор совершенного вида глагола, чем на выбор несовершенного. Интересен тот факт, что, наоборот, у информантов, выбирающих в основном совершенный вид глагола, такого несоответствия не возникает.

Данные эксперимента показывают, что позиция неопределенного квантификатора *несколько раз* влияет на когнитивную обработку итеративных контекстов. Совершенный вид выбирается намного чаще, если квантификатор находится после сказуемого. В случае выбора глагола совершенного вида основное внимание сосредотачивается на сумме повторяющихся событий, а не на отдельных событиях. Глядя на время реакции, мы видим, что для выбора глагола совершенного вида в итеративных контекстах с неопределенным квантификатором *несколько раз* в позиции после сказуемого требуется больше времени на обработку. Из этого можно сделать вывод, что генерирование суммарного значения совершенного вида сложнее генерирования значения многократности, которое характерно для несовершенного вида глагола.

4.2. Определенные квантификаторы

Эксперимент включает 20 предложений с определенными квантификаторами, которые различаются позицией квантификатора до или после сказуемого.

4.2.1. Выбор вида глагола в зависимости от позиции квантификатора

Позиция определенного квантификатора значительно влияет на выбор вида глагола. Если предпочтение равномерно распределяется на оба вида глагола, когда определенный квантификатор находится перед глаголом, то частота выбора совершенного вида значительно увеличивается, когда определенный квантификатор находится после глагола. В то время как при позиции квантификатора перед сказуемым распределение видов глагола равномерно, оно значительно меняется при позиции после сказуемого в пользу совершенного вида глагола (см. график 8).

4.2.2. Время реакции на выбор вида глагола

Если определенный квантификатор находится после сказуемого, время реакции значительно увеличивается по сравнению с его позицией перед сказуемым (6241,31 мс : 7330,44 мс). При сравнении соотношения между средним временем первичного чтения и временем реакции на выбор вида глагола также выявляется значительное различие, вызываемое позицией определенного квантификатора (см. график 9).

В предыдущем разделе еще не принимался во внимание глагольный вид. Как было показано в случае с неопределенным квантификатором, его позиция влияет на время реакции при выборе совершенного вида глагола (см. график 10). Этот результат повторяется и в данном случае. Если при выборе несовершенного вида глагола время

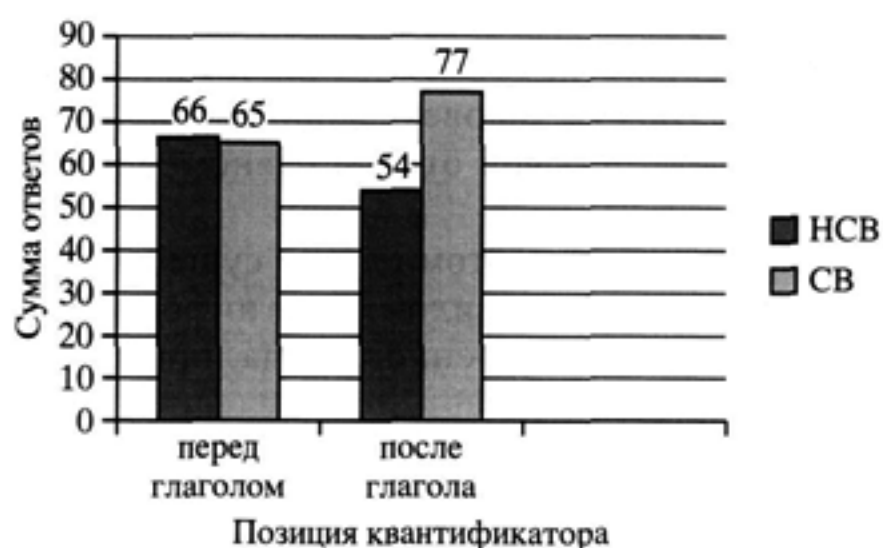

График 8. Вид глагола в зависимости от позиции определенного квантификатора

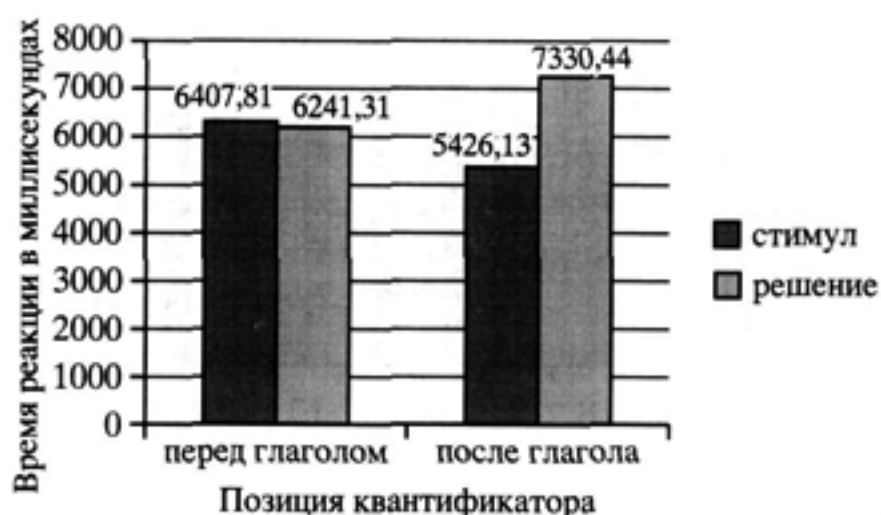

График 9. Соотношение между временем реакции и позицией определенного квантификатора

График 10. Время реакции в зависимости от позиции определенного квантификатора

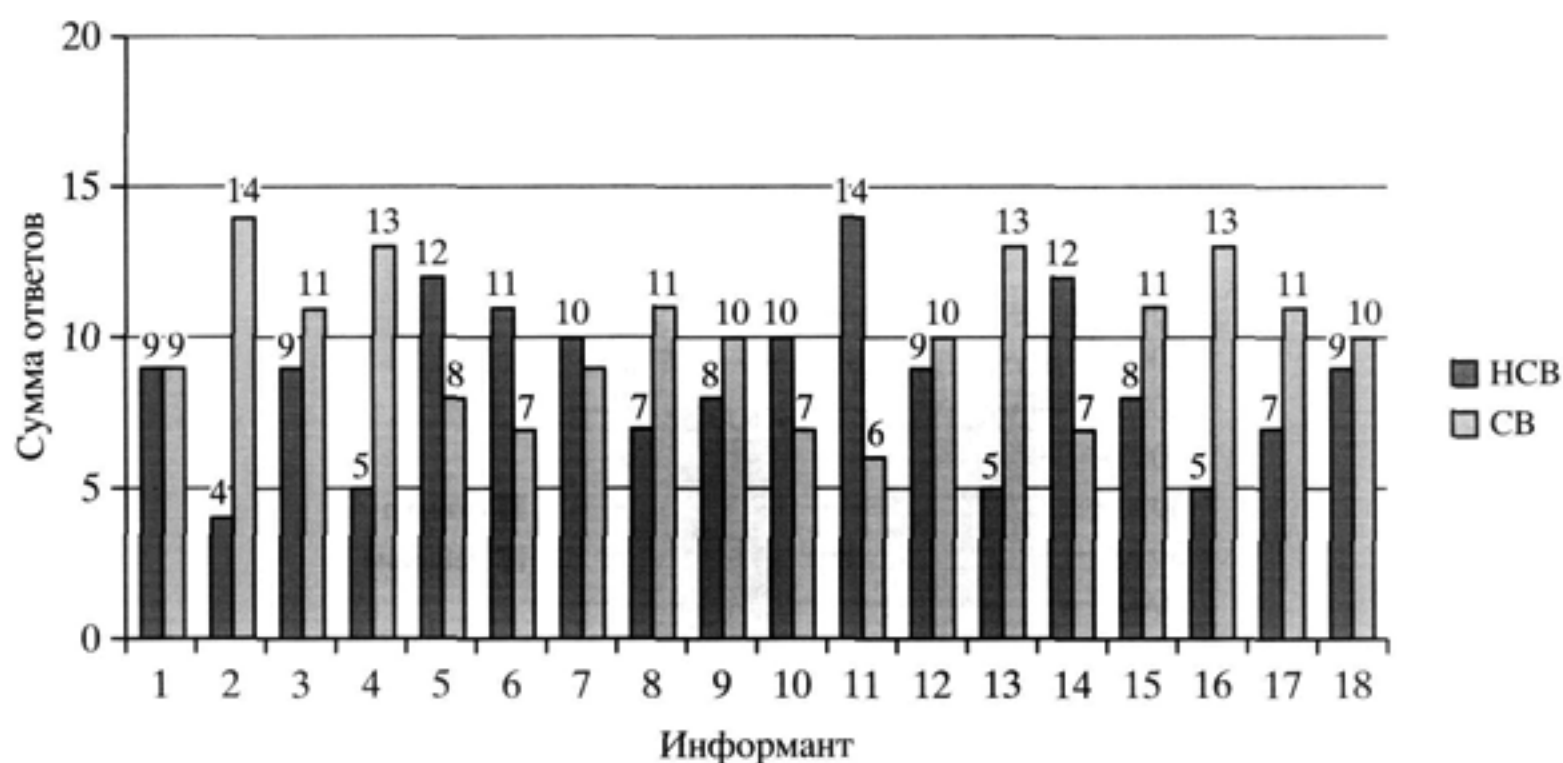
реакции примерно одинаково независимо от позиции определенного квантификатора, то в случае выбора совершенного вида глагола наблюдается явное влияние позиции квантификатора перед сказуемым или после него (7422,12 мс : 8692,75 мс). График 10 показывает, что среднее время реакции при выборе вида глагола колеблется в зависимости от позиции определенного квантификатора. Разница в длительности реакции между видами глагола возникает особенно в тех случаях, когда определенный квантификатор находится после сказуемого.

Обработка результатов с совершенным видом глагола является более сложным процессом, если определенный квантификатор стоит после сказуемого, а не перед ним. Если время реакции при выборе несовершенного вида глагола при смене позиции квантификатора не меняется, то разница в предложениях с совершенным видом глагола является более, чем значительной.

4.2.3. Распределение выбора видов глагола и времени реакции по информантам

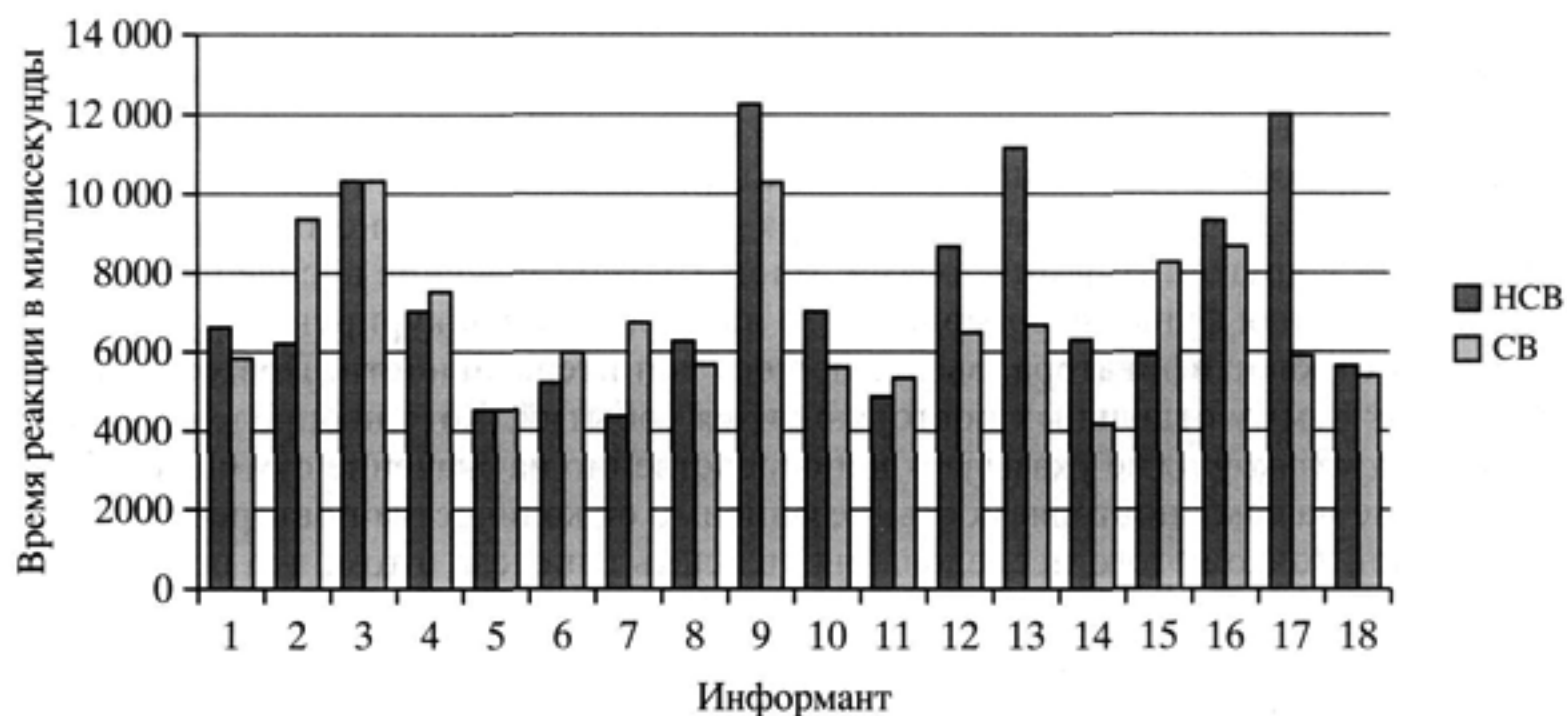
Информанты в своем большинстве (56 %) предпочитали совершенный вид глагола, некоторые информанты (27 %, шесть человек) чаще выбирали несовершенный вид, и только один информант распределил свои ответы равномерно на оба вида глагола (см. график 11).

Что касается времени реакции, то в этом случае существует значительная разница между несовершенным и совершенным видом. Тем информантам, которые выбирали совершенный вид глагола чаще несовершенного вида, понадобилось больше времени

График 11. Распределение выбранных информантами видов глагола в контекстах с определенным квантификатором

График 12. Среднее время реакции в зависимости от вида глагола

на выбор несовершенного вида глагола, чем совершенного. Если предпочитался несовершенный вид, время реакции было примерно одинаковым между обоими видами (см. график 12).

Данные эксперимента показывают, что позиция определенного квантификатора влияет на обработку итеративных контекстов. Совершенный вид глагола выбирается намного чаще несовершенного, если квантификатор находится после сказуемого. Если же квантификатор стоит перед сказуемым, то такого различия между обоими видами глагола не существует. Принимая во внимание время реакции, мы видим, что выбор глагола совершенного вида в контекстах с определенным квантификатором всегда требует большего времени реакции по сравнению с выбором несовершенного вида глагола. В то время как длительность реакции при выборе несовершенного вида глагола не зависит от позиции определенного квантификатора, время реакции при выборе совершенного вида глагола увеличивается в контекстах, где определенный квантификатор находится после сказуемого. Эти данные сходны с результатом анализа предложений с неопределенным квантификатором *несколько раз*.

5. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДАННЫХ: РАЗЛИЧИЯ И СХОДСТВО МЕЖДУ ОБОИМИ ТИПАМИ КВАНТИФИКАТОРОВ

5.1. Выбор вида глагола

При анализе данных эксперимента по обоим типам квантификаторов (см. графики 3 и 8) бросается в глаза, что распределение видов глагола в данных контекстах является неравномерным. В контекстах с неопределенным квантификатором чаще выбирается несовершенный вид, независимо от позиции квантификатора перед глаголом или после него. В примерах с определенными квантификаторами позиция квантификатора играет значительную роль при выборе вида глагола. Если в позиции перед глаголом и совершенный, и несовершенный вид распределяются относительно равномерно, то в контекстах, где определенный квантификатор находится после глагола, численность глаголов совершенного вида значительно повышается и в итоге даже превосходит численность глаголов несовершенного вида. Таким образом, определенный квантификатор оказывает более интенсивное влияние на выбор совершенного вида глагола, чем на выбор несовершенного вида. Этот результат подтверждает нашу гипотезу о том, что численность глаголов совершенного вида увеличивается в контекстах с определенными квантификаторами. Другая гипотеза, наоборот, не подтверждается. В тех контекстах, где квантификатор находится перед глаголом, особого роста численности глаголов со-

вершенного вида не наблюдается. Этот процесс имеет место только в контекстах, в которых квантификатор находится в позиции после глагола. При анализе суммарной функции глагола в том или ином контексте в центре информационной структуры оказывается – вопреки гипотезе – не квантификатор, а глагол, т. е. определенное действие. Данные показывают, что тип квантификатора и выбор того или иного вида глагола коррелируют друг с другом. Иными словами, многократное значение несовершенного вида глагола и суммарная функция совершенного вида глагола конкурируют друг с другом в зависимости от квантификатора, выражающего тип итеративности. Повторяемость мы понимаем как сумму отдельных повторяющихся событий. Хотя неопределенный квантификатор *несколько раз* не указывает непосредственно на значение суммы, он фокусирует внимание на саму повторяемость, независимо от количества повторений.

Отправной точкой этого исследования являлась гипотеза о том, что предваряющая позиция квантификатора чаще вызывает суммарную функцию потому, что основная информация выражения направлена на повторяемость. Результаты эксперимента, напротив, однозначно показывают, что совершенный вид глагола предпочитается в выражениях, в которых квантификатор стоит после сказуемого. При этом в центре внимания находится отдельное событие: каждое его повторение причисляется к сумме событий, выражаемой совершенным видом глагола в суммарной функции. Позиция квантификатора влияет на выбор вида глагола, но не таким образом, как ожидалось. Этот неожиданный результат можно объяснить следующим образом: обработка итеративности проходит в двух направлениях. Во-первых, обрабатывается повторяемость (требуя несовершенного вида), во-вторых, тип повторения. Неисчисляемая повторяемость (*несколько раз*) выражается несовершенным видом глагола, исчисляемая повторяемость (*два раза* и т. д.) разрешает выбор совершенного вида, что связано с его суммарной функцией⁷. Дальнейшие импульсы для анализа возникают при рассмотрении времени реакции при выборе вида глагола.

5.2. Время реакции

Возможный ответ на вопрос о специфике обработки видов глагола в итеративных контекстах может дать сравнение контекстов с разными квантификаторами. В дальнейшем рассматриваются уже представленные выше графики 4 и 9.

В выражениях с квантификатором *несколько раз* в его позиции до и после глагола время реакции у р е ш е н и я значительно отличается от времени реакции при первичном прочтении предложения (с т и м у л). Эта разница заметна в позициях квантификатора и перед глаголом, и после него. В выражениях с определенными квантификаторами эта разница между с т и м у л о м и р е ш е н и е м проявляется только тогда, когда определенный квантификатор находится после глагола. В его позиции перед глаголом время реакции сходно в обоих случаях. Одним из возможных объяснений ускоренной обработки информации может, во-первых, служить тот факт, что итеративность автоматически подчеркивается определенным квантификатором. Во-вторых, наличие определенного квантификатора в предложении подталкивает информантов к интуитивному выбору как многократного значения несовершенного вида, так и суммарного значения совершенного вида глагола, которые могут свободно заменять друг друга (см. график 7). Выбор того или иного вида глагола, очевидно, не влияет на семантику выражения.

При выборе вида глагола в категории р е ш е н и е больше времени уходит на обработку предложений с неопределенным квантификатором. Позиция квантификатора не влияет на результат. В случае с определенным квантификатором влияет на решение только его позиция после сказуемого. Во-первых, это означает, что когда речь идет о не-

⁷ Это можно аргументировать и тем, что в прошедшем времени совершенный вид в первую очередь используется для описания ряда событий, тогда как итеративность влияет на вид меньше, чем этот фактор. Однако этому противоречит тот факт, что несовершенный вид глагола преобладает во всех предложениях.

определенной итеративности, глагольный вид не зависит от позиции квантификатора. Во-вторых, это указывает на то, что глагольный вид в итеративных контекстах, выражаемых определенным квантификатором, быстрее и легче выбирается в тех предложениях, где определенный квантификатор находится перед глаголом, а не после него.

В дальнейшем рассматривается изменение времени реакции в зависимости от квантификаторов, от их позиции и от выбранных видов глагола (см. графики 4 и 9). Квантификатор *несколько раз* (в обеих позициях) требует более длительного времени реакции при выборе совершенного вида глагола. При выборе несовершенного вида данные являются примерно одинаковыми для обеих позиций квантификатора. Максимальное время реакции измеряется при совершенном виде глагола, когда квантификатор стоит после сказуемого.

Сравнивая время реакции при выборе вида глагола в зависимости от типа квантификатора (см. графики 4 и 9), мы видим, что пропорции между временем реакции в зависимости от позиции данного квантификатора демонстрируют сходство. Это свидетельствует о том, что при обработке вида глагола в итеративных контекстах позиция квантификатора важнее, чем его тип. Позиция квантификатора влияет только на обработку совершенного вида глагола.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, мы констатируем, что в повторяющихся высказываниях, как и ожидалось, предпочитается несовершенный вид. Определенные и неопределенные квантификаторы влияют на выбор вида глагола в том отношении, что численность выбранных совершенных глагольных форм значительно возрастает в контекстах, где определенный квантификатор определяет способ итеративности.

Аргументы, приведенные выше, а также результаты нашего исследования свидетельствуют о важной взаимосвязи между позицией квантификатора и выбором вида глагола. В случае, когда квантификатор находится после сказуемого, совершенный вид вызывает у испытуемых больше трудностей, чем тогда, когда квантификатор стоит перед сказуемым. Это указывает на повышенную сложность при обработке совершенного вида глагола. Тип квантификатора не влияет на выбор совершенного вида глагола, а лишь играет роль при принятии решения в пользу того или иного вида глагола. Определенный квантификатор влечет за собой семантическую интерпретацию высказывания как сумму отдельных событий, выраженную совершенным видом глагола.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко 1971 – *А.В. Бондарко*. Вид и время русского глагола. М., 1971.
Зализняк, Шмелев 1997 – *А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев*. Лекции по русской аспектологии. Мюнхен, 1997.
Князев 1989 – *Ю.П. Князев*. Выражение повторяемости действия в русском и других славянских языках // *В.С. Храковский* (ред.). Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
Маслов 1984 – *Ю.С. Маслов*. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.
Петрухина 1983 – *Е.В. Петрухина*. Функционирование презентных форм глаголов совершенного и несовершенного вида (с точки зрения взаимодействия грамматических категорий вида и времени) в чешском языке в сопоставлении с русским // *V. Hrabě, A.G. Širokova* (red.). Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. II. Praha, 1983.
Храковский (ред.) 1989 – *В.С. Храковский* (ред.). Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
Шатуновский 2009 – *И.Б. Шатуновский*. Проблемы русского вида. М., 2009.
Belaïa 1996 – *E. Belaïa*. Quantification et aspect du verbe en Russe. Les quantificateurs du verbe ont-ils une influence sur le choix de l'aspect? Lille, 1996.
Dickey 2000 – *S.M. Dickey*. Parameters of Slavic aspect. Stanford, 2000.
Dübbers 2011 – *V. Dübbers*. Verbalaspekt bei Iterativität im Tschechischen. Ein Beispiel für die innerslavische und einzelsprachliche Variation des Aspekts // *K.B. Karl et al.* (Hrsg.). Beiträge der

Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV). Bd. 14. München, 2011. (Die Welt der Slaven. Sammelbände / Сборники. 43.)

Gehrke 2002 – *B. Gehrke*. Systemhafte Unterschiede im Aspektgebrauch zwischen dem Russischen und dem Tschechischen. Unveröffentlichte Magisterarbeit. Berlin, 2002.

Mehlig 1982 – *H.R. Mehlig*. Verbal aspekt und Iteration im Russischen // W. Girke (ed.). Slavistische Linguistik 1981. München, 1982. (Slavistische Beiträge, 160.)

Lehmann 1994 – *V. Lehmann*. Episodizität // H.R. Mehlig (Hrsg.). Slavistische Linguistik 1993. München, 1994.

Schwall 1991 – *U. Schwall*. Aspektualität. Eine semantisch-funktionelle Kategorie. Tübingen, 1991.

Сведения об авторе:

Аня Гаттнар (Anja Gattnar)

Университет Тюбинген (Universität Tübingen)

anja.gattnar@uni-tuebingen.de

Статья поступила в редакцию 17.07.2012

© 2013 г. Е.Н. НИКИТИНА

СУБЪЕКТНЫЕ НУЛИ И ПЕРЦЕПТИВНЫЙ МОДУС

(к вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке)*

Данная работа посвящена анализу такого традиционного объекта русистики, как неопределенно-личные предложения, в связи с семантическими (понятийными) категориями определенности-неопределенности и эвиденциальности (содержанием которой является ссылка на источник информации и, как следствие, степень достоверности информации). В статье показана связь между конкретными эвиденциальными значениями, типами модусов и ролями говорящего. Неопределенность (неизвестность агенса) и недостоверность (в отсутствие зрительности) как частные значения названных категорий могут пересекаться в условиях перцептивного модуса (роль говорящего – наблюдатель). Взаимодействие семантики неопределенности и недостоверности рассмотрено на примере неопределенно-личных предложений (и функционально и семантически близких конструкций – глагольных безличных предложений) в текстовых фрагментах разной жанровой принадлежности.

Ключевые слова: диктум, модус, неопределенно-личное предложение, безличное предложение, слуховая перцепция, неопределенность субъекта, наблюдатель, смежное пространство

The article studies Russian indefinite-personal and impersonal sentences in their relation to the categories of definiteness/indefiniteness and evidentiality. The author shows a relation between evidential meanings, types of modus and roles of speaker. The concrete meanings of the mentioned categories (indefiniteness of agent and unavailability of visual perception) can semantically intersect in the perceptive modus (speaker as observer). Semantic interaction between indefiniteness and unreliability of sensor perception is analyzed within text of different genres.

Keywords: dictum, modus, indefinite-personal and impersonal sentences, audio-perception, indefinite agent, observer, adjacent area

СУБЪЕКТНЫЕ НУЛИ

В отношении традиционных односоставных предложений – неопределенно-личных и безличных (*Улицу засыпали песком – Улицу засыпало песком*) – со времени работы [Мельчук 1974] принято говорить о субъектной позиции и о нулевом субъекте с семантикой личности / стихийной природной силы. Эта традиция поддерживается в работах [Булыгина 1990; Булыгина, Шмелев 1997; Падучева 2012]. Понятие синтаксического нуля использует в своих работах Н.К. Онипенко, которая понимает его расширительно. Н.К. Онипенко разделила синтаксические нули по характеру синтаксической позиции [Онипенко 2011]. Из них нас будут интересовать нули в именительном падеже в составе простого предложения – в предложениях неопределенно-личных и неопределенно-предметных. Предложения неопределенно-личные организованы предикатом в форме 3-го л. мн. ч. наст.-буд. вр. / мн. ч. прош. вр., применительно к ним принято говорить о синтаксическом нуле $0_{3\text{мн}}$. Неопределенно-предметные предложения выделяются в качестве модификационного варианта основной двусоставной модели предложения в концепции коммуникативной грамматики: «Опущение, неназванность субъекта... в силу избыточности либо... по незнанию... создает модификацию с неопределенно-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 12-04-12064).

предметным значением. Если для неопределенно-личных модификаций характерна глагольная форма 3-го лица множественного числа, то для неопределенно-предметных – 3-го лица единственного числа (среднего рода в прош. времени)», см. [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 116]. Ср.: *Кто-то стучит. – Стучат. Стучали; Что-то стучит. – Стучит. Стучало.*

ТИПЫ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННОСТИ И ТИПЫ МОДУСОВ

Как известно, начало разработки категории эвиденциальности (засвидетельствованности) в лингвистической литературе связано в рамках американистики с именем Ф. Боаса (работа 1911 г.), а широкую известность эвиденциальная проблематика и терминология приобретают благодаря работе Р.О. Якобсона [Якобсон 1972], в которой категория эвиденциальности исследовалась на материале болгарского языка (подробный обзор работ по эвиденциальности см. в [Плунгян 2000; Козинцева 2007б]). Р.О. Якобсон [Якобсон 1972] разграничил разные типы сообщения о событиях на разных основаниях, на которые опирается говорящий при сообщении: сообщение другого лица (цитация), сон (откровение), догадка (предположительность), собственный опыт (память). Тем самым значения засвидетельствованности, о которых говорит Р.О. Якобсон, помещаются в рамках ментальных модусов. В современной лингвистике с привлечением материала все новых языков основной водораздел между разными типами засвидетельствованности пролегает между указанием на то, являлся ли говорящий свидетелем сообщаемого факта или нет; если да, то какой перцептивный канал был задействован. Тем самым проблематика источника информации оказывается связана не только с ментальными, но и с перцептивным модусом.

Типом модуса, следовательно, обуславливается эвиденциальная характеристика: прямая / косвенная, непосредственная / опосредованная засвидетельствованность. Базой прямой засвидетельствованности является соединенность модуса речи и модуса восприятия (обычно по зрительному каналу) в одном субъекте – при (возможном) временном расхождении этих модусов: переход от (зрительного) наблюдения к речи. В основе опосредованной засвидетельствованности – наличие двух разных субъектов речи и двух разных фактов речи, разделенных временем: переход от (чужой) речи к (своей) речи¹.

В духе традиций Ш. Балли Н.Д. Арутюнова дает такую характеристику модуса: это «постоянный партнер пропозиции (диктума)» [Арутюнова 1988: 106]. Тип модуса отражает позицию говорящего по отношению к сообщаемому (диктуму). Н.Д. Арутюнова представляет классификацию типов модусов: «Значения распределены по следующим основным планам: перцептивному (сенсорному), ментальному (когнитивному, эпистемическому), эмотивному и волеизъявительному (волитивному)» [Там же: 109]. В плане соотнесенности модусов и типов засвидетельствованности особо важны модусы следующих планов: сенсорного, которому принадлежат модусы чувственного восприятия; ментального – полагание (мнение), сомнение и допущение, истинностная оценка, незнание, общая аксиологическая оценка (модусная терминология принадлежит Н.Д. Арутюновой).

Термин «модус» используется в концепции коммуникативной грамматики. Перцептивный модус был дифференцирован в зависимости от типа канала. Восприятие посредством зрительного канала получило название о б щ е п е р ц е п т и в н о г о модуса (к нему принадлежит лексика, связанная с положением в пространстве, цветом, формой предмета и т. п.). Остальные виды перцепции (слух, вкус, обоняние, тактильное ощущение), не столь существенные и частотные, были названы ч а с т н о п е р ц е п т и в н ы м модусом [Сидорова 2001]. К частноперцептивному модусу принадлежит лексика данных каналов, а также зрительная лексика с частными, узкими

¹ В современных исследованиях по эвиденциальности авторы обращают внимание на семантическую связанность этой категории с эпистемической модальностью [Плунгян 2000; Козинцева 2007б], что дает авторам основание помещать категорию эвиденциальности в «глагольную семантическую зону» модальности и наклонения [Плунгян 2000].

значениями (*искриться, сверкать* и т.п.). Для данной работы наиболее важно аудионаблюдение как вариант частноперецептивного модуса.

Применительно к русскому языку принято выделять следующие способы вербализации модусов: так называемые рамочные предикаты разной семантики (*знаю / известно / говорят, что...; думаю, считаю, полагаю, что... и др.*), вводные слова (*возможно, наверное, конечно, должно быть* и др.) и частицы (*вряд ли, де, мол* и др.). Перецептивными модусными прототипическими предикатами являются такие: (*было*) *видно, как...* – для общеперецептивного модуса, (*было*) *слышно, как...* – для частноперецептивного модуса. В этом плане интересна работа [Кириллова, Примова 1988], в которой в рамках морфосинтаксического подхода (так называемые структурные схемы предложения) собраны средства выражения зрительного и слухового канала в русском языке.

Те языковые средства, которые Н.Д. Арутюнова рассматривала в связи с передачей модусов, обсуждаются и в связи с выражением эвиденциальных значений в русском языке [Козинцева 2007а; Полянский 2001], в котором эвиденциальность, как известно, не категоризована в системе специализированных морфем. Говоря об отсутствии грамматикализации засвидетельствованности, Н.А. Козинцева называет такие языки, как русский, английский, немецкий, французский, в которых при необходимости значения категории эвиденциальности «передаются синтаксически и лексически» [Козинцева 2007б: 14]. В исследовании Н.А. Козинцевой, посвященном косвенному источнику информации в русском языке, приводятся такие средства его выражения²: авторизованные предикаты, главное предложение в составе сложноподчиненных предложений с придаточным изъяснительным, вводные слова, модальные речевые частицы.

Категория эвиденциальности для языков с неморфологизированной эвиденциальностью противопоставляется категории таксиса в рамках сложноподчиненного предложения [Полянский 2001]. Опираясь на разграничение модусных и диктальных предикатов, С.М. Полянский интерпретирует межпредикативные отношения в разных типах сложноподчиненных предложений в связи с эвиденциальностью и таксисом. С.М. Полянский показал временной характер отношений между частями в предложениях с обстоятельственными придаточными (таксис) и отсутствие временных отношений в предложениях с придаточными изъяснительными (эвиденциальность), главное предложение которых вместе с подчинительным союзом и является модусным предикатом (модусной рамкой)³. Тем самым можно сделать вывод, что эвиденциальные значения в русском языке выражаются в высказывании только с вербализованным модусом.

Соединение типологии модусов с типологией засвидетельствованности может дать новые подходы к интерпретации роли говорящего в предикатах со встроенной семой личного субъекта (см., например, «нетривиальный наблюдатель» Ю.Д. Апресяна). Опора на такие семантически различные типы засвидетельствованности, как прямая и косвенная, непосредственная и опосредованная засвидетельствованность (см. [Плунгян 2000: 322–323]), позволяет уточнить роль **говорящего**⁴, который выступает носи-

² Возможно, впервые о связи синтаксической конструкции с категорией эвиденциальности писала Г.А. Золотова: «Можно утверждать, что в отличие от языка американских индейцев..., в которых классификация по источникам осведомления выражается с помощью специальных глагольных форм, в русском языке... существует для выражения источника знания... обширная разработанная, но недостаточно изученная система синтаксических средств. Суть ее в том, что разнообразными, но вполне поддающимися описанию способами в предложение, содержащее ту или иную информацию об объективной действительности, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, «автора» восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия» [Золотова 1973: 263].

³ Другим подходом к разграничению диктума / модуса в связи со сложноподчиненными изъяснительными предложениями – уже вне связи с категорией эвиденциальности – можно считать интерпретацию «метатекста» в «тексте» в известной работе А. Вежбицкой [Вежбицка 1978].

⁴ Ср. с типологией ипостасей говорящего Е.В. Падучевой: 1) говорящий как субъект дейксиса; 2) говорящий как субъект речи; 3) говорящий как субъект сознания; 4) говорящий как субъект восприятия (см. [Падучева 1996: 262]).

телем того или иного модуса: (1) наблюдатель (перцептор), свидетель события; (2) субъект мнения, основывающийся либо на наблюдении «следов» события, по которым он судит о самом факте события, либо на ментальной информации; (3) субъект знания, получающий информацию о событии через других лиц. Первой роли говорящего соответствует прямая (непосредственная) засвидетельствованность, второй роли – косвенная (непосредственная) засвидетельствованность, третьей роли – косвенная (опосредованная) засвидетельствованность.

В связи с предложенной выше соотносительностью типов модусов и типов засвидетельствованности имеет смысл рассмотреть интерпретацию модусного глагола *выглядеть*. Интересно, что сема «личного субъекта» в глаголе *выглядеть*, обнаруживающая позицию говорящего и интерпретируемая Е.В. Падучевой [Падучева 2007] как «наблюдатель», при таком дифференцированном подходе к типам модусов оказывается не наблюдателем, а, скорее, субъектом мнения, которое, возможно (но не обязательно), базируется на зрительном впечатлении, ср.: *Маша выглядела странно* (суждение на основании наблюдения за одеждой, поведением и т. п.) – *Это мнение выглядело странно* (суждение на основании ментальной оценки).

МОДУС И КОММУНИКАТИВНЫЙ РЕГИСТР

Если в речевом режиме⁵ модус принадлежит говорящему, то в художественном тексте, в нарративе в форме 3-го лица, на модус при воплощении внутренней точки зрения⁶ в одинаковой мере **начинают претендовать автор и герой** (в частности, во фрагментах, обусловленных перцептивным модусом, функцию говорящего выполняет автор, наблюдение делится между автором и героем) – речь идет о так называемой зоне «субъекта сознания»⁷ в рамках субъектной перспективы (см. раздел в [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 229–251]). Субъекта сознания в коммуникативной грамматике называют владельцем модуса и характеризуют по типу модуса – субъект знания, субъект мнения, субъект-наблюдатель.

Текстовый фрагмент в рамках художественного текста, в котором выражается определенный тип модуса и который обнаруживает определенного носителя этого модуса, в концепции коммуникативной грамматики принято соотносить с понятием коммуникативного регистра речи. Ср. определение Н.К. Онипенко: «Регистр – это растворенный в тексте модус». О типах регистров, т. е. о типах пространственно-временной позиции модусного субъекта, подробно см. в [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 28–35]; в коммуникативном регистре воплощается семантика модусного предиката (даже если он не вербализован).

Перцептивному, или сенсорному, модусу соответствует репродуктивный регистр, в котором моделируется ситуация совпадения времени действия, наблюдения и речи. Ситуация, воплощенная в репродуктивном текстовом фрагменте, предстает таким образом, как будто воспринимается посредством сенсорных каналов: *Она села. Он слышал ее тяжелое, громкое дыхание, (и ему было невыразимо жаль ее)* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина).

ПЕРЦЕПТИВНЫЙ МОДУС И ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

Максимальная степень определенности (конкретности) времени и пространства, а тем самым и высшая степень достоверности, обусловлена (зрительной) сенсорикой наблюдающего Я и его пространственно-временными координатами здесь и сейчас. Этому типу модуса и типу засвидетельствованности соответствует в рамках художествен-

⁵ О режимах интерпретации подробно см. [Падучева 1996].

⁶ О внешней и внутренней точке зрения см. [Успенский 2000].

⁷ Термин Е.В. Падучевой здесь употребляется неканонически – он обозначает владельца любого модуса (наблюдение, знание, мнение).

ного нарратива репродуктивный регистр, который создает условия для воспроизводства реальности по законам самой реальности (в чем обнаруживается связь с философией позитивизма, базирующегося на эмпирике); с таким типом изображения связаны классицизм (три единства – места, пространства и действия) и реализм (классицистические три единства находят выражение в репродуктивном регистре).

Степень определенности (конкретности) пространства-времени в разных видах искусств обсуждалась в классической работе Б.А. Успенского [Успенский 2000: 131–137]. Было показано, что словесные жанры располагают способностью перекодировки пространственного параметра во временной в силу своих имманентных свойств, а именно в силу представления пространства временной последовательностью: производство словесного произведения (речь, письмо) и восприятие (слушание, чтение) протекают во времени. Отсюда вопрос о степени конкретности элементов пространства (героев) в словесном произведении (нос майора Ковалева, кот Бегемот Булгакова), а тем самым «зрительно-объемного» (Ю.М. Лотман) представления их. В этой связи любопытно, что проблема «зрительно-объемного» воображения элементов пространства возникает в нереалистическом искусстве. (Но именно сам характер литературы как временного искусства, лишенного пространственного воплощения, и позволяет изображение «непредставимого».) Нас же будет интересовать вопрос о степени конкретности (определенности) элементов внешнего, воспринимаемого перцептивно пространства не в плане поэтики, а в плане грамматики – в речевом режиме и в нарративном режиме (в рамках реалистического изображения, в перцептивном модусе, в репродуктивном регистре).

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В рамках перцептивного модуса предложения, организованные неопределенно-личными предикатами с звуковой семьей⁸ (типа *В дверь постучали*), передают соединенность наблюдения и речи в условиях отсутствия зрительного канала (наблюдение по слуховому каналу), что делает этот тип информации похожим на вариант «от речи к речи», в связи с чем снижается «эвиденциальный статус», информационная значимость этих предложений – ср. с поговорками *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*; *Слышал звон, да не знаешь, где он*. Ср. житийную литературу о духовно-мистических визионерских опытах (посещения Богородицы, ангелов, бесов), которые могли быть признаны таковыми лишь в случае **зрительного** восприятия. В рамках категоризованной эвиденциальности ср. также **аудитивное** наклонение в финно-угорских языках, **заглазность**, **неочевидность** в тюркских языках – названия терминов держатся на отрицании зрительности. В.А. Плунгян интерпретирует этот тип получения информации как «прямую не-зрительную сенсорную информацию» [Плунгян 2000: 324], Н.А. Козинцева – как косвенное свидетельство [Козинцева 2007б: 16]. Очевидно, что не-зрительные каналы должны занимать промежуточное место в иерархии эвиденциальных статусов: данные языков разного строя показывают высокий ранг именно зрительного восприятия, остальные типы восприятия могут маркироваться как косвенное свидетельство.

В армянском языке это различие выражается употреблением форм времени: зримость – аорист, аудиоопыт – перфект, то же наблюдается и в языке вину, см. [Козинцева 2007б]. Тем самым маркировка канала получения информации в рамках категории эвиденциальности связана с использованием форм, развившихся в рамках категории времени. В частности, в турецком языке, по некоторым данным, при аудиоперцепции действия не следует употреблять перфект, а следует – аорист. Этот факт Н.А. Козинцева

⁸ См. в [Апресян 2005] о глаголах «со значением проявления свойства или процесса... Они идеально отвечают критерию “перцептивности”: в их значение входит указание на то, что данное свойство или процесс актуально воспринимается каким-то наблюдателем». В список перцептивных глаголов Ю.Д. Апресяна включаются глаголы *блистать*, *мелькать*, *греметь*, *лязгать*, *горчить*, *вонять* и др., которые охарактеризованы как частноперцептивные в работе [Сидорова 2001], которая основывается на материале [Падучева 1996].

объясняет близостью совершенного действия к моменту речи (аорист); форма перфекта отнесла бы это действие к неопределенному прошлому [Там же: 17].

В языках с категоризованной эвиденциальностью маркировка канала зрительного / незрительного нашла отображение в глагольных формах, базой для которых послужили разные значения в рамках категории времени – наличие / отсутствие дистанции между временем действия и временем речи. В русском же языке речь может идти о выражении дистанции пространственной, это смежное пространство (с точки зрения категории времени имеет место совпадение времени действия, наблюдения и речи). Ср. разграничение пространства деятеля и пространства наблюдателя в [Болдырев 2000] в связи с разными модификациями предложения: *Он подошел к двери и постучал* (пространство деятеля) – *В дверь постучали* (пространство наблюдателя).

Можно сказать, что в грамматике неопределенно-личных предложений решается тот же вопрос, который ставится в поэтике: степень конкретности действующих (диктальных) субъектов как элементов пространства. В поэтике «непредставимость» их с точки зрения читателя может быть связана с нереалистичностью, а в языковой категоризации «непредставимость» субъекта действия (его невербализованность, выраженность синтаксическим нулем) обусловлена отсутствием зрительности, его бытием в смежном по отношению к наблюдателю («субъекту сознания») пространстве: другое пространство – сфера бытия «других» по отношению к Я наблюдателя.

Анализируя материал неопределенно-личных предложений, надо сделать важное замечание о принципах интерпретации в современных исследованиях грамматических категорий и лексики, маркирующих Я. Их семантику принято рассматривать в связи с «режимом интерпретации»; исследователей интересует вопрос, обратима ли данная семантика при переходе от речевого режима (условий «первичного дейксиса» – Я здесь и сейчас момента речи) к нарративному режиму. В нарративном режиме создается субъектное пространство повествователя, которое можно назвать «сознанием» (на это «сознание» может претендовать и герой – так называемая внутренняя точка зрения); это сознание является точкой отсчета для повествуемого фиктивного мира и его пространственно-временных координат. Есть категории, частные значения которых меняются при переводе в «шаблон косвенной речи» (термин В.Н. Волошинова) и в художественном нарративе переподчиняются субъекту сознания. Классическим примером является граммема прошедшего времени: в речевом режиме она обозначает реальное прошедшее по отношению к моменту речи, в нарративном может означать актуальное настоящее (правильнее было бы сказать, что граммема прошедшего времени, часто совместно с граммемой 3-го лица, может породить актуальное сознание в рамках нарратива).

Применительно к выражению эвиденциальности в неопределенно-личных предложениях в речевом режиме можно говорить о том, что значения таких категорий и семантических компонентов, как (1) время, (2) «смежное пространство», (3) незнание, осмысляются через Я говорящего (в частности, время момента речи и момента наблюдения – настоящее), а в нарративе возможно их переподчинение субъекту сознания, соответственно прошедшее время может прочитываться как актуальное, смежное пространство «отсчитывается» от внутритекстового субъекта, незнание принадлежит ему же.

Далее рассматриваются неопределенно-личные предложения со звуковой семьей (А) в речевом режиме, (Б) в драме (соединяющей технику фиктивного мира с речевым режимом функционирования категорий) и (В) в нарративном режиме.

(А) В лингвистической литературе уже отмечалось, что реальную неопределенность субъекта действия выражают не все неопределенно-личные предложения. Неопределенность субъекта характерна для неопределенно-личных предложений с предикатами – глаголами со звуковой семьей [Тестелец 2001]: «Они могут обозначать воспринимаемые на слух действия, когда агенс говорящему не виден (Олюди *Бомбят*; Олюди *Шумят*; Олюди *Звонят*)». См. также в [Белошাপкова 1981: 448]: предложения типа *Звонят*, *Шумят*, *Стучат* «называют событие, которое происходит здесь и сейчас»; в [Булыгина, Шмелев 1997: 341]: неопределенность субъекта выражается, если

«предикат имеет конкретную временную локализацию (*Стучат, откройте*)». Как видим, характеристика данных предложений предполагает внимание как к диктуму, так и к субъекту модуса. Она должна включать указание (1) на семантику предиката (звуковая сема), (2) на тип модуса (перцептивный, частноперцептивный) и (3) на роль говорящего (наблюдатель). Тем самым обнаруживается референциальный статус субъекта действия (неопределенный) и тип засвидетельствованности. Все примеры выше даны в форме настоящего времени и без контекста – тем самым их можно отнести к речевому режиму: в условиях отсутствия лексических показателей итеративности и пространственного дейксиса форма настоящего времени имеет семантику настоящего актуального (т. е. прочитывается через время и пространство говорящего-наблюдателя)⁹.

При интерпретации примеров с точки зрения выражения эвиденциальности в речевом режиме бывает важно обратиться к внеязыковой ситуации. Так делает, например, Н.А. Козинцева, которая в квадратных скобках приводит характеристику ситуации речи, из которой следует анализируемый пример [Козинцева 2007а: 87]. Однако изучаемые примеры не всегда позволяют исследователю обратиться к внеязыковой ситуации, которая побуждает говорящего к выбору той или иной конструкции, граммемы. Если речь идет о родном языке, то реальный контекст возможно домыслить по высказыванию. Эта тактика представлена в [Тестелец 2001]: даны примеры типа *Бомбят*, указаны условия употребления таких предложений (см. выше), соотношенность высказывания и условий употребления подтверждается языковой компетенцией читателей.

Для реального восстановления внеязыковой ситуации, каузирующей ситуацию речи, в нашем случае – употребления неопределенно-личных предложений, организованных предикатами со звуковой семой, – опорой может послужить художественный текст, в котором содержится и высказывание, в котором реализованы исследуемые категории, и обрисовка внеязыковой ситуации, реакцией на которую является произносимое высказывание.

(Б) Рассмотрим примеры из драматических произведений¹⁰.

Петр, Иван и Григорий *сидят на ней*¹¹ и *спят, уткнувши головы один другому в плечо. В дверях с лестницы звенит громкий звонок. Лакеи пробуждаются.*

Григорий. Ступай, отвори дверь! *звонят!* (Гоголь. Лакейская)

Кочкарев. Да что же за беда? Ведь иным плевали несколько раз, ей-богу! Я знаю тоже одного: прекраснейший собой мужчина, румянец во всю щеку; до тех пор егозил и надоедал своему начальнику о прибавке жалованья, что тот наконец не вынес – плюнул в самое лицо, ей-богу! <...>

В сенях звонят.

Стучатся: кто-нибудь из них, верно; я бы не хотел теперь с ними встретиться. Нет ли у вас там другого выхода? (Гоголь. Женитьба)

Чебутыкин (*смеется*). А я в самом деле никогда ничего не делал. Как вышел из университета, так не ударил пальцем о палец, даже ни одной книжки не прочел, а читал только одни газеты... (*Вынимает из кармана другую газету.*) Вот... Знаю по газетам, что был, положим, Добролюбов, а что он там писал – не знаю... Бог его знает...

Слышно, как стучат в пол из нижнего этажа.

Вот... Зовут меня вниз, кто-то ко мне пришел. Сейчас приду... погодите... (*Торопливо уходит, расчесывая бороду.*) (Чехов. Три сестры).

Эти примеры обнаруживают сходство внеязыковой ситуации, обрисованной в рамках авторской ремарки, и сходство в реакции на нее героев. В авторской ремарке предложениями в настоящем времени назван звук, который слышат герои-наблюдатели (*звенит звонок, звонят, стучат*), и пространство-«источник звука» (выраженные пространственной или директивной синтаксемой – *в дверях с лестницы, в сенях, из нижнего этажа*). Затем дана словесная реакция героя-наблюдателя, наблюдаемое про-

⁹ Ср.: *Кошелек украли* – неизвестность субъекта действия в рамках модуса знания; в других случаях неопределенно-личные предложения могут быть приемом умолчания.

¹⁰ Этот прием – обращение к драматическому тексту – находим и у Н.А. Козинцевой, см. [Козинцева 2007а: 87, 89].

¹¹ На лестнице.

странство которого ограничено, – по законам речевого режима: настоящее время выражает семантику актуального времени, нулевые пространственные показатели в речи героя (пространство, в котором находится источник звука) осмысливаются относительно него: это смежное с ним пространство. Субъект речи выступает субъектом неполного (ограниченного) наблюдения, незнание наблюдателя выражается в форме неопределенно-личных предложений, указывающих на неизвестность агенса (*звонят, стучатся, зовут*). Любопытно, что ситуация незнания каузирует новую модусно-эвиденциальную роль героя – субъекта предположения, который домысливает причину звука (*кто-нибудь из них, верно – «звонит кто-то из женихов»; кто-то ко мне пришел*)¹².

Авторские ремарки в настоящем времени «неличны» и являются средством моделирования «вещественной» ситуации (преимущественно диктальные предикаты; пространство названо объективно, относительно помещения, в котором происходит действие, но не относительно какого-либо субъекта), эти ремарки не являются словом «в полной мере», собственно словом является реплика героя. Словесно автор и герой разведены – ср. с нарративом, где слово, соединяющее автора и героя, будет и сигналом моделируемой ситуации, и сигналом восприятия ее героем.

Обычно звук за сценой служит развитию сюжета, т. е. он «работает» на героев (субъектов диктума): звук мотивирует появление нового лица либо «отзывает» со сцены некоторого участника эпизода.

Чеховская драматургическая техника меняет роли в субъектной перспективе. Чехов выводит звук за пределы восприятия героев, делая основным перцептором зрителя (модусного субъекта)¹³ – ср., например, финальную сцену «Вишневого сада»: пьеса окончена, сюжет не развивается, героев на сцене нет. Зритель видит Фирса, лежащего в глубине сцены (умирающего или умершего), и только зритель (не Фирс) слышит звук, названный именованным (*звук*) и неопределенно-личным (*стучат*) предикатами в авторской ремарке:

Фирс (подходит к двери, трогает за ручку). Заперто. Уехали... (Садится на диван.) Про меня забыли... Ничего... я тут посижу... А Леонид Андреич, небось, шубы не надел, в пальто поехал... (Озабоченно вздыхает.) Я-то не поглядел... Молодо-зелено! (Бормочет что-то, чего понять нельзя.) Жизнь-то прошла, словно и не жил... (Ложится.) Я полежу... Силушки-то у тебя нету, ничего не осталось, ничего... Эх ты... недотёпа!.. (Лежит неподвижно.)

Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву.

Интересно, что в этой заключительной ремарке меняется статус авторского слова, оно становится личностным. В грамматическом плане это реализуется употреблением

¹² Движение от незнания (обусловленного особенностями ситуации наблюдения) к знанию может касаться и других вариантов опущения агенса, например, в предложениях с возвратными глаголами типа *Дверь открылась*; подробно см. в [Никитина 2008].

¹³ Это, конечно, не исключает и следования традиционной драматургической технике. См., например, «Три сестры» А.П. Чехова:

Натasha. Ты с Олей будешь в одной комнате, пока что, а твою комнату Бобику. Он такой милашка, сегодня я говорю ему: «Бобик, ты мой! Мой!» А он на меня смотрит своими глазеночками.

Звонок.

Должно быть, Ольга. Как она поздно!

Горничная подходит к Наташе и шепчет ей на ухо.

Протопопов? Какой чудак. Приехал Протопопов, зовет меня покататься с ним на тройке. (Смеется.) Какие странные эти мужчины...

Звонок.

Кто-то там пришел. Поехать разве на четверть часика прокатиться... (Горничной.) Скажи, сейчас.

Звонок.

Звонят... там Ольга, должно быть. (Уходит.)

эгоцентрических средств: номинации звука (диктальные предикаты, один из которых дан в сопровождении именной пространственной синтаксемы «смежного пространства»: *далеко в саду*) дважды сопровождаются модусными предикатами с нулем субъекта восприятия (*слышится, слышно, как...*); употребляются ограничительная частица *только*, сравнение, обнаруживающее субъекта ментального модуса, пространственный показатель *далеко*, который «отсчитывается» от субъекта речи. Использование эгоцентрических средств характерно скорее для нарратива при создании внутренней точки зрения, соединяющей автора и героя (а с ними и читателя¹⁴); но в финальной сцене «Вишневого сада» претендовать на роль субъекта восприятия и ментальности могут только автор и читатель, что сближает финал пьесы с поэтической, лирической формой.

(В) Употребление предикатов с звуковой семой в неопределенно-личных предложениях характерно для нарратива – в условиях, когда наблюдатель находится в пространстве, смежном по отношению к пространству, в котором происходит действие. Текстовые фрагменты позволяют установить субъекта наблюдения (обычно внутритекстового, героя) – того, кому принадлежит незнание. Само употребление неопределенно-личных предложений в этих текстовых условиях является и средством создания наблюдаемой обстановки, и маркировкой наблюдательного пункта, и сигналом ограниченности пространственной позиции наблюдателя, что имеет следствием неизвестность агенса и низкий эвиденциальный статус наблюдаемого. Незнание, выраженное в рамках неопределенно-личного предложения, обнаруживает носителя незнания – субъекта сознания, что делает повествуемый мир достовернее для читателя. Ср. с драматическим жанром, в котором слово автора и слово героя разделены, достоверность героя для читателя обусловлена его бытием на сцене, речью и действиями (т. е. наблюдением самого зрителя, читателя). См. литературные примеры ниже (многие из них взяты из [НКРЯ]). «Пространство агенса», т. е. смежное пространство, названо именными синтаксемами соответствующей семантики (выделено в тексте примеров курсивом и разрядкой). Смежность иногда заявлена прямо, лексически – прилагательным «соседний», директивной синтаксемой с дейктическим компонентом пространственной смежности в семантике предлога:

А затем был какой-то мутный бред. Он не то спал, не то просто валялся в забытьи и в жару. А когда уж окончательно проснулся, было полное утро: светло, солнечно, птицы поют вовсю. *В соседней комнате разговаривали и смеялись.* Потапов что-то резко, но тихо выговаривал Зыбину [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1].

В данном примере наблюдатель назван личным местоимением *он*.

См. еще пример (Я наблюдателя включено в состав *мы*):

Мы продолжали стоять за спиной Белого Леши, глядя, как он отхлебывает из кружки, наклоня стриженую голову к столу. ... – Хватит вам и Милки, – сказал Леша Белый властно. Стало понятно, что он тут главный. – А если не хватит? – неуверенно *возразили из-за стенки* и вдруг заорали в два голоса... [А. Приставкин. Вагончик мой дальний]

В следующем примере наблюдатели Гопнер и Фуфаев, директив *из дверей зала* и *локатив в зале* указывают на смежное по отношению к ним пространство:

---

¹⁴ Интересно, что режиссеры-создатели МХТ, которые в нашем сознании соединены с именем Чехова как интерпретаторы, наиболее точно воплотившие замысел автора, известны тем, что в своих постановках Чехова создавали на сцене «атмосферу» (с помощью особого звукового сопровождения, не связанного с ходом сюжета). Понятно, что «адресатом» атмосферы был зрительный зал, известны восхищенные отзывы современников. Однако сам Чехов возражал против «бытового» звука на сцене в ущерб условно-символической стороне дела; в мемуарах современников сообщается о таком высказывании Чехова: «в следующей пьесе я сделаю ремарку: действие происходит в стране, где нет ни комаров, ни сверчков, ни других насекомых, мешающих людям разговаривать».

Из дверей зала горсовета, где должно быть партсобрание, дул воздух, как из вентилятора. Слесарь Гопнер держал ладонь навстречу воздуху и говорил товарищу Фуфаеву, что здесь две атмосферы давления...

В зале зазвонили о начале собрания.

– Пойдем порассуждаем маленько, – сказал Гопнер Дванову. – Мы теперь с тобой ведь не объекты, а субъекты, будь они прокляты: говорю и сам своего почета не понимаю! [А.П. Платонов. Чехенгур]

Если пространство «диктумное», внешнее по отношению к наблюдателю, сенсорно воспринимаемое, лексически выражается в рамках неопределенно-личной конструкции (пространственные и директивные синтаксемы являются метонимическим обозначением неизвестного субъекта действия), то пространство наблюдателя, «модусное», обычно не представлено словом (по закону «вторичного дейксиса», внутренней точки зрения). Пространство наблюдателя обозначается в текстовом фрагменте словом тогда, когда позиция наблюдателя обусловлена динамикой (перемещением), т. е. пространство является для наблюдателя новым (выделено разрядкой в примере):

В доме Шуминых только что кончилась всенощная, которую заказывала бабушка Марфа Михайловна, и теперь Наде – она вышла в сад на минутку – видно было... Из подвального этажа, где была кухня, в открытое окно слышно было, как там *спешили*, как *стучали* ножами, как *хлопали* дверью на блоке; пахло жареной индейкой и маринованными вишнями (Чехов. Невеста).

В следующем художественном примере искусно соединяются две семантические возможности неопределенно-личных предложений: (1) и идея смежного пространства и невидимого агенса, (2) и отчуждение между наблюдателем и агенсом (ср. с классическим *Его не видят, с ним ни слова* – Пушкин. Евгений Онегин):

Миг – и Софья Петровна была у столика; но едва она дотронулась до чужого письма, как там за стеной поднялся яростный шепот; постель скрипнула.

– «Что вы это?»

Из-за стенки ответили ей:

– «Ничего... так себе» (Белый. Петербург).

Точка зрения во фрагменте принадлежит Софье Петровне Лихутиной, с ее точки зрения средствами неопределенно-личного предложения представлено действие мужа (*ответили ей*), с которым она находится в ссоре.

В неопределенно-личных предложениях звуковая семантика может оживляться даже в глаголах, не имеющих ее в толковании («проявления по Ю.Д. Апресяну»); в данном случае – глагол *вставить* в присутствии модусного предиката *услышал* (роль наблюдателя принадлежит собаке Биму):

Вскоре он услышал: ключ *вставили* в скважину, замок шелкнул, дверь открылась, в прихожей заговорили, затем вошла Степановна, а за нею трое чужих в белых халатах – две женщины и мужчина. От них пахло не так, как от других людей, а скорее тем ящичком, что висит на стене, который хозяин открывал только тогда, когда говорил: «Худо мне, Бим, худо, плохо» (Тропольский. Белый Бим, Черное ухо).

В отсутствие модусной рамки маркером слухового канала являются только **диктальные** предикаты: *говорили* (с звуковой семой), *пили* (без звуковой семы) в неопределенно-личном употреблении – и показатель смежного пространства (локативная именная синтаксема):

Никитин приятно улыбался и помогал Мане угощать гостей, но после обеда пошел к себе в кабинет и заперся. ...В соседней комнате *пили* кофе и говорили о штабс-капитане (Чехов. Учитель словесности).

Наблюдения, касающиеся того, что неопределенно-личные предикаты даже и без звуковой семы могут обозначать слуховое наблюдение, можно продолжить следующим примером. Выбор говорящим предложения *В комнату вошли* означает, что наблюдатель лишен возможности восприятия по зрительному каналу и делает вывод на основе аудиоперцепции, т. е. неопределенно-личный предикат может маркировать тип модуса и источник информации (слуховой канал). При этом неопределенно-личное предложение не уточняет, сколько субъектов действия было в реальности: граммема *мн. ч.* предиката может указывать как на одного, так и более одного исполнителя (ср. с «множественным неопределенным» в [Плунгян 2000]). Напротив, *Кто-то вошел* может передавать как зрительное восприятие, так и слуховое. При этом в условиях слухового наблюдения местоимение *кто-то* может иметь референтом как одного, так и нескольких человек, а в условиях зрительности – только одного человека. Предложение с неопределенно-личным местоимением не маркировано по модусу (как частноперецептивный, так и общеперецептивный модус).

О взаимодействии неопределенно-личной конструкции и частноперецептивного модуса может свидетельствовать тот факт, что неопределенно-личные предложения затрудненно взаимодействуют со зрительной перцептивной рамкой, ср. два примера – литературный и сконструированный: *Сквозь дождь и запотевшее окно было видно, как кто-то вошел в нижнюю калитку* [Б. Васильев. Дом, который построил Дед] – **Было видно, как в калитку вошли*.

Пример под звездочкой аномален. Если пытаться осмыслить его, то речь могла бы идти только об известных говорящему людях, о множестве людей, но не о неизвестном наблюдателю (и, возможно, единственном) человеке. Однако здесь остается открытым вопрос о том, какие ограничения на такое соотношение по модусу двух конструкций может накладывать глагольная лексическая семантика.

В парадигматически связанной паре предложений (*В комнату вошли* – *В комнату кто-то вошел*) субъектный нуль неопределенно-личного предложения и местоимение *кто-то* противопоставлены в рамках категории определенности / неопределенности: неопределенность нуля выше; в условиях разных перцептивных каналов неопределенность местоимения *кто-то* может увеличиваться (при частной, слуховой перцепции) и уменьшаться (при общей, зрительной перцепции). О синтагматических (анафорических) связях синтаксического нуля $0_{\text{мн}}$ и кванторных местоимений см. [Булыгина, Шмелев 1997: 342].

Разная степень определенности синтаксического нуля $0_{\text{мн}}$ и неопределенного (кванторного) местоимения используется в авторских ремарках в пьесах Чехова: в тех случаях, когда звук каузирован несущественными лицами, которые не появляются на сцене, то скорее выбирается неопределенно-личное предложение (см. примеры выше из «Трех сестер» и «Вишневого сада»). Напротив, во фрагменте из «Чайки» встречаем два предложения с неопределенным местоимением, они характеризуют действия невидимой Нины Заречной, вскоре появляющейся на сцене:

Треплев (*собирается писать; пробегает то, что уже написано*). Я так много говорил о новых формах, а теперь чувствую, что сам мало-помалу сползаю к рутине...

Пауза. ....

Кто-то стучит в окно, ближайшее к столу.

Что такое? (*Глядит в окно.*) Ничего не видно... (*Отворяет стеклянную дверь и смотрит в сад.*) Кто-то пробежал вниз по ступеням. (*Окликает.*) Кто здесь?

Уходит; слышно, как он быстро идет по террасе; через полминуты возвращается с Ниной Заречной.

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

На опущение, неназванность субъекта «по незнанию» в рамках традиционных безличных предложений указывалось в [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 116], эти предложения в рамках коммуникативной грамматики получили название **неопределенно-предметных**. Безличные предложения с звуковой семой позволяют категоризовать неопределенный предмет, представляя субъекта степени неопределенности большей, чем неопределенно-личные предложения (категория предмета включает категорию лица):

– Валенки, – монотонно ответил Най и, скосив глаза к носу, посмотрел туда, где находились носки его сапог.

– Как? – не понял генерал и удивленно уставился на полковника.

– Валенки сию минуту давайте.

– Что такое? Как? – генерал выпучил глаза до предела.

Най повернулся к двери, приоткрыл ее и крикнул в теплый коридор особняка:

– Эй, взвод!

Генерал побледнел серенькой бледностью, переметнул взгляд с лица Ная на трубку телефона, оттуда на икону божьей матери в углу, а затем опять на лицо Ная.

В коридоре загремело, застучало, и красные околыши алексеевских юнкерских бескозырок и черные штыки замелькали в дверях. Генерал стал приподниматься с пухлого кресла (М.А. Булгаков. Белая гвардия).

В данном фрагменте слуховая перцепция сменяется зрительной: сначала генерал (и Най) слышит приближение юнкеров, потом видит их. Неопределенный невидимый множественный субъект категоризован максимально неопределенно: посредством категории предмета (хотя из предтекста известно, что полковник Най приказывает взводу двигаться) – потому, что услышанный звук сильный, неорганизованный, «стихийный» (ср. $0_{\text{ед.ср.}}$ стихии).

Действие невидимого наблюдателю животного обычно выражается в рамках неопределенно-предметного предложения: *Алешу разбудил протяжный вой... Вой повторился. Он несся с долины. И тотчас же совсем близко, в ущелье, завыло, завизжало, залаяло. Волки!* (Пермитин)¹⁵. Ср. со шкалой индивидуальности Ю.С. Степанова, на которой животные занимают промежуточную ступень между статусами личности и предметности (*Я – Он* – класс личных субъектов – дети – одушевленное имя (животные) – стихийная природная сила – предметный мир) [Степанов 1981].

По-другому может обстоять дело в произведениях с героями-животными, которые претендуют на роль субъекта сознания. В адресованном ребенку тексте с главным героем – животным, которое является наблюдателем, другое животное – герой обозначается нулем $0_{\text{ед.ср.}}$ (а не $0_{\text{зн.}}$) и анафорически связанным с ним местоимением *кто-то*:

Плюх-шлеп! – ударило что-то о землю недалеко от мышонка. Пик перестал грызть, прислушался. *В траве шуриало.* Плюх-шлеп! Кто-то скакал по траве прямо на мышонка. Надо скорей назад в кусты! (В.В. Бианки. Лесные были и небылицы).

Ср. с классическим случаем, когда герою-животному приписываются «человеческие» ментальные состояния, а в рамках сознания животного действия других животных категоризованы личными нулями: *Волчиха помнила, что летом и осенью около зимовья паслись баран и две ярки, и когда она не так давно пробежала мимо, то ей послышалось, будто в хлеву бляели* (Чехов. Белолобый) – пример из [Булыгина, Шмелев 1997: 346], который авторы интерпретируют в связи с идеей о том, что в произведениях, героями которых являются животные, запрет на передачу неопределенно-личными предложениями значения не-личности снимается.

¹⁵ Пример из [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004].

При номинации неизвестных субъектов – не-людей в рамках этих двух отрывков избираются разные тактики, что можно объяснить следующим образом: в примерах с «субъектами сознания» – животными (наблюдателем мышонком и субъектом мысли волчихой) и с субъектами действия – животными при их равных онтологических статусах в рассказе Чехова оказывается важным эффект дистанцированности для волчихи от ее потенциальных жертв и их равный «личный» статус, а в детском тексте выбирается упрощенная категоризация в интересах адресата-ребенка (не смешиваются лицо и не-лицо в рамках односоставных предложений).

Подведем итоги. Сообщение о слуховом наблюдении в условиях закрытого зрительного канала, невозможности зрительной перцепции можно интерпретировать в связи с семантикой эвиденциальности. Если при цитации (пересказывательности) вопрос ставится таким образом: «кто хозяин информации?», то при маркировании частноперцептивного модуса вопрос переводится в плоскость «канал, по которому хозяин получает информацию». То свойство неопределенно-личных предложений, которое было названо «дистанцированностью» между говорящим и действующим субъектами [Булыгина 1990; Булыгина, Шмелев 1997], может в рамках перцептивного модуса функционировать как дистанцированность говорящего (и наблюдателя) от «полноты информации».

В рамках художественного изображения перцептивный модус (а с ним и значения непосредственной засвидетельствованности) часто моделируется неизосемическими моделями предложения, модифицированными моделями по линии субъекта, так называемыми односоставными предложениями. Эти средства можно интерпретировать как приближающие наблюдаемое к наблюдателю.

Рамки типов засвидетельствованности и их средств выражения в русском языке следовало бы расширить: можно говорить о выражении эвиденциальности в русском языке не только в рамочном (модусном) предикате, но и в диктальном, в связи не только с ментальными, но и перцептивным (частноперцептивным) модусом. Тем самым в традиционных синтаксических объектах русистики мы видим пересечение и взаимодействие семантических категорий определенности / неопределенности и эвиденциальности.

Соединение категории эвиденциальности с типологией модусов еще раз возвращает нас к фигуре наблюдателя, к понятию, которое используется в рамках и лексемоцентричной и текстоцентричной грамматики, и подтверждает продуктивность того подхода, при котором понятие наблюдателя оказывается прикрепленным к определенному типу модуса – перцептивному, другие же пространственно-временные позиции (ипостаси) говорящего терминологизируются иначе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 2005 – Ю.Д. *Апресян*. О Московской семантической школе // ВЯ. 2005. № 1.
Арутюнова 1988 – Н.Д. *Арутюнова*. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
Белошапкина 1981 – Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапкиной. М., 1981.
Болдырев 2000 – Н.Н. *Болдырев*. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
Булыгина 1990 – Т.В. *Булыгина*. Я, ты и другие в русской грамматике // RES PHILOLOGICA. Филологические исследования: Памяти акад. Г.В. Степанова 1919–1986. М.; Л., 1990.
Булыгина, Шмелев 1997 – Т.В. *Булыгина*, А.Д. *Шмелев*. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
Вежбицка 1978 – А. *Вежбицка*. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.
Золотова 1973 – Г.А. *Золотова*. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
Золотова, Онипенко, Сидорова 2004 – Г.А. *Золотова*, Н.К. *Онипенко*, М.Ю. *Сидорова*. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
Кириллова, Примова 1988 – В.А. *Кириллова*, М.Б. *Примова*. Структурно-семантические особенности предложений, репрезентирующих ситуации слухового и зрительного восприятия // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988.

- Козинцева 2007а – *Н.А. Козинцева*. Косвенный источник информации в высказывании (на материале русского языка) // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007.
- Козинцева 2007б – *Н.А. Козинцева*. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007.
- Мельчук 1974 – *И.А. Мельчук*. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л., 1974.
- Никитина 2008 – *Е.Н. Никитина*. Акциональность / неакциональность возвратных глаголов и категория субъекта (к грамматической сущности категории залога). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorgora.ru>.
- Онипенко 2011 – *Н.К. Онипенко*. «Синтаксические нули» и грамматика эгоцентризма // Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного. М., 2011.
- Онипенко (в печати) – *Н.К. Онипенко*. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических средств // Проблемы функциональной грамматики (в печати).
- Падучева 1996 – *Е.В. Падучева*. Семантические исследования. М., 1996.
- Падучева 2007 – *Е.В. Падучева*. В поисках наблюдателя: глаголы *выглядеть* и *быть* [электронный ресурс] (http://www.lexicograph.ru/files/dialog-07_2.pdf) 2007.
- Падучева 2012 – *Е.В. Падучева*. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // ВЯ. 2012. № 1.
- Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология. М., 2000.
- Полянский 2001 – *С.М. Полянский*. Таксис – относительное время – эвиденциальность (к проблеме критериев разграничения) // Сибирский лингвистический семинар. Новосибирск, 2001. № 2.
- Сидорова 2001 – *М.Ю. Сидорова*. Грамматика перцептивных ситуаций в художественной прозе // Текст. Структура и семантика: Доклады VIII Международной конф. Т. 1. М., 2001.
- Степанов 1981 – *Ю.С. Степанов*. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
- Тестелец 2001 – *Я.Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Успенский 2000 – *Б.А. Успенский*. Поэтика композиции. СПб., 2000.
- Якобсон 1972 – *Р.О. Якобсон*. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Сведения об авторе:

Елена Николаевна Никитина
 Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
yelenon@mail.ru
 Статья поступила в редакцию 2.02.2012

© 2013 г. М.Л. КИСИЛИЕР

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ*

Новогреческая диалектология как научная дисциплина появилась в конце XIX в. В течение длительного времени в сферу ее интересов входило исключительно описание отдельных диалектов. Изоглоссы были малочисленны и носили хаотический характер. В 1892 г. знаменитый греческий лингвист Георгиос Хадзидакис предложил делить новогреческие диалекты на северные и южные. Эта классификация оставалась единственной до 70-х гг. прошлого века, когда Брайан Ньютон разработал целый комплекс фонетических изоглосс, на основании которых он выделил пять диалектных групп. В этой классификации не учтены важнейшие нефонетические изоглоссы, а целый ряд диалектов вообще в нее не вошли. Тем не менее до сих пор она остается наиболее последовательной и удачной, несмотря на неоднократные попытки ее переработать. В статье не только разбираются принципы существующих классификаций новогреческих диалектов, но и обсуждаются критерии отбора наиболее релевантных изоглосс.

Ключевые слова: новогреческий язык, диалектология, диалекты новогреческого языка, изоглоссы, классификация диалектов

Scientific approach to the Modern Greek dialects dates back as far as the late 19th century. For a long time the research was concentrated on description of separate dialects. In 1892 famous Greek linguist Georgios Hatzidakis proposed to divide Greek dialects into Northern and Southern. This subdivision remained the only attempt to classify Greek dialects for almost eighty years until Brian Newton managed to formulate a set of phonological features and to arrange all Greek dialects in five groups. This classification does not take into account even major phonetic and syntactic isoglosses, and not all Greek dialects were included. Nevertheless it still remains the best, and all posterior improvements and emendations do not seem very successful. The paper aims to analyze the main principles of the existing classifications and to discuss the selection of the isoglosses for the future investigation.

Keywords: the Modern Greek language (MG), dialectology, Modern Greek dialects, isoglosses, classification of Modern Greek dialects

Географические особенности Греции – большое количество островов и труднопроходимых горных цепей – оказались благоприятным фактором для развития греческого языка в виде множества локальных языковых вариантов¹. Исторические события (от Великой колонизации VIII–VII вв. до н. э. и до обмена населением между Грецией и Турцией в 1921 г.) и значительные миграционные процессы, характерные для Балкан в целом, привели к тому, что носители греческого языка оказались разбросанными не

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 11-04-00048а «Развитие диалектов в ситуации многоязычия (на материале диалектов новогреческого языка)». В основу статьи лег доклад, сделанный на рабочей конференции по греческой диалектологии, организованной 28 мая 2012 г. Греческим институтом СПбГУ совместно с ИЛИ РАН. Пользуясь возможностью, хочу поблагодарить А.Н. Соболева, А.Ю. Русакова и В.А. Панова за полезные комментарии и исправления. Запись диалектных примеров производится в фонематической транскрипции, кроме случаев цитирования примеров из чужих работ.

¹ Это утверждение справедливо для всех этапов развития греческого языка: древнего, средневекового и новейшего.

только по всей территории Балкан (Болгария [Tzitzilis 1999], Албания [Spyrou 2008; Kyriazis, Spyrou 2011; Kisilier et al. (в печати); Кисилиер и др. (в печати)] и проч.), но и далеко за их пределами². Интерес к новогреческим диалектам возник в середине XIX в. в рамках только возникшей тогда филологической дисциплины – неозллинистики. Изучение новогреческой диалектологии началось с описания отдельных локальных языковых вариантов, и в этом процессе активно участвовали зарубежные (прежде всего, немецкие) ученые (см., например, [Deffner 1881]). Первым настоящим греческим диалектологом, пожалуй, следует считать Георгиоса Хадзидакиса, который вообще, по-видимому, является наиболее выдающимся греческим лингвистом-неозллинистом. Помимо ряда интересных наблюдений над отдельными диалектами, Хадзидакис эксплицитно сформулировал первые изоглоссы [Hatzidakis 1892: 342]:

сужение безударных /e/ (> /i/) и /o/ (> /u/);

падение безударных /-u-/ (в середине слова) и /-i-/ (в конце слова).

На основании этих изоглосс он предложил выделять две основные диалектные группы (**северные**, или **северногреческие**, и **южные диалекты**) и одну факультативную (**полусеверные диалекты**). В северных диалектах имеет место сужение и падение указанных выше безударных гласных. В южных эти явления не наблюдаются. Для полусеверных диалектов характерно только сужение.

Открытие Хадзидакиса должно было дать мощнейший импульс для развития новогреческой диалектологии, однако, как это часто случается в культуре Греции нескольких последних веков, многообещающее начало не получило достойного продолжения. Были предприняты описания многих новогреческих диалектов³ и даже предложены некоторые новые изоглоссы, наиболее известная из которых связана с диалектным распределением вариантов вопросительного местоимения ‘что’⁴. Однако эти исследования и

² Например, в Италии (и на Сицилии) [Rohlf's 1977; Karanastasis 1977; Katsoyannou 1999; Profili 1999a; 1999b], на Корсике [Blanken 1951], на берегах Черного моря (как на территории Крыма и Кавказа [Елоева 2004], так и в области турецкого Трабзона / Трапезунда [Mackridge 1987; 1999]), в Сирии и Ливане [Tsokalidou 1999] и даже в Австралии, куда в начале XX в. переехала из Турции Трапезундская епархия.

³ Стоит особо выделить работы Пауля Кречмера [Kretschmer 1905], Ричарда Докинза [Dawkins 1916], Андре Мирамбеля [Mirambel 1929], И.И. Соколова [Соколов 1930], М.В. Сергиевского [Сергиевский 1934], Юбера Перно [Pernot 1934], Жерара Бланкена [Blanken 1951], Афанасия Костакиса [Kostakis 1951], Димитриоса Икономидиса [Oikonomidis 1958] и Т.Н. Чернышевой [Чернышева 1958].

⁴ Вариант *inta* используется на Крите, Кифере, Кикладских островах, Хиосе, Икарии, Лесбосе, Самофракии, Южных Спорадах (кроме Родоса), Эгине, Кипре, в Мегарах, в городах Кими и Каристосе на Эвбее, в Афинах (до 1830-х гг.) и на Понте (в понтийских диалектах превалирует вариант *nto* < *inta*). В остальных частях Греции распространена форма *ti*. Пять изоглосс (причем как фонетических, так и морфологических и синтаксических) предложил в 1938 г. знаменитый греческий лингвист Манолис Триандафиллидис [Triantafyllidis 1938: 66–67] (приведенные ниже примеры подобраны мной. – М.К.): 1. сохранение / выпадение носового в группах /mb/, /ng/, /nd/, например: *kumbi* ‘пуговица’ vs. *kubi* (пример из [Tzitzilis 2000: 17]); 2. переход /x/ > /ʃ/: *xéri* ‘рука’ vs. *ʃéri* (пример из [Tzitzilis 2000: 17]); 3. сохранение / выпадение глагольного приращения (независимо от места ударения): *epéftune* ‘падали’ vs. *péftune* (пример из [Кисилиер и др. (в печати)]); 4. глаголы ‘давать’ и ‘говорить’ управляют родительным vs. винительным:

новогреч.:	σου=	δίνω
	2.SG.GEN	давать:PRS.1SG
диалектное:	σε=	δίνο
	2.SG.ACC	давать:PRS.1SG
	‘тебе даю’	

5. позиция местоименной клитики в функции дополнения относительного управляющего глагола: *su-díno* ‘тебе даю’ (препозиция) vs. *díno-su* ‘даю тебе’ (постпозиция; пример из [Tzitzilis 2000: 17]). Некоторые из этих изоглосс были использованы позже Никосом Кондосопулосом [Kontosopoulos 2001].

новые изоглоссы практически никак не сопоставлялись друг с другом и не приводили к появлению диалектного атласа или хотя бы классификации новогреческих диалектов.

Впервые серьезная попытка классификации была предпринята почти через семьдесят лет после того, как Георгиос Хадзидакис сформулировал первые изоглоссы и предложил свой вариант диалектного членения. Она связана с именем выдающегося британского неозллиниста Брайана Ньютона, который в конце 1960-х гг. провел диалектные исследования в разных регионах Греции и, используя как собственные данные, так и материалы предшественников, в 1972 г. издал свою знаменитую книгу «The generative interpretation of the dialect. A study of Modern Greek phonology» [Newton 1972]. В ней Ньютон объединяет новогреческие диалекты в пять групп:

1. пелопонесско-ионийская (Ионийские острова и большая часть Пелопоннеса);
2. северногреческие диалекты (Эпир, Фракия, Фессалия, северная Аттика, северная Эвбея, острова на севере Эгейского моря);
3. староафинский диалект (центральная Эвбея, Мани, Корсика);
4. критский диалект (Крит, Киклады, Наксос);
5. юго-восточные диалекты (Кипр, Хиос, Южные Спорады).

Эти группы Ньютон выделяет на основании девяти фонетических изоглосс.

Изогlossa 1. Утрата гласных высокого подъема /i/ и /u/ и сужение безударных гласных /e/ и /o/ в /i/ и /u/ соответственно, по мнению Ньютона [Newton 1972: 16], является изогlossой, отличающей северногреческие диалекты. **Утрата /i/ и /u/:** новогреч. *κουτί* ‘ящик, коробка’ vs. сев.-греч. *kṭi*; новогреч. *πιθάρι* ‘кувшин’ vs. сев.-греч. *pṭar*. **Сужение /e/ и /o/:** новогреч. *φαίνεται* ‘кажется’ vs. сев.-греч. *féniti*; новогреч. *κοτόπουλο* ‘курица’ vs. сев.-греч. *kutóplu*.

Изогlossa 2. Палатализация. В критском, староафинском (в частности, в мегарском) и юго-восточных диалектах – например, в кипрском и родосском – /k/, /x/ и /ɣ/ перед гласными переднего ряда палатализируются (/k/ > /č/, /x/ > /š/, /ɣ/ > /ž/). В ряде диалектов имеет место последующая депалатализация (/č/ > /c/, /š/ > /s/, /ž/ > /z/): новогреч. *καιρός* ‘время’ vs. критск. и кипрск. *čerós* vs. мегарск. и родосск. *cerós*; новогреч. *χέρι* ‘рука’ vs. критск. и кипрск. *šéri* vs. родосск. *séri*.

Изогlossa 3. Утрата геминат характерна для большинства греческих диалектов, кроме ряда диалектов юго-восточной группы. Например, в материковой Греции и на Крите *θάλασα* ‘море’ и *γράμμα* ‘письмо’ будут произноситься с одним /s/ и /m/ соответственно, как и в стандартном новогреческом /θάλασα/ и /γράμμα/, несмотря на то что по правилам орфографии они пишутся *θάλασσα* и *γράμμα*. На островах Кипр, Родос и Хиос, где распространены юго-восточные диалекты, напротив, геминаты произносятся: *θάλασσα* и *γράμμα*.

Изогlossa 4. Переход безударного /i/ в /j/ перед гласным наблюдается во всех греческих диалектах (в пределах Греции), за исключением староафинского: новогреч. *παιδιά* /peðjía/ ‘дети’ vs. староафинск. *pedía*, новогреч. *φιιλιά* /filjía/ ‘поцелуи’ vs. староафинск. *filía*. Очевидно, что в староафинском диалекте переход /i/ > /j/ не происходит, так как ударение не сдвигается на последующий слог и /i/ остается ударным⁵.

Изогlossa 5. Переход древнегреческого /y/ в /u/. Как известно, звук, передававшийся в древнегреческом языке при помощи буквы υ и произносившийся как /y/, в стандартном новогреческом и в большинстве диалектов сузился в /i/. Тем не менее в некоторых диалектах (в частности, староафинском) произошел переход /y/ > /u/: новогреч. *ξύλο* /ksílo/ ‘дерево, деревяшка’ vs. староафинск. *ksúlo* (мегарск.); новогреч. *κυλιά* /kiɽía/ ‘живот, брюхо’ vs. староафинск. *culía* (мегарск.). Указанный переход наблюдается также в не учтенных Ньютоном понтийском и цаконском диалектах, в первую очередь в

⁵ В диалекте приазовских греков (так называемом румейском языке) также сохраняется /i/, препятствующее переходу /i/ > /j/, однако, в отличие от староафинского диалекта, в румейском во избежание зияния после /i/ появляется /j/: *pulija* ‘птицы’, *pedija* ‘дети’, *paɽunija* ‘лед, мороз’, *futija* ‘огонь, жар’ [Архив 2003–2005]; ср. с новогреч. *πουλιά*, *παιδιά*, *παγωνιά* и *φωτιά* соответственно.

Изогlossen Ньютона и новогреческие диалекты

Изоглосса	пел.-ион.	сев.-греч.	староафинск.	критск.	юго-вост.	цаконск.	каппадок.	южноитал.	понтійск.	румейск.
1. утрата /i/, /u/, сужение /e/, /o/	-?	+	-	-	-	-	+/-	+/-	-?	+
2. палатализация	+/-	+	+	+	+	-?	+	+	+	+
3. утрата геминат	+	+/-	+/-	+	-	+	+	-	+	+?
4. /i/ > /j/	+	+	-	+/-	+	+/-	-	-	-	-
5. /y/ > /u/	-	-	+	-	-	+	-	+/-	+	-
6. выпадение /-v-/, /-δ-/ и /-γ-/	-	-	+/-	-	+	+	-	+/-		-/+
7. сохранение /-n/	-	-	-	-	+	-	+/-	+	+/-	-
8. /vγ/ > /vg/	-?	-	-?	-?	+	-	?	?	-	-
9. эпентеза /γ/	+	+/-	-/+	+	+	-	+/-	-	+	-

сохранившихся древнегреческих лексемах (например: цаконск. *kúe* 'собака'; ср. с древнегреческой лексемой *κύων*).

Изоглосса 6. Выпадение звонких фрикативных /-v-/, /-δ-/ и /-γ-/ в интервокальной позиции регулярно происходит в юго-восточных диалектах: новогреч. *λάδι* 'масло (растительное)' vs. юго-вост. *láin*; новогреч. *φόβος* 'страх' vs. юго-вост. *fóos*; новогреч. *μάγος* 'волшебник' vs. юго-вост. *máos*.

Изоглосса 7. Сохранение конечного /-n/ наблюдается в большинстве южных диалектов: древнегреческому выражению *tò kalòn paídion* 'хороший ребенок' соответствуют новогреч. *to kalò paídì* и юго-вост. *to kalóm beín⁶*.

Изоглосса 8. Диссимилиация фрикативного и взрывного характерна, прежде всего, для юго-восточных диалектов: новогреч. *αβύο /avγó/* 'яйцо' vs. юго-вост. *avgón*.

Изоглосса 9. В критском и юго-восточных диалектах происходит эпентеза /γ/ в глаголах на *-εύω*: новогреч. *δουλεύω* 'работать' vs. юго-вост. *dulévvo*.

Изоглоссы, предложенные Ньютоном, как можно убедиться из табл. 1, релевантны для большинства новогреческих диалектов⁷.

Несмотря на очевидные достоинства, классификация и изоглоссы, предложенные Брайаном Ньютоном, демонстрируют ряд существенных недостатков. Прежде всего, Ньютон считает, что диалекты представляют собой ответвления от основного варианта языка, а не равноправно сосуществующие части единого языкового пространства [Newton 1972: 5]. Таким образом, он рассматривает изоглоссы не как параллельные варианты, а как производные от одного основного варианта. В этом проявляется генера-

⁶ В примере из юго-вост. диалектов происходит ассимиляция по звонкости и по огубленности: /-n p-/ > /-m b-/.

⁷ В табл. 1, помимо диалектов, учтенных Ньютоном, добавлены цаконский, каппадокийский, греческие диалекты Южной Италии, понтійский и румейский. В табл. 1–3 использованы следующие обозначения: + – употребление обязательно; +? – случаи употребления зафиксированы, обязательность неизвестна; +/- – употребление необязательно / есть (локальные) варианты, где изоглосса не фиксируется; +/-? – скорее всего, явление встречается, но регулярность неизвестна; -/+ – встречаются отдельные случаи употребления; -/+? – достоверно неизвестно, встречается ли явление, но если встречается, то случаи единичны; -- явление не встречается; -? – явление, предположительно, отсутствует; ? – информация отсутствует.

тивистская интерпретация диалекта, заявленная в названии книги Ньютона. Если диалектные формы представляют собой результат трансформации, какой вариант следует считать базовым? Выбор, очевидно, весьма ограничен. Древнейший из современных диалектов – цаконский – не подходит, так как фонетически очень сильно отличается от прочих диалектов и от стандартного новогреческого (как кафаревусы, так и димотики)⁸. Древнегреческий также не может быть принят в качестве базового варианта, поскольку он слишком близок к кафаревусе, с которой как раз на момент написания книги напрямую ассоциировалась греческая хунта. Единственным подходящим базовым вариантом оказывается димотика, сформировавшаяся на базе пелопоннесско-ионийского диалекта. Поскольку производные варианты не могут быть старше базового, приходится, с одной стороны, исключать из рассмотрения цаконский, напрямую восходящий к древнему дорийскому (лаконскому), а с другой стороны, утверждать, что древнегреческие диалекты полностью погибли в эпоху койне, а современные диалекты не имеют к ним никакого отношения и образовались лишь после VIII в. (обсуждение датировки см. в [Tzitzilis 2000: 16]). К сожалению, подход Ньютона лишь подкрепляет крайне распространенную в неозелинистике гипотезу об отсутствии связи между древнегреческими и новогреческими диалектами. Даже выдающийся современный диалектолог Никос Кондосопулос [Kontosopoulos 2010: 188] придерживается этой точки зрения, хотя по крайней мере две изоглоссы Ньютона свидетельствуют об обратном⁹.

Другой недостаток классификации Ньютона связан с ограниченным числом обследованных диалектов. Изоглоссы, приведенные в табл. 1, релевантны и для других диалектов, однако они не позволяют ни включить новые диалекты в диалектные группы, предложенные Ньютоном, ни объединить их в новые группы. Если основываться на классификации Ньютона, понтийский, цаконский, каппадокийский и многие другие диалекты приходится считать особенными и потому составляющими каждый свою самостоятельную группу. Подобное утверждение, возможно, подходит для цаконского, сильно отличающегося от прочих диалектов, хотя и в этом случае оно требует специального обсуждения, но не годится для большинства других диалектов. Видимо, следует признать, что девяти изоглосс Ньютона недостаточно; их количество необходимо увеличить, в том числе за счет привлечения морфологических, лексических и синтаксических изоглосс.

Это попытался сделать через несколько десятилетий после Брайана Ньютона Никос Кондосопулос [Kontosopoulos 2001], не только добавивший еще одну фонетическую изоглоссу, но и впервые объединивший фонетические, морфологические, синтаксиче-

---

⁸ Терминами «кафаревуса» и «димотика» называются два противопоставленных друг другу языковых варианта – искусственный и ученый (кафаревуса) и народный и разговорный (димотика). Новейшие исследования свидетельствуют о том, что различие между вариантами не столь однозначно, как принято считать [Mackridge 2009; Кисилиер, Федченко 2011б], однако в рамках настоящей статьи этот вопрос рассматриваться не будет.

⁹ На связь между древнегреческими и новогреческими диалектами, в частности, указывают переход древнегреческого /y/ в /u/ и сохранение конечного /-n/. Можно привести и ряд других диалектных черт, очевидным образом восходящих к древнегреческим диалектам, например ротацизм в некоторых островных диалектах [Prombonas 1963]. Отдельного исследования требует просодия кипрского диалекта, вероятно восходящая к древнегреческому мелодическому ударению. Естественно, было бы ошибкой утверждать, что древнегреческие диалекты напрямую перешли в новогреческие [Hodot 2000: 100], однако можно высказать предположение, что в основании современных диалектов лежат соответствующие древнегреческие локальные варианты, претерпевшие значительные изменения под влиянием койне. Об этом, например, свидетельствуют отдельные языковые особенности диалектов Крита, Кипра, Южной Италии и Малой Азии. Стоит отметить, что уже не раз упомянутый Георгиос Хадзидакис настаивал на связи новогреческой и древнегреческой диалектных систем. Не исключено, правда, что им двигали соображения идеологического характера.

ские и лексические параметры. Кроме того, он значительно увеличил количество диалектов, включаемых в рассмотрение¹⁰.

Изоглосса 10. Переход ряда согласных – прежде всего /k/, /t/ – в /c/ перед /e/, /i/, известный как **цитакизм**¹¹, характерен для **староафинского** и для **цаконского диалектов**: **новогреч.** *típtota* ‘ничто’ vs. **цаконск.** *cípta*; **новогреч.** *ti* ‘что’ vs. **цаконск.** *ci*. В румейском языке в указанных лексемах сохраняется /t-/: *típus* ‘ничто’ и *ti* ‘что’, однако встречаются примеры, в которых неожиданно проявляется цитакизм: *cambutí* ‘игра в жмурки’ vs. *kam[bu]cí* [Архив 2003–2005]¹².

Изоглосса 11. **Аорист** заканчивается на **-sa**: **новогреч.** *éyrapça* ‘[я] написал’, ср. с **румейск.** *éyrapsa* [Архив 2003–2005], vs. **цаконск.** *orákame* ‘[мы] увидели’ [Архив 2010–2012].

Изоглосса 12. **Вопросительное / относительное местоимение** (‘что’) имеет форму *ti* в **цаконском (ci)**, **каппадокийском**, **греческих диалектах Южной Италии (?)**, у **приазовских греков**. В большинстве юго-восточных диалектов, в **понтийском** и **критском** используется вариант *ínta/nto* (см. также сноску 4).

Изоглосса 13. **Косвенное дополнение** выражается **винительным падежом** (вместо родительного) во многих северногреческих диалектах:

(1) i	Ána	tin=	
DEF:F.SG.NOM	Анна:SG.NOM	3F.SG.ACC	
ípi	tin	mitéra	=tis
говорить:AOR.3SG	DEF:F.SG.ACC	мать:SG.ACC	POSS:3F.SG
- ‘Анна <ей>¹³ сказала своей матери’ [Архив 1998–2000],

в **каппадокийском**, **понтийском**, а также в **румейском**:

(2) yo	ípa	=tun
1.SG.NOM	говорить:AOR.1SG	3M.SG.ACC
- ‘Я сказал ему’ [Архив 2003–2005].

Изоглосса 14. **Постпозиция местоименной клитики в функции дополнения** при личной форме глагола характерна для ряда юго-восточных диалектов, в частности для **кипрского**:

(3) aréski	=mu
нравиться:PRS.3SG	1.SG.GEN
- ‘нравится мне’ [Agouraki 1998],
(4) lalí	=tu
говорить:PRS.3SG	3M.SG.GEN
- ‘говорит ему’ [Ibid.],

критского:

(5) εἶδες	=τονε
видеть:AOR.2SG	3M.SG.ACC
- ‘[ты] увидел его’ [Kontosopoulos 2001: 32],

¹⁰ Здесь и далее примеры подобраны мной.

¹¹ Явление цитакизма было замечено еще Брайаном Ньютоном, но лишь позже оно было возведено в ранг изоглосс [Trudgill 2003: 56–57]. Ньютон определяет цитакизм как депалатализацию [Newton 1972: 133], что не всегда представляется верным.

¹² Возможно, фонетическую вариативность в начале слова (*cambutí* vs. *kambucí*) также можно связывать с действием цитакизма.

¹³ Местоименный повтор дополнения.

каппадокийского:

- (6) και λευ =το
 CNJ говорить:PRS.3SG 3M.SG.ACC
 ‘и [он] говорит ему’ [Karatsareas 2011: 104],

и понтийского:

- (7) ἀτὰ εἶχα
 DEM:N.PL.ACC иметь:IPF.1SG
 νὰ ἔλεγα =τον
 MOD говорить:IPF.1SG 3M.SG.ACC
 ‘это [я] должен был сказать ему’ [Oikonomidis 1958: 236].

В диалекте приазовских греков постпозиция местоименного дополнения также является предпочтительной:

- (8) ἐκλεψῆς =μι
 украсть:AOR.2SG 1.SG.ACC
 ‘[ты] украл меня’ [Архив 2003–2005]; подробнее см. [Кисилиер 2009: 375, 388].

В целом изоглоссы, сформулированные Кондосопулосом, подтверждают диалектное членение, предложенное Ньютоном (см. табл. 2).

Таблица 2

Изоглоссы Кондосопулоса и новогреческие диалекты

Изоглосса	пел.-ион.	сев.-греч.	староафинск.	критск.	юго-вост.	цаконск.	каппадок.	южноитал.	понтийск.	румейск.
10. цитакизм	–	–/+	+	+	+	+	–	+	+/-	–/+?
11. аорист на <i>-sa</i>	+	+/-	+/-	+	+/-?	–/+	+	–/+	+	+
12. <i>inta</i> вместо <i>ti</i>	–	–/+	+/-	+	+	–	–	–	+/-	–
13. ACC вместо GEN	–	+?	–/+	–	–	+/-	+	–	+	+
14. постпозиция местоимения	–	–	–	+?	+	–?	+	–	+	+

Например, северногреческие диалекты отличаются от прочих не только сужением и падением безударных гласных, но и употреблением винительного падежа для обозначения косвенного дополнения. По этим двум параметрам они даже на первый взгляд сближаются с диалектом приазовских греков.

Тем не менее многое в работе Кондосопулоса требует серьезной проверки и доработки. Поскольку при исследовании в основном использовались чужие материалы, в которых часто нужные для сопоставления параметры не были описаны, проявляются несоответствия и неясности. Иногда разные описания одного и того же диалекта противоречат друг другу, и выбор Кондосопулоса не всегда представляется обоснованным. Все это даже трудно назвать недостатками: скорее, работу Кондосопулоса надо рассматривать как первый шаг к появлению диалектного атласа, который, кстати, сам Кондосопулос сделал для диалектов своего родного Крита [Kontosopoulos 1988]. Поэтому трудно согласиться с большинством греческих и западных неозллинистов, воспринимающих книгу Кондосопулоса как готовый результат, а не призыв к дальнейшей работе, направление которой данная книга делает очевидным: тщательное сопоставление су-

ществующих описаний, заполнение пустых параметров в ходе полевой работы, где это еще возможно, формулировка нового набора изоглосс и их проверка.

В исследовании Никоса Кондосопулоса также проявляется одна из острейших проблем современной греческой диалектологии: иногда в рамках одной изоглоссы объединяются параметры, которые принципиально различаются и не могут быть сопоставлены друг с другом. Проиллюстрировать это можно на изоглоссе, связанной с употреблением аккузатива в качестве падежа косвенного дополнения. Как уже отмечалось, данная изоглосса вроде бы релевантна и для северногреческих диалектов, и для румейского языка (см. примеры 1 и 2), однако причины, которые привели к такому употреблению винительного падежа, в этих диалектах различны. У приазовских греков всего два падежа¹⁴, тогда как в северногреческих диалектах, кроме именительного и винительного, есть еще и родительный падеж:

- (9) *ini*   *tis*   *paréas*   =mas
COP:PRS.3SG   DEF:F.SG.GEN   компания:SG.GEN   POSS:1.PL
'[он] <есть> из нашей компании' [Архив 1998–2000].

Таким образом, необходимо разводить две изоглоссы: наличие в диалекте родительного падежа и употребление винительного там, где стоило бы ожидать родительный.

Другую попытку пересмотреть классификацию и изоглоссы Брайана Ньютона предпринял в 2003 г. Питер Традгилл [Trudgill 2003]. Он, как и Ньютон, ориентируется исключительно на фонетику, однако сокращает количество изоглосс до шести:

1. утрата гласного высокого подъема;
2. переход древнегреческого /y/ в /u/;
3. палатализация велярных;
4. цитакизм;
5. наличие геминат;
6. сохранение конечного /-n/.

В каком-то смысле подобное сокращение изоглосс оправдано, поскольку некоторые изоглоссы Ньютона перекрывали друг друга, выделяя одну и ту же диалектную группу. На основании сформулированных им параметров Традгилл выделяет четырнадцать диалектных групп:

1. **Центральная диалектная группа** (западный Эпир, острова Корфу, Кефалония и Закинф, Пелопоннес) не демонстрирует ни одной из выделенных фонетических особенностей, вынесенных Традгиллом в качестве изоглосс.

2. **Северная группа диалектов** (северная Греция, Левкада, северная Эвбея, острова Тасос, Самофраки, Имброс, Лесбос, Лимнос, Скирос, Скиафос, Скопелос, Алониссос, а также северные Спорады) характеризуется утратой гласного высокого подъема и демонстрирует множество различий локальных вариантов.

Питер Традгилл особо выделяет группу (2а), куда включает диалект острова Самос. В нем наблюдается утрата гласного высокого подъема, но географически он удален от ареала распространения северных диалектов¹⁵.

3. **Диалект области Мани** (Пелопоннес) выделяется в отдельную группу в связи с фиксируемым в нем переходом древнегреческого /y/ в /u/ и палатализацией велярных.

4. **Цаконский диалект** (Пелопоннес)¹⁶.

¹⁴ Прямой и косвенный; подробнее см. в [Викторова 2009: 198–201].

¹⁵ Брайан Ньютон объясняет этот феномен повторным заселением о. Самос в середине XV в. [Newton 1972: 14].

¹⁶ Цаконский сильно отличается от прочих новогреческих диалектов, демонстрируя своеобразные фонетические черты [Deffner 1881; Pernot 1934; Kostakis 1951; Кисилиер, Федченко 2010; 2011a] и яркую морфологическую особенность – отсутствие синтетических форм настоящего времени и имперфекта [Кисилиер (в печати)].

5. **Староафинский диалект** (остров Эгина, Мегары, частично Афины) характеризуется переходом древнегреческого /y/ в /u/ и цитакизмом.

6. **Диалект Кими** отличается переходом древнегреческого /y/ в /u/ и палатализацией велярных.

7. **Арванитика** – язык греческих албанцев-арванитов (не является греческим диалектом).

8. **Южной диалектной группе** (острова Крит, Кифира, Антикифира и Санторини, возможно, острова Анафи и Милос) свойственна палатализация велярных.

9. **Юго-восточные диалекты** (острова Кипр, Родос, Карпафос, Касос, Каstellоризо, Кос, Лерос и Патмос) отличаются палатализацией велярных, наличием геминат и сохранением конечного /-n/.

10. **Восточным диалектам** (острова Сими, Тилос, Ниссирос, Калимнос, Икария, Антиспалеа, Хиос и побережье Малой Азии) свойственно наличие геминат и сохранение конечного /-n/¹⁷.

11. У **диалектов Смирны** отсутствуют все шесть фонетических изоглосс Традгилла, однако наблюдается собственная специфика. Это, как кажется, свидетельствует о том, что изоглоссы Традгилла не вполне релевантны.

12. **Диалекты центральных Киклад** (острова Аморгос, Ираклия, Схинусса, Керос, Куфониси, Донусса) характеризуются наличием конечного /-n/, геминат и цитакизма.

13. **Диалекты западных Киклад** (острова Кифнос, Кимолос, Серифос) демонстрируют наличие геминат, палатализацию велярных.¹⁸

14. **Диалект острова Миконос** отличается утратой гласных высокого подъема и цитакизмом.

15. **Диалекты северных Киклад** (острова Андрос, Тинос, Кеа, Кифнос, Сирос, Наксос, Парос, Антипарос, Иос, Фолегандрос) характеризуются цитакизмом¹⁹.

Исследование Традгилла, кстати, весьма небольшое по объему (всего 19 страниц, из них две – библиография), представляется на первый взгляд более сущностным и полезным, нежели является на самом деле, поскольку Традгилл совсем не пользуется собственными диалектными материалами и фактически просто пересматривает результаты работы Брайана Ньютона. При этом, как кажется, он совершает существенный методический промах: он предлагает классифицировать греческие диалекты, ориентируясь на языковую ситуацию между 1820–1920 гг., то есть временного периода после образования греческого национального государства, но до обмена населением в 1921–1922 гг., когда значительная часть грекоязычного населения была переселена на территорию Греции из Малой Азии. При этом важно иметь в виду, что только Ричарду Докинзу [Dawkins 1916] удалось провести исследование (которое он сам считал предварительным) на территории Турции. Конечно, есть несколько статей Питера Макриджа [Mackridge 1987; 1999], сумевшего относительно недавно побывать у носителей понтийского диалекта под Трабзоном (Трапезундом), однако основным источником остаются потомки переселенцев, язык которых уже мог заметно измениться в результате языковых контактов. В любом случае вряд ли стоит пренебрегать тем фактом, что уже многие десятилетия малоазийские греки живут в окружении других (новых для них) диалектов. Смещение синхронии и диахронии при изучении новогреческих диалектов представляется грубой ошибкой, поскольку в итоге приводит к появлению превратной

¹⁷ В отличие от юго-восточных диалектов, в восточных отсутствует палатализация велярных. Не до конца ясно, включает ли Традгилл в восточные диалекты каппадокийский и понтийский.

¹⁸ В отличие от диалектов центральных и северных Киклад, на западных Кикладах цитакизм отсутствует.

¹⁹ По диалекту острова Сиконос информации нет, но, вероятно, его тоже следует отнести к этой группе по географическому положению (Сиконос находится между островами Иос и Фолегандрос).

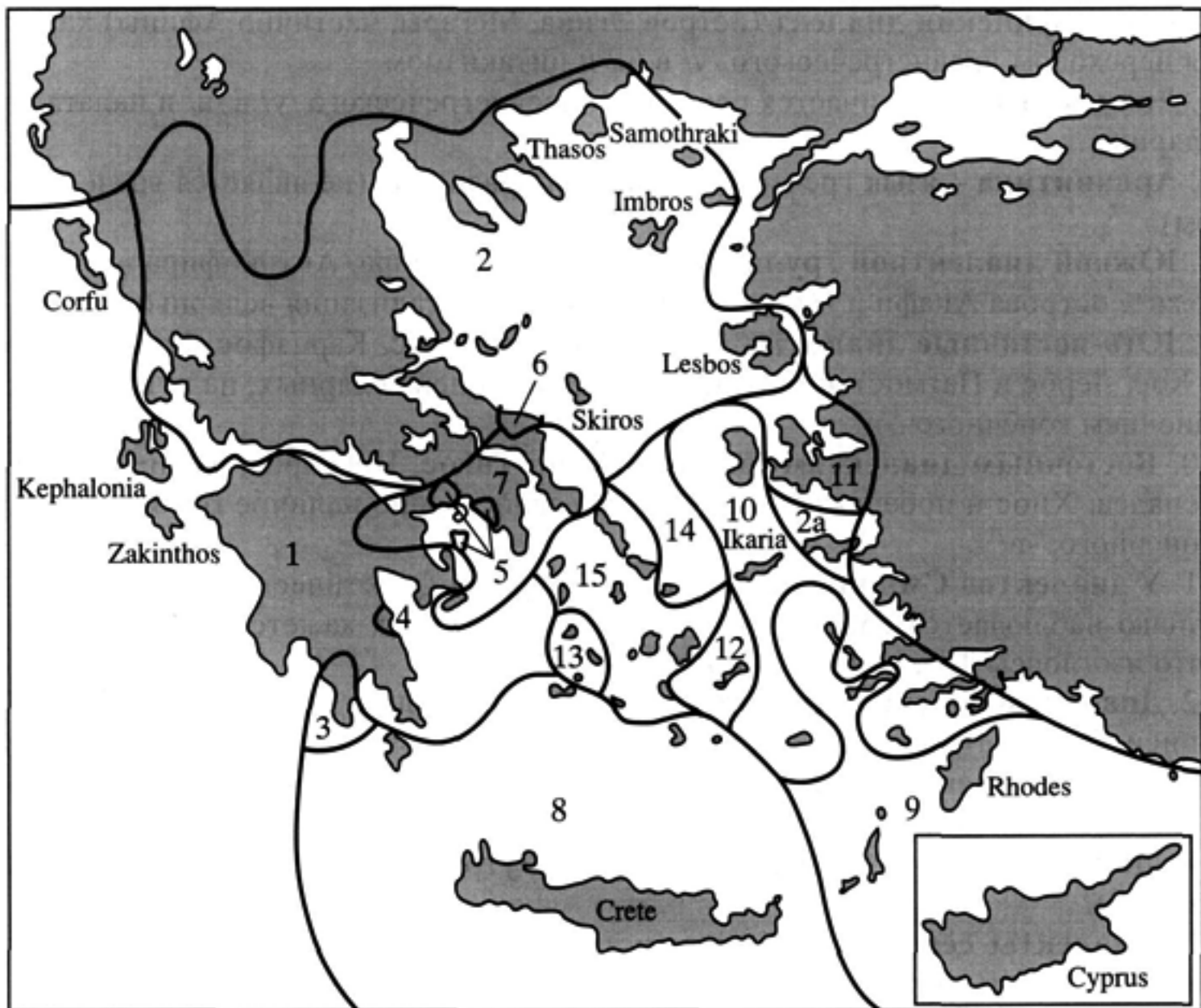

Рис 1. Карта диалектных групп Питера Традгилла [Trudgill 2003: 61]

картины распространения диалектов на территории Греции²⁰. Другой серьезный недостаток классификации Традгилла связан с тем, что в сферу его внимания не попали греческие диалекты вне Балкан, и это можно рассматривать как шаг назад по сравнению с работой Никоса Кондосопулоса.

Интересная попытка предложить ряд синтаксических параметров в качестве изоглосс принадлежит Анжелике Ралли [Ralli 2006].

Изоглосса 15. Модальное слово / частица или подчинительный союз перед глагольной группой вызывает препозицию местоименного дополнения в критском²¹:

(10) tí   na=   to=   káno
 INTRG   MOD   3N.SG.ACC   делать:PRS.1SG
 'как [мне] это сделать' [Kontosopoulos 1997],

²⁰ Например, очевидно, что сейчас ареал распространения албанского диалекта арванитов не совпадает с областью, отмеченной Традгиллом на рис. 1. Кроме того, неясно, почему на карту не попали другие негреческие диалекты Греции (славянские, арумунские), занимавшие не меньшую территорию, чем диалект арванитов.

²¹ Интересно, что в критском диалекте возможна препозиция местоименной клитики при императиве, что является типологически редким явлением и пока не зафиксировано в других греческих диалектах:

ἔνα   γαφέ   μοῦ=   κάμε
 INDF:N.SG.ACC   кофе:SG.ACC   1.SG.GEN   делать:IMP.PRS.2SG
 'кофе мне сделай' [Kontosopoulos 2001: 32].

в каппадокийском:

- (11) $\theta\alpha=$ $\sigma\epsilon=$ $\delta\acute{\omega}\kappa$ $\theta\eta\sigma\alpha\upsilon\rho\acute{o}$
FUT 2.SG.ACC давать:PRS.3SG сокровище:SG.ACC
'[он] тебе даст(/будет давать?) сокровище' [Karatsareas 2011: 88],

в кипрском:

- (12) $p\acute{e}rki$ $su=$ $ton=$ $\delta\acute{o}ki$
может быть 2.SG.GEN 3M.SG.ACC давать:PRS.3SG
'может быть, тебе его дает' [Agouraki 1998]

и в румейском языке:

- (13) $pa=$ $tu=$ $r\acute{a}y\upsilon m$
MOD/FUT 3M.SG.ACC вести:PRS.1PL
'его отведем' [Кисилиер 2009: 388],
(14) $\theta\alpha=$ $ta=$ $f\acute{a}y\upsilon$
FUT 3.PL.ACC есть:PRS.1SG
'их съем' [Там же].

Изоглосса 16. Использование сентенциальных энклитик (чаще всего *pa*) точно имеет место в понтийском, в диалекте приазовских греков и, по-видимому, на Крите²². Возможно, какие-то сентенциальные частицы употреблялись в греческом диалекте Корсики.

Изоглосса 17. Порядок слов в атрибутивной конструкции. В каппадокийском диалекте в атрибутивных конструкциях несогласованное определение ставится перед определяемым словом и оформляется родительным падежом:

- (15) $korit\acute{s}j\acute{u}$ to $sok\acute{a}x$
девочка:SG.GEN DEF:N.SG.NOM улица:SG.NOM
'улица девочки (букв. девочки улица)' [Janse (unpublished)].

Аналогичная модель наблюдается и в некоторых грекоязычных селах Приазовья:

- (16) $pink\acute{u}$ $trep\acute{i}$
мышь:SG.ATTR нора:SG
'мышьяная нора' [Викторова 2009: 205] (*pink\acute{o}* 'мышь'),
(17) $n\acute{i}xtas$ $p\acute{l}i$
ночь:SG.ATTR птица:SG
'ночная птица' [Там же] (*n\acute{i}xta* 'ночь'),
(18) $\acute{a}\theta\alpha\rho\upsilon$ $laxard\acute{i}$
человек:SG.ATTR речь:SG
'человеческая речь' [там же] (*\acute{a}\theta\alpha\rho\upsilon s* 'человек'),

где в атрибутивной форме видны явные следы пропавшего родительного падежа.

Изоглосса 18. В цепочке местоименных клитик косвенное дополнение предшествует прямому на Лесбосе (северногреческий диалект):

²² Очевидно, следует различать две омонимичные частицы *pa*: 1. *pa* (или *pal*) < *p\acute{a}li* 'опять, обратно' может прикрепляться к любой маркированной именной или глагольной группе [Кисилиер 2009: 385–388]; 2. *pa* < *p\acute{a}νω* 'на, наверху' употребляется исключительно с наречием места, ср. с примером с Закинфа: $\acute{\epsilon}\delta\acute{\omega}$ pa или $\acute{\epsilon}\delta\acute{\omega}$ pa 'именно здесь' (Картотека Центра диалектологии афинской академии наук (Κέντρο Διαλεκτολογίας Ακαδημίας Αθηνών), ящик № 757).

- (19) $\delta\omicron$ =mi   =tu
 давать:IMP.AOR.2SG   1.SG.ACC   3N.SG.ACC
 ‘дай мне это’ [Ralli (в печати)],

в грико:

- (20) $d\acute{\iota}zze$ -tu   to
 показывать:IMP.PRS.2SG   3M.SG.ACC   =3N.SG.ACC
 ‘покажи ему это’ [Rohlf 1977]

и в румейском:

- (21) $\delta\acute{\iota}xnu$ =sas   =tu
 показывать:PRS.1SG   2.PL.ACC   3N.SG.ACC
 ‘показываю вам это’ [Кисилиер 2009: 390]²³.

Как видно из (19) и (21), в диалекте Лесбоса и в румейском порядок слов играет ключевую роль в различении прямого и косвенного дополнений, выраженных винительным падежом (см. выше изоглоссу 13). Интересно, что в каппадокийском, где прямое и косвенное дополнения также выражаются винительным падежом (см. табл. 2), возможны два варианта: (а) косвенное дополнение предшествует прямому:

- (22) $\acute{\iota}fares$ =ta   =mas
 нести:AOR.2SG   3N.PL.ACC   1.PL.ACC
 ‘[ты] принес это нам’ [Janse 1998: 268];

(б) косвенное дополнение следует за прямым:

- (23) $\acute{\iota}fara$ =sis   =ta
 нести:AOR.1SG   2.PL.ACC   3N.PL.ACC
 ‘[я] привел вам их’ [Ibid.].

Перечисление разнообразных диалектных фонетических, морфологических и синтаксических особенностей можно было бы продолжить²⁴, однако, как представляется, современная новогреческая диалектология должна коренным образом переосмыслить свои задачи и инвентарь. Прежде всего, необходимо выработать релевантный набор параметров, основанных не на возведении отдельных (и часто случайно выбранных) явлений в ранг изоглоссы, а на сравнительном анализе уже имеющегося в распоряжении диалектологов материала, а потом уже на основании этих параметров разработать анкеты для проведения полевых исследований. Перспективность такого подхода демонстрирует

²³ При препозиции местоименных клитик порядок дополнений (по крайней мере, в румейском) сохраняется:

sas=   tu=   léyu   ruméika
 2.PL.ACC   3M/N?.SG.ACC   говорить:PRS.1SG   румейский:PL
 ‘вам это говорю по-румейски’ [Кисилиер 2009: 390].

²⁴ В частности, можно привести интересный пример из северногреческого идиома Эратире:

λύσι-μέ-τι
 развязывать:AOR|1.SG.ACC|IMP.2PL
 ‘развяжите меня’ [Лопашов 2006: 162],

где наблюдается очевидный албанизм – инкорпорирование местоименного дополнения между основой и окончанием. Правда, данное явление имеет место не во всех северногреческих диалектах, ср.:

лесбосск. $\delta\acute{\omicron}ti$ =mi   =tu
 давать:IMP.AOR.2PL   1.SG.ACC   3N.SG.ACC
 ‘дайте мне это’ [Ralli (в печати)].

Изогlossen Ралли и новогреческие диалекты

Изоглосса	пел.-нон.	сев.-греч.	староафинск.	критск.	юго-вост.	цаконск.	каппадок.	южноитал.	понтійск.	румейск.
15. препозиция местоимения после союза / частицы / модального слова	?	-	?	+	+?	-?	+	-?	-	+
16. сентенциальная энклитика	-?	-?	?	+	?	-?	?	-?	+	+
17. атрибутивная форма стоит в препозиции и совпадает с GEN	?	?	?	?	?	-?	+	?	-?	+
18. в цепочке клитик косвенное дополнение предшествует прямому	?	+	?	+?	+?	+?	+/-	+	?	+

опыт МДАБЯ (см., например, [Соболев 1998; 2005; 2009; Домосилецкая 2010])²⁵: в результате получают изоглоссные карты, которые можно накладывать друг на друга, получая границы ареалов распространения диалектов и диалектных групп. При этом, естественно, придется строго разделять современную и историческую диалектологию. Последнее можно проиллюстрировать на материале цаконского диалекта, в котором произошли заметные фонетические изменения. Вот некоторые из них:

1. переход /θ/ в /s/: новогреч. *θυγατέρα* 'дочь' > цаконск. *sáti* [Архив 2010–2012];

2. переход /pi/ в /ki/: новогреч. *πίσω* 'позади' > цаконск. *kísu* [Там же];

3. выпадение интервокального /-l-/ перед заднеязычным: новогреч. *καλά* 'хорошо' > цаконск. *ka* [Там же].

Указанные изменения отличают цаконский от других греческих диалектов, однако, как показали исследования, проведенные в области распространения цаконского диалекта в 2010–2011 гг., не все эти фонетические процессы сейчас действуют. Так, переход /pi/ в /ki/ и выпадение интервокального /-l-/ фиксируются и в новых заимствованиях: новогреч. *πισίνα* 'бассейн' > цаконск. *kisína* [Там же], новогреч. *δασκάλα* 'учительница' > цаконск. *δaská* [Там же], но перехода /θ/ в /s/ уже не наблюдается: новогреч. *στήθος* 'грудь' > цаконск. *stíθi* [Там же]. По-видимому, релевантными изоглоссами надо считать изменения типа 2 и 3, которые происходят и сегодня. Изменения же типа 1 следует, скорее, рассматривать в рамках исторической диалектологии, так как они не являются продуктивными изоглоссами, хотя и остаются важной отличительной особенностью.

Кроме того, критерием изоглоссы, вероятно, следует считать актуальность параметра для более чем одного диалекта. Так, например, едва ли есть смысл считать изоглоссой препозицию местоименной клитики при императиве (см. сноску 21), поскольку данное явление характерно только для Крита. В противном случае изоглоссы перестанут способствовать объединению диалектов в диалектные группы, а превратятся исключительно в дифференциальные признаки. Таким образом, имеет смысл различать изоглоссы и диалектные особенности и возводить в изоглоссы лишь такие параметры, которые демонстрируют не только различия между диалектами, но и сходства.

²⁵ Параметры описания, выработанные в рамках МДАБЯ, были уже удачно опробованы на греческом материале [Leluda-Foss 2006]. Тем не менее представляется, что они не вполне подходят для греческих диалектов, поскольку направлены на поиск балканизмов, а большинство греческих диалектных явлений как раз оказываются антибалканизмами [Соболев 2011; 2012].

Не вызывает сомнений, что при создании диалектных карт необходимо учитывать диалектные данные приазовских греков, грекоязычных жителей Турции, носителей грико, греков Украины, Албании и Болгарии и проч. Остается надеяться, что в XXI в. новогреческая диалектология наконец-то шагнет на новый уровень, тем более что технические предпосылки для этого уже есть. Например, в Патрах была разработана база данных для греческих диалектов GRED, позволяющая сразу интегрировать введенные данные с географической картой [Ralli et al. 2010]. Дело осталось за малым – получить достаточное количество релевантных данных.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

каппадок.	каппадокийский диалект	родосск.	родосский диалект
кипрск.	кипрский диалект	румейск.	румейский язык
критск.	критский диалект	сев.-греч.	северногреческие диалекты
лесбосск.	лесбосский диалект	староафинск.	староафинский диалект
мегарск.	мегарский диалект	цаконск.	цаконский диалект
новогреч.	новогреческий язык	юго-вост.	юго-восточные диалекты
пел.-ион.	пелопоннесско-ионийская группа	южноитал.	греческие диалекты Италии
понтйск.	понтйский диалект		
1	1 лицо	INTRG	вопросительное местоимение
2	2 лицо	IPF	имперфект
3	3 лицо	M	мужской род
ACC	винительный / косвенный падеж	MOD	модальная частица
AOR	аорист	N	средний род
ATTR	атрибутивная форма	NOM	именительный падеж
CNJ	союз	PL	множественное число
COP	глагол-связка	POSS	притяжательное местоимение
DEF	определенный артикль	PRS	настоящее время
DEM	указательное местоимение	SG	единственное число
F	женский род	=	показатель клитики
FUT	будущее время		граница инкорпорирования
GEN	родительный падеж	< >	плеонастический элемент
IMP	императив	[ ]	добавлено для понимания
INDF	неопределенный артикль		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив 1998–2000 – Архив МДАБЯ в МАЭ «Кунсткамера» РАН. Греция, Западная Македония, село Эратира. Собиратели: А.Б. Борисова, А.Н. Соболев, В.В. Зайковский, Т.А. Зайковская, Ю.А. Лопашов. Материал собран в 1998–2000 гг.
- Архив 2003–2005 – Диалектный архив Греческого института СПбГУ. Приазовье. Руководители экспедиций: Е.В. Перехвальская, А.А. Новик, М.Л. Кисилиер. Материал собран в 2003–2005 гг.
- Архив 2010–2012 – Диалектный архив Греческого института СПбГУ. Цакония (Пелопоннес). Собиратели: Д.В. Агафонова, С.В. Выдрина, Н.А. Драгункина, В.В. Федченко, М.Л. Кисилиер. Материал собран в 2010–2012 гг.
- Викторова 2009 – *К.В. Викторова*. Именная система (Глава 8) // М.Л. Кисилиер (отв. ред.). Язык и культура мариупольских греков. Т. 1. Лингвистическая и этнокультурная ситуация в селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов. СПб., 2009.
- Домосилецкая 2010 – *М.В. Домосилецкая*. Малый диалектологический атлас балканских языков. Сер. лексическая. Т. IV. Ландшафт. Мюнхен; СПб., 2010.
- Елоева 2004 – *Ф.А. Елоева*. Понтйский диалект в синхронии и диахронии. СПб., 2004.
- Кисилиер 2009 – *М.Л. Кисилиер*. Порядок слов (Глава 12) // М.Л. Кисилиер (отв. ред.). Язык и культура мариупольских греков. Т. 1. Лингвистическая и этнокультурная ситуация в селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов. СПб., 2009.

- Кисилиер (в печати) – *М.Л. Кисилиер*. Об аналитических формах презенса и имперфекта в цаконском диалекте новогреческого языка // М.Л. Кисилиер, А.Ю. Русаков (отв. ред.). Балканистика. Византинистика. Неозллинистика. Вып. 1. В печати.
- Кисилиер и др. (в печати) – *М.Л. Кисилиер, А.А. Новик, А.Н. Соболев*. Этнолингвистические и диалектологические наблюдения из Дропула (Албания). По материалам российской экспедиции 2009 г. // М.Л. Кисилиер, А.Ю. Русаков (отв. ред.). Балканистика. Византинистика. Неозллинистика. Вып. 1. В печати.
- Кисилиер, Федченко 2010 – *М.Л. Кисилиер, В.В. Федченко*. «Евангелие Любви» (Иоанн 20: 19–25): цаконский вариант // Н.Н. Казанский (отв. ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 14. Ч. 2. Материалы чтений, посвящ. памяти проф. И.М. Тронского. 21–23 июля 2010 г. СПб., 2010.
- Кисилиер, Федченко 2011а – *М.Л. Кисилиер, В.В. Федченко*. К вопросу о мягких согласных в цаконском диалекте новогреческого языка // Н.Н. Казанский (отв. ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 15. Материалы чтений, посвящ. памяти проф. И.М. Тронского. 20–22 июня 2011 г. СПб., 2011.
- Кисилиер, Федченко 2011б – *М.Л. Кисилиер, В.В. Федченко*. О языке новогреческой литературы // Н.Н. Казанский (отв. ред.). *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2011. Т. VII. Ч. 1.
- Лопашов 2006 – *Ю.А. Лопашов*. Об одном албанизме в северногреческом говоре // А.Ю. Русаков (отв. ред.). Проблемы балканской филологии: Сб. статей. СПб., 2006.
- Сергиевский 1934 – *М.В. Сергиевский*. Мариупольские греческие говоры. Опыт краткой характеристики // Известия АН СССР. 1934. Т. 7.
- Соболев 1998 – *А.Н. Соболев*. К обоснованию проекта малого диалектологического атласа балканских языков // А.Н. Соболев (ред.). Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы второго рабочего совещания. Санкт-Петербург, 19 декабря 1997 г. СПб., 1998.
- Соболев 2005 – *А.Н. Соболев*. Малый диалектологический атлас балканских языков. Сер. грамматическая. Т. I. Категория имени существительного. Мюнхен, 2005.
- Соболев 2009 – *А.Н. Соболев*. Малый диалектологический атлас балканских языков. Сер. лексическая. Т. III. Животноводство. Мюнхен; СПб., 2009.
- Соболев 2011 – *А.Н. Соболев*. Антибалканизмы // *Јужнословенски филолог*. 2011. Т. LXVII.
- Соболев 2012 – *А.Н. Соболев*. Греческие диалекты в балканском контексте (по данным МДА-БЯ). Докл., прочитанный на рабочей конф. по греческой диалектологии. Греческий институт СПбГУ/ИЛИ РАН, 28 мая 2012 г.
- Соколов 1930 – *И.И. Соколов*. О языке греков Мариупольского и Сталинского округов // *Язык и литература*. 1930. № 6.
- Чернышева 1958 – *Т.Н. Чернышева*. Новогреческий говор сел Приморского (Урзуфа) и Ялты, Первомайского района Сталинской области. Исторический очерк и морфология глагола. Киев, 1958.
- Agouraki 1998 – *Y. Agouraki*. The position of clitics in Cypriot Greek // A. Ralli, B.D. Joseph, M. Janse (eds.). *Proceedings of the First international conference of Modern Greek dialects and linguistic theory*. Patras, 1998.
- Blanken 1951 – *G. Blanken*. *Les Grecs de Cargèse (Corse). Recherches sur leur langue et sur leur histoire*. Leyde, 1951.
- Dawkins 1916 – *R.M. Dawkins*. *Modern Greek in Asia Minor. A study of the dialects of Silli, Cappadocia and Phárasa with grammar, texts and glossary*. Cambridge, 1916.
- Deffner 1881 – *M. Deffner*. *Zakonische Grammatik*. V. I. Lautlehre. Berlin, 1881.
- Hatzidakis 1892 – *G. Hatzidakis*. *Einleitung in die neugriechische Grammatik*. Leipzig, 1892.
- Hodot 2000 – *R. Hodot*. *Dialectes grecs anciens et dialectes grecs modernes* // М. Αραποπούλου (επιμ. έκδ.). *Η Ελληνική γλώσσα και οι διάλεκτοί της*. Αθήνα, 2000.
- Janse 1998 – *M. Janse*. Cappadocian clitics and the syntax-morphology interface // B.D. Joseph, G. Horrocks, I. Philippaki-Warbuton (eds.). *Themes in Greek linguistics II*. Amsterdam, 1998.
- Janse (unpublished) – *M. Janse*. Cappadocian // Χρ. Τζιτζιλής (εκδ.). *Νεοελληνικοί διάλεκτοι*. Unpublished.
- Karanastasis 1977 – *A. Karanastasis*. *Γραμματική των Ελληνικών Ιδιωμάτων της Κάτω Ιταλίας*. Αθήνα, 1977.
- Karatsareas 2011 – *P. Karatsareas*. *A study of Cappadocian Greek nominal morphology from a diachronic and dialectological perspective*. PhD diss. Cambridge, 2011.
- Katsoyannou 1999 – *M. Κατσογιάννου*. Το ιδίωμα της Καλαβρίας // Ε. Καραντζόλα (επιμ. έκδ.). *Διαλεκτικοί θύλακοι της Ελληνικής γλώσσας*. Αθήνα, 1999.

- Kisilier et al. (в печати) – *M.L. Kisilier, A.A. Novik, A.N. Sobolev*. Studime etnolingvistike dhe dialektologjike në terren në Dropull, Shqipëri. Materialet e ekspeditës ruse të vitit 2009. В печати.
- Kontosopoulos 1988 – *N.G. Kontosopoulos*. Γλωσσικός Άτλας της Κρήτης. Ηράκλειον, 1988.
- Kontosopoulos 1997 – *N.G. Kontosopoulos*. Θέματα Κρητικής διαλεκτολογίας. Αθήνα, 1997.
- Kontosopoulos 2001 – *N.G. Kontosopoulos*. Διάλεκτοι και ιδιώματα της νέας ελληνικής. Αθήνα, 2001.
- Kontosopoulos 2010 – *N.G. Kontosopoulos*. Οι Νεοελληνικές διάλεκτοι // *M.Z. Κοπιδάκης* (επιστ. επιμ.). Ιστορία της Ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 2010.
- Kostakis 1951 – *A.Π. Κωστάκης*. Σύντομη Γραμματική της Τσακωνικής Διαλέκτου. Αθήνα, 1951.
- Kretschmer 1905 – *P. Kretschmer*. Der heutige lesbische Dialekt. Wien, 1905.
- Kyriazis, Spyrou 2011 – *Δ. Κυριαζής, Α.Η. Σπύρου*. Τα Ελληνικά γλωσσικά ιδιώματα της Αλβανίας // Νεοελληνική διαλεκτολογία. 2011. Τ. 6.
- Leluda-Foss 2006 – *Ch. Leluda-Foss*. Die südgriechische Mundart von Kastelli (Peloponnes). Morphosyntax und Syntax. Lexik. Ethnolinguistik. Texte. München, 2006.
- Mackridge 1987 – *P.H. Mackridge*. Greek-speaking Moslems of North-East Turkey: Prolegomena to a study of the Ophitic sub-dialect of Pontic // *Byzantine and Modern Greek studies*. 1987. V. 11.
- Mackridge 1999 – *P.H. Mackridge*. Η Ελληνοφωνία στην περιοχή του Όφη (Πόντος) // *Ε. Καραντζόλα* (επιμ. έκδ.). Διαλεκτικοί θύλακοι της Ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 1999.
- Mackridge 2009 – *P.H. Mackridge*. Language and national identity in Greece, 1766–1976. Oxford, 2009.
- Mirambel 1929 – *A. Mirambel*. Études descriptive du parler maniote méridional. Paris, 1929.
- Newton 1972 – *B. Newton*. The generative interpretation of the dialect. A study of Modern Greek phonology. Cambridge, 1972.
- Oikonomidis 1958 – *Δ.Η. Οικονομίδης*. Γραμματική της Ελληνικής διαλέκτου του Πόντου. Αθήνα, 1958.
- Pernot 1934 – *H. Pernot*. Introduction à l'Étude du Dialecte Tsakonien. Paris, 1934.
- Profili 1999a – *Ο. Προφίλη*. Η αναζωογόνηση της Grico στην Grecia Salentina // *Ε. Καραντζόλα* (επιμ. έκδ.). Διαλεκτικοί θύλακοι της Ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 1999.
- Profili 1999b – *Ο. Προφίλη*. Η Ελληνική στη Νότια Ιταλία // *Ε. Καραντζόλα* (επιμ. έκδ.). Διαλεκτικοί θύλακοι της Ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 1999.
- Prombonas 1963 – *Ι.Κ. Προμπονάς*. 'Ο ροτακισμός και ή ιδιότυπος προφορά του φθόγγου λ εις τὸ γλωσσικὸν ἰδίωμα Φιλωτοῦ της Νάξου // 'Επετηρίς 'Εταιρείας Κυκλαδικῶν Μελετῶν. 1963. Τ. 3.
- Ralli 2006 – *A. Ralli*. Syntactic and morphosyntactic dialectal phenomena in Modern Greek: The state of the art // *Journal of Greek linguistics*. 2006. № 7.
- Ralli (в печати) – *A. Ralli*. Η διάλεκτος των Κυδωνίων και Μοσχονησίων: Μια πρώτη προσέγγιση. В печати.
- Ralli et al. 2010 – *A. Ράλλη, Δ. Παπαζαχαρίου, Α. Καρασίμος*. Εργαστήριο Νεοελληνικῶν διαλέκτων και η βάση δεδομένων GREED // *A. Ralli, B.D. Joseph, M. Janse, A. Karasimos* (eds.). Proceedings. 4th International conference of Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT4), Chios, 11–14 June 2009. Patras, 2010.
- Rohlf 1977 – *G. Rohlf*. Grammatica storica dei dialetti italogreci. München, 1977.
- Spyrou 2008 – *Α.Η. Σπύρου*. Το Ελληνικό γλωσσικό ιδίωμα της περιοχής Δελβίνου και Αγίων Σαράντα. Αθήνα, 2008.
- Triantafyllidis 1938 – *Μ. Τριανταφυλλίδης*. Νεοελληνική γραμματική. Ιστορική εισαγωγή. Αθήνα, 1938.
- Trudgill 2003 – *P. Trudgill*. Modern Greek dialects. A preliminary classification // *Journal of Greek linguistics*. 2003. № 4.
- Tsokalidou 1999 – *Ρ. Τσοκαλίδου*. Οι ελληνόφωνοι Κρητικοί στον Λίβανο και στη Συρία // *Ε. Καραντζόλα* (επιμ. έκδ.). Διαλεκτικοί θύλακοι της Ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 1999.
- Tzitzilis 1999 – *Χ. Τζιτζιλής*. Το γλωσσικό ιδίωμα των Σαρακατσάνων της Βουλγαρίας // *Ε. Καραντζόλα* (επιμ. έκδ.). Διαλεκτικοί θύλακοι της Ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 1999.
- Tzitzilis 2000 – *Χ. Τζιτζιλής*. Νεοελληνικές διάλεκτοι και Νεοελληνική διαλεκτολογία // *Μ. Αραποπούλου* (επιμ. έκδ.). Η Ελληνική γλώσσα και οι διάλεκτοί της. Αθήνα, 2000.

Сведения об авторе:

Максим Львович Кисилиер
СПбГУ, ИЛИ РАН
kisimac@gmail.com

Статья поступила в редакцию 5.06.2012

© 2013 г. А.П. ВЫДРИН

ДВЕ КОНСТРУКЦИИ ВОЗМОЖНОСТИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ*

Статья посвящена рассмотрению двух неизвестных грамматикам модальных конструкций в литературном осетинском языке. Конструкции являются специализированными средствами выражения неэпистемической возможности; одна из конструкций выражает внутреннюю возможность, другая – внешнюю (в терминах работы [van der Auwera, Plungian 1998]).

В статье рассматриваются морфосинтаксис, семантика и происхождение конструкций, проводится сравнение осетинских конструкций с дативно-инфинитивной конструкцией в русском языке (*Вам не победить нашего чемпиона*). Типологическая ценность обнаруженных конструкций заключается в том, что они представляют собой уникальный внутри ирано-кавказского языкового ареала случай грамматического противопоставления значений внешней и внутренней возможности, противопоставления с помощью специализированных средств. Осетинские конструкции возможности позволяют на уровне грамматики обосновать выделение внутри зоны не-эпистемической возможности значений внутренней и внешней возможности.

Исследование проведено на материале Осетинского национального корпуса (www.cogrus.ossetic-studies.org, 5 млн словоупотреблений на момент написания статьи), корпуса осетинских устных текстов (<http://ossetic-studies.org/ru/texts>, более 50 000 словоупотреблений), а также данных, полученных от носителей осетинского языка в период с 2008 по 2011 г.

Ключевые слова: иранские и кавказские языки, осетинский язык, ареальная типология, модальность

The article is a corpus-based study of two modal constructions in Iron Ossetic; both of them are not mentioned in standard grammars. One of the constructions conveys participant-external possibility and the other one – participant-internal possibility (in terms of [van der Auwera, Plungian 1998]). I examine morpho-syntactic and semantic peculiarities of the constructions and compare them to the Russian dative-infinitive construction. I also consider grammatical means for participant-external and participant-internal possibilities in other Caucasian and Iranian languages and propose grammaticalization paths of the Ossetic possibility constructions. The typological value of the discovered Ossetic constructions is a grammatical opposition of participant-internal possibility and participant-external possibility; a kind of opposition which to the best of my knowledge has not been attested in the typology of modality. The Ossetic possibility constructions support, on grammatical grounds, the division of non-epistemic possibility to participant-internal and participant-external possibilities, the division which, according to typological studies of modality, was first made mainly on semantic grounds.

Keywords: Iranian and Caucasian languages, Ossetic language, areal typology, modality

* Исследование проведено при финансовой поддержке грантов РГНФ № 09-04-00168а, 09-04-00366а, 11-04-00179а, РФФИ № 11-06-00512а, а также Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика», проекты «Национальный корпус осетинского языка: расширение и развитие» и «Устный корпус основных диалектов современного осетинского языка».

Я благодарен В.А. Плунгяну, В.Ф. Выдрину и О.И. Беляеву, а также анонимному рецензенту за прочтение предварительных версий статьи и ценные замечания.

1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА ВОЗМОЖНОСТИ

Возможность является одним из ключевых значений семантической зоны модальности. Как известно, существуют разные подходы к классификации основных модальных значений, ср., например, наиболее известные типологические работы по модальности [Bybee et al. 1994; van der Auwera, Plungian 1998; Palmer 2001], см. также обзорные статьи [Nuys 2005; 2006]. В настоящей работе я буду исходить главным образом из следующей классификации и терминов, предложенных Й. ван дер Ауверой и В. Плунгяном [van der Auwera, Plungian 1998]:

Modality: possibility and necessity

Possibility and necessity: non-epistemic and epistemic

Non-epistemic possibility: participant-internal and participant-external possibility (the latter has a special submeaning of deontic possibility)

Й. ван дер Аувера и В. Плунгян понимают модальность как обширную семантическую зону с двумя основными значениями: возможности и необходимости. Оба значения могут быть эпистемическими или не-эпистемическими (далее для не-эпистемической модальности я буду использовать термин «динамическая модальность»). Под эпистемической модальностью подразумевается оценка со стороны говорящего степени вероятности осуществления ситуации. В случае эпистемической возможности говорящий считает, что ситуация, описанная в предложении, возможна (например: *«Твой сын должен служить, возможно, когда-то он даже станет генералом»*, – сказал полковник и зачислил единственного сына расплакавшейся матери в военно-воздушные войска). В свою очередь, динамическая модальность никак не связана с оценкой говорящего и описывает внутренние свойства участников ситуации или внешние обстоятельства, делающие ситуацию возможной или необходимой. Динамическую возможность Й. ван дер Аувера и В. Плунгян разделяют на внутреннюю (participant-internal possibility) и внешнюю возможность (participant-external possibility); выделяется также подвид внешней возможности – деонтическая возможность. Внутренняя возможность выражает свойства контролирующего участника ситуации (как правило, субъекта), его умения, способности, физические возможности (например, *Этот шахматист настолько хорошо играет, что способен обыграть всех своих соперников*). Под внешней возможностью имеются в виду внешние обстоятельства, окружающая обстановка, моральные нормы, позволяющие контролирующему участнику ситуации (как правило, субъекту) осуществить ситуацию, описанную в предложении (например, *Пробок нет – мы можем доехать до дома всего за полчаса*). Частным значением внешней возможности является деонтическая возможность, которая определяется как позволение или запрет, исходящий от говорящего, обусловленный внешними обстоятельствами, обычно моральными или общественными нормами (например, *Здесь курить нельзя; Можете оставаться у меня, сколько хотите*).

В лингвистической литературе существуют также более дробные классификации значения возможности, подходящие для описания данных отдельных языков, однако не прошедшие типологическую апробацию (см., например, работу [Kiefer 1988], в которой рассматривается материал венгерского языка). В настоящей работе возможность будет разделяться только на динамическую (внутреннюю, внешнюю и частное значение внешней возможности – деонтическую возможность) и эпистемическую.

2. ДИНАМИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В осетинском языке динамическая возможность может выражаться лексически, морфологически и синтаксически. Из лексических средств следует отметить модальные глаголы, среди которых наиболее употребительными являются следующие: *амбалын* (передает значение деонтической возможности), *фаразын* (внутренняя возможность), *арыхсын* (внутренняя возможность, умение), *зонын* (внутренняя возможность, умение),

бон уæвын (внутренняя возможность, внешняя возможность, деонтическая возможность, эпистемическая возможность). Ниже приводится пример¹ на употребление глаголов *зон* и *арæхсын*:

- (1) Зон   фысс-ын   политикон   темæ-т-ыл,   спорт-ы   тыххæй,
 знать.IMP.2SG   писать.PRS-INF   политический   тема-PL-SUPER   спорт-GEN   о
 арæхс   тæлмац   кæн-ын-мæ...
 мочь.IMP.2SG   перевод   делать.PRS-INF-ALL
 ‘Умей писать на политические темы, о спорте, умей переводить’ (Мах дуг. 2004. № 3. С. 109).

Морфологическими средствами выражения динамической возможности в осетинском языке являются глагольно-именной суффикс *-хъом* и формы отдельных наклонений.

В специальных исследованиях модальности осетинского языка (например, [Техов 1970]) *хъом* упоминается только как составная часть сложного предиката *хъом уæвын* ‘быть в состоянии’ (*хъом* и глагол *уæвын* ‘быть’). Однако линейно-синтагматические свойства *хъом* показывают, что *хъом* не является отдельной лексемой (*хъом* лишен свойства автономности) и даже клиткой (*хъом* может быть ударным), а функционирует как отдельный суффикс. Ниже приводятся примеры на глагольное (2) и именное (3) употребление *-хъом*.

- (2) А-хæт-ын-хъом   с-дæ,   æмæ   дæ
 PREF-отправляться.в.путь.PRS-INF-POT   PREF-быть.PRS.2SG   и   POSS.2SG
 фæндæг-т-ыл   фæсмон   ма-куы   фæ-кæн
 путь-PL-SUPER   сожаление   NEG-когда   PREF-делать.IMP.2SG
 ‘Ты смог отправиться в путь, так никогда не сожалеешь о своих дорогах’ (Мах дуг. 2001. № 5. С. 130).

- (3) Ам   уæлыгæс-хъом   и
 здесь   пастух.ягнят-рот   EXT
 букв. ‘Здесь есть (кто-то) способный пасти ягнят’.

Нужно отметить, что при глагольном употреблении *-хъом* присоединяется к инфинитивной форме глагола, однако в случае сложного глагола (глагольно-именных словосочетаний, демонстрирующих большую степень акцентологического и морфосинтаксического единства, более подробно см. [Гращенко 2010; Выдрин 2011]) глагольная компонента в форме инфинитива может опускаться, тогда *-хъом* присоединяется к именной компоненте. Например, *ба-ххуыс кæнын* (PREF-помощь делать) ‘помогать’ – *дын нын ба-ххуыс-хъом дæ?* (ты 1PL.ENCL.DAT PREF-помощь-POT быть.PRS.2SG) ‘ты в состоянии нам помочь?’.

Другими морфологическими средствами передачи значений внешней и внутренней возможности в осетинском языке являются формы будущего времени индикатива (внутренняя возможность (4)), а также формы императива (внешняя возможность (5)), оптатива (внутренняя возможность (6)) и контрафактива (внутренняя возможность (7), внешняя возможность (8)).

- (4) Æз   с-ис-дзынæн   фæндзай   килограмм-ы
 я   PREF-брат.PRS-FUT.1SG   пятьдесят   килограмм-GEN

¹ Примеры, цитирующиеся в статье и не имеющие ссылки на источник, собраны мной в ходе полевой работы в Республике Северная Осетия – Алания в 2008–2011 гг. Я благодарен Залине Дзуцевой, Ангелине Гусаловой, Мадине Дарчиевой, а также всем остальным информантам, с которыми работал. Полную ответственность за возможные неточности в осетинских примерах несет автор настоящей статьи.

‘Я подниму пятьдесят килограммов’ = ‘Я могу поднять пятьдесят килограммов’.

(5) Ацы бынæ-тт-ы вæйй-ы уыйас зокъо-тæ æмæ дзы
этот место-PL- INESS бывать.PRS-PRS.3SG столько гриб-PL.NOM и 3PL.ENCL.
ABL
фæнд-ы сæдæ боцкъа-йы дæр ны-цæхджын кæн
хотеть.PRS-PRS.3SG сто бочка-GEN FOC PREF-соленый делать.IMP.2SG
‘В этих местах бывает столько грибов, что хоть сто бочек засаливай’ (= ‘можно засолить’).

(6) Ды с-ис-ис сæдæ килæ-йы
ты PREF-братъ.PRS-OPT.2SG сто килограмм-GEN
‘Ты [вообще] поднял бы сто килограммов?’

(7) Ды с-ис-т-аис сæдæ килæ-йы
ты PREF-братъ-TR-CNTRF.2SG сто килограмм-GEN
‘Ты поднял бы сто килограммов?’ (например, вчера на тренировке)

(8) Мад æмæ ма йæ фыд а-гуыр-д-т-ой,
мать и EMPH POSS.3SG отец PREF-искать.PST-TR-PST.3PL
æмæ ма йæ кæцæй сс-ард-т-аиккой?
и EMPH 3SG.ENGL.GEN откуда PREF-находить.PST-TR-CNTRF.3PL

[Мальчика унес орел.] ‘Его мать и отец искали его, но откуда же они нашли бы его (букв. «как же они могли бы его найти»)?’ [Устный текст «Сказка про мальчика и орла», 10.1, <http://ossetic-studies.org/corpus/iron/boy-eagle-ru.pdf>].

Синтаксическими средствами выражения динамической возможности в осетинском языке являются специализированные конструкции внутренней и внешней возможности, одна из конструкций состоит из отглагольного имени на *-æн* и вспомогательного глагола (9), другая – из инфинитива, маркированного дативом, и вспомогательного глагола (10).

(9) Мæнæн сæумæ-райсом нуаз-æн нæй
я.DAT утром-утро пить.PRS-NMLZ NEG.EXT
‘Мне по утрам пить нельзя’ (= ‘запрещено’) [Техов 1970: 81].

(10) Кус-ын-æн дæн
работать.PRS-INF-DAT быть.PRS.1SG
‘Я могу работать’ = ‘Я в состоянии работать’.

В грамматиках осетинского языка [Шёгрэн 1844; Гагкаев 1952; Абаев 1959; Миллер 1962; Ахвледиани 1963; Бенвенист 1965 (Benveniste 1959); Багаев 1965] не упоминаются эти конструкции возможности. Однако у отглагольного имени на *-æн* (которое используется в конструкции внешней возможности) в качестве одного из значений отмечается ‘возможность’. Например, *а-цæу-æн* (PREF-идти.PRS-NMLZ) ‘возможность пройти’, от *а-цæу-ын* (PREF-идти.PRS-INF) ‘пройти’ [Абаев 1959: 111–112]. Конструкция внешней возможности упоминается в магистерской диссертации Б. Хеттич [Hettich 2002: 68–69]. Единственной известной мне работой, в которой рассматриваются обе конструкции возможности, является монография Ф.Д. Техова [1970: 80–83], где кратко описывается образование конструкций и приводится небольшое количество примеров. Тем не менее описание синтаксических свойств, семантики и происхождения этих конструкций остается за рамками исследования Ф.Д. Техова.

В следующих двух разделах будут рассмотрены особенности конструкций внешней и внутренней возможности.

3. КОНСТРУКЦИЯ ВНЕШНЕЙ ВОЗМОЖНОСТИ

Конструкция внешней возможности состоит из основы настоящего времени смыслового глагола, маркированной суффиксом *-æн*, и вспомогательного глагола *уæвын* 'быть' в форме 3SG, изменяющегося по временам и наклонениям; при этом принципал² маркируется дативом, например:

(11) Бараташвили-йы	хъомысджын	курдиат-æн	пассивон	романтизм-ы
Бараташвили-GEN	мощный	талант-DAT	пассивный	романтизм-GEN
къуындæг	фæлгæт-т-ы	ба-цæу-æн	нæ	уыд
тесный	оправа-PL- INESS	PREF-идти.PRS-NMLZ	NEG	быть.PST.3SG

'Мощный талант Бараташвили не мог войти в тесные рамки пассивного романтизма' (Г.Г. Бестаев. Произведения. Т. 3. Владикавказ, 2004. С. 226).

Конструкция внешней возможности встречается как в текстах, так и в устной речи. Конструкция существует в обоих основных диалектах осетинского языка – иронском (который взят за основу литературной нормы) и дигорском. В настоящей статье я описываю свойства конструкции только в иронском диалекте, примеры ее употребления в дигорском диалекте см. в работе [Техов 1970: 81–82].

Вспомогательный глагол *уæвын* 'быть', помимо конструкции внешней возможности, может употребляться независимо, а также в других конструкциях с отглагольными дериватами: в конструкции внутренней возможности (конструкция будет описана в следующем разделе), в фацитивно-дифицитивной конструкции (13), проспективной конструкции, а также в пассивных и модально-пассивных конструкциях. *Уæвын* в том числе используется при образовании имперсональных глаголов. Конструкции с *уæвын* 'быть' подробно описаны в работе [Выдрин 2011].

В конструкции внешней возможности в настоящем времени индикатива вместо *уæвын* может употребляться хабитуальный глагол *вæййын* 'бывать, случаться'³ (12). Употребление *вæййын* вместо *уæвын* связано с изменением аспектуально-темпоральной характеристики предложения.

(12) Арæх нæ, фæлæ хатгай байхъусы «Голос Америкимæ», кæнæ «Немецкаæ волнамæ»
нæхионтæ сын сæ ныхæстæ хæр-хæры, дзыгъал-мыгъулы бын фæкæнынц, фæлæ
дзы уæддæр цыдæртæ равзарæн вæййы.

'Немного, но иногда он слушает «Голос Америки» или «Немецкую волну»; наши глушат их, однако все-таки что-то обычно можно выбрать' (Б.М. Гусалов. И воздастся каждому. Владикавказ, 2003. С. 92).

(12a) фæлæ	дзы	уæд-дæр	цыдæр-тæ
но	3PL.ENCL.ABL	тогда-FOC	что.то-PL.NOM
ра-взар-æн		вæйй-ы	
PREF-выбирать.PRS-NMLZ		бывать.PRS-PRS.3SG	
'но все-таки что-то обычно можно выбрать'			

Вспомогательный глагол *уæвын* 'быть' в конструкции внешней возможности может изменяться по всем временам и наклонениям, кроме императива (по крайней мере, в нашем корпусе современных письменных текстов не обнаружилось ни одного примера на употребление конструкции внешней возможности в форме императива).

² Под принципалом имеется в виду «главный участник, “герой” события, который в первую очередь ответствен за то, что событие имеет место» [Кибрик 2005: 147] (орфография источника сохранена).

³ Этот глагол имеет только форму настоящего времени индикатива.

Суффикс *-æн*, участвующий в формировании конструкции внешней возможности, образует отглагольные имена, которые могут употребляться в функции определения, например *фысс-æн дзаума-тæ* 'письменные принадлежности' (писать.PRS-NMLZ вещь-PL.NOM), или в качестве субстантивированного имени, например *хиз-æн* 'пастбище' (пасты.PRS-NMLZ). Помимо конструкции внешней возможности, форма на *-æн* используется только в так называемой фацитивно-дифицитивной конструкции (специальная конструкция со значением 'трудно / легко сделать', более подробно см. [Выдрин (в печати)]), которая состоит из лексем *зын* 'трудный' или *æнцон* 'легкий', деривата на *-æн* и вспомогательного глагола *уæвын* 'быть', согласующегося в лице и числе с пациентивным участником; агентивный участник маркируется дативом, ср.:

- (13) [Уыдон]   зын   ахс-æн   сты
они   трудный   ловить.PRS-NMLZ   быть.PRS.3PL
'Их сложно поймать' (букв. «Они трудно ловящиеся есть»).

В осетинских грамматиках и исследованиях нет единого мнения относительно того, как называть форму на *-æн* (см. подробную дискуссию в диссертации Х.А. Таказова [Таказов 1992: 108–137]). Далее отглагольные формы с суффиксом *-æн* я буду называть отглагольным именем, а суффикс *-æн* условно глоссировать NMLZ.

Небезынтересна этимология суффикса *-æн*, который, с одной стороны, омонимичен показателю датива, а с другой стороны, сближается по своим функциям с показателем инфинитива *-ын*. Происхождение суффиксов *-æн* и *-ын* подробно обсуждается в диссертации Х.А. Таказова [Таказов 1992: 108–137]. Ссылаясь на В.Ф. Миллера [Миллер 1962] и Э. Бенвениста [Бенвенист 1965 (Benveniste 1959)], Х.А. Таказов возводит *-æн* (образующий отглагольные имена) к арийскому отглагольному суффиксу *-anā* (ср. авест. *-anā*, скр. *-anā*, хотаносакск. *-na* [Чёнг 2008: 188]), а *-ын* – к арийскому суффиксу *-ina*. Падежный показатель *-æн* М.И. Исаев [Исаев 1987: 587] возводит к «дательному падежу общеарийского указательного местоимения» (авест. *aēt*, др.-инд. *ayāt*). Д. Вебер [Weber 1981: 130–133] считает, что показатель датива в осетинском языке восходит скорее к местоименному окончанию инструменталиса **(a)na*. Однако, как отмечает О. Беляев [Belyaev 2010: 299] вслед за Дж. Чёнгом [Cheung 2008], образование датива от местоименного показателя инструменталиса сомнительно по функциональным причинам – у осетинского датива нет инструментального значения. Скорее, происхождение осетинского датива связано с послелогом **ana/u* [Ibid: 91].

Согласно грамматикам, датив, использующийся в конструкции внешней возможности, главным образом употребляется в осетинском языке для обозначения адресата, каузируемого (когда каузатив образуется от переходного глагола), посессора в конструкции с внешним посессором (например, *лæг-æн йæ куыст* (человек-ДАТ POSS.3SG работа) 'работа человека') и посессора в конструкции неотчуждаемой принадлежности (о неотчуждаемой и отчуждаемой принадлежности в осетинском см. работу [Belyaev 2010: 314–316]). Конструкция неотчуждаемой принадлежности будет важна для определения происхождения осетинских конструкций возможности (раздел 9). Рассмотрим кратко эту конструкцию (14).

- (14) Сымах   ма   мын   уыдыстут,
вы   емрн   1SG.ENCL.DAT   быть.PST.2PL
ныр   та   мын   ничи-уал   и
сейчас   CONTR   1SG.ENCL.DAT   никто-больше   EXT
'У меня были только вы, а теперь никого не осталось'.

Конструкция неотчуждаемой принадлежности состоит из посессора в дативе, обладаемого в номинативе, и глагола *уæвын* 'быть', который может согласоваться в лице и числе с обладаемым; в настоящем времени индикатива место *уæвын* обычно занимает экзистенциальная связка *и(с)*.

Датив может использоваться для передачи целевого значения в равносубъектной конструкции – датив в этом случае маркирует инфинитивную форму глагола, выражающего цель. Например:

- (15) Лæгъстæ кæн-ын-æн æгæр фæ-карджын дæ
 мольба делать.PRS-INF-DAT слишком PREF-пожилой быть.PRS.2SG
 ‘Ты слишком стар, чтобы упрашивать’ (С.М. Дегоева. Погасший луч солнца. Владикавказ, 2002. С. 219).

Датив также употребляется для выражения дистрибутивного значения. Например: *лæг-æн джиранка нæм хауд-ис* (человек-DAT фунт 1PL.ENCL.ALL падать.PST-PST.3SG) ‘каждому из нас досталось по фунту’ [Ахвледиани 1963: 97].

В конструкции внешней возможности могут использоваться как провербные, так и беспровербные, как простые (16), так и сложные (17), как переходные (19), так и непереходные (11) глаголы. Конструкция внешней возможности может употребляться также с каузативными глаголами (образуются аналитически, с помощью вспомогательного глагола *кæнын* ‘делать’) (18).

- (16) Вагæ-тт-ы мидæг-æй къахдзæф (ба)-кæн-æн
 вагон-PL-GEN внутрь-AVL шаг PREF-делать.PRS-NMLZ
 нал уыди
 больше.не быть.PST.3SG
 ‘В вагонах негде яблоку было упасть’ (букв. «Больше нельзя было пройти внутри вагонов»).

- (17) Вагæ-тт-ы мидæг-æй ба-[къахдзæф кæн]_{CP}-æн
 вагон-PL-GEN внутрь-AVL PREF-шаг делать.PRS-NMLZ
 нал уыди ;
 больше.не быть.PST.3SG
 ‘В вагонах негде яблоку было упасть’ (букв. «Больше нельзя было пройти внутри вагонов»).

- (18) Адæймадж-ы а-тæх-ын кæн-æн нæй
 человек-GEN PREF-летать.PRS-INF делать.PRS-NMLZ NEG.EXT
 ‘Человека невозможно заставить летать’.

- (19) Æнцон-æй йæ уыд а-мар-æн
 легкий-AVL 3SG.ENCL.GEN быть.PST.3SG PREF-убивать.PRS-NMLZ
 ‘Его легко можно было убить’ (Б. Гусалты. Тугдар æмæ тугагур. Дзæуджыхъæу, 2003. С. 61).

4. КОНСТРУКЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ВОЗМОЖНОСТИ

Для выражения внутренней возможности в осетинском языке может использоваться конструкция, состоящая из смыслового глагола в форме инфинитива, маркированного дативом, и вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’, который согласуется с подлежащим в лице и числе. Вспомогательный глагол в конструкции внутренней возможности изменяется по всем лицам, числам, временам и наклонениям, включая императив. Приведем пример на употребление в этой конструкции вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’ в форме императива:

- (20) Уæ бæстæ-йæн лæггад кæн-ын-æн ут
 POSS.2PL страна-DAT служение делать.PRS-INF-DAT быть.IMP.2PL
 ‘Будьте всегда в состоянии служить своей стране’ (Мах дуг. 2002. № 1. С. 99).

Конструкция внутренней возможности обнаружена только в иронском диалекте осетинского языка. В письменном корпусе осетинского языка конструкция встречается редко. Согласно данным, собранным в ходе полевой работы, старшее поколение порождает конструкцию внутренней возможности без каких-либо затруднений, однако

некоторые носители осетинского языка, относящиеся к молодому поколению, не знакомы с этой конструкцией. При описании особенностей этой конструкции я опираюсь главным образом на полевой материал, собранный мной в селе Даргавс (Пригородный район Республики Северная Осетия–Алания) в 2008–2010 гг. Не все примеры с этой конструкцией, приводящиеся в статье, могут быть признаны грамматическими носителями других говоров осетинского языка.

Конструкция внутренней возможности, так же как и конструкция внешней возможности, не имеет формальных ограничений на образование от простых, сложных, беспревербных, превербных, переходных или непереходных глаголов. Приведем ниже пример на образование конструкции от переходного глагола:

- (21) Йæ-хи   ны-хс-ын-æн,
 POSS.3SG-REFL.GEN PREF-мыть.PRS-INF-DAT
 йæ-хи   ны-ссыгъдæг   кæн-ын-æн   дæр   нæ-у
 POSS.3SG-REFL.GEN PREF-чистый   делать.PRS-INF-DAT   FOC   NEG-быть.PRS.3SG
 ‘Он способен себя отмыть, но не может себя очистить’ (И. Айларов, Р. Гаджинова, Р. Кцоева. Пословицы. Владикавказ, 2005. С. 138).

Единственное обнаруженное ограничение на образование конструкции внутренней возможности связано с каузативами. При работе с нашим корпусом осетинских текстов, а также с носителями языка не было получено примеров не только на образование аналитического каузатива от конструкции внутренней возможности (‘Он заставил меня смочь говорить на суахили’), но и на образование конструкции внутренней возможности от каузативных глаголов (ср. русск. *Только он способен заставить его приходить вовремя*).

5. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ КОНСТРУКЦИЕЙ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ВОЗМОЖНОСТИ

5.1. Морфосинтаксические различия

Морфосинтаксически конструкции внешней и внутренней возможности различаются:

1. разными стратегиями оформления логического субъекта (датив в конструкции внешней возможности vs. номинатив в конструкции внутренней возможности);
2. разными стратегиями оформления смыслового глагола (отглагольная форма на *-æн* в конструкции внешней возможности vs. инфинитив, маркированный дативом, в конструкции внутренней возможности);
3. свойствами вспомогательного глагола (неизменяемая форма 3sg в конструкции внешней возможности vs. личная форма глагола, согласующаяся с подлежащим, в конструкции внешней возможности);
4. разными формами вспомогательного глагола в 3sg настоящего времени индикатива.

Свойства 1–3 упоминались уже в предыдущих разделах; свойство же 4 нуждается в пояснении. В конструкции внешней возможности в настоящем времени индикатива используется экзистенциальная связка *и(с)* (22), а в конструкции внутренней возможности – глагол *уæвын* ‘быть’ (23). Данное противопоставление сохраняется и при отрицании, ср. (23) и (24): в конструкции внутренней возможности (23) используется отрицание *нæ* и вспомогательный глагол *уæвын* ‘быть’, в конструкции же внешней возможности (24) используется форма *нæй*, которая представляет собой частицу отрицания *нæ* и экзистенциальную связку *и(с)* [Техов 1970: 170].

- (22) Уый   та   куыд   ба-мбар-æн   ис?
 он.GEN   CONTR   как   PREF-понимать.PRS-NMLZ   EXT
 ‘А это как понять?’ (= ‘Как это можно понять?’) (Ц.Х. Хамицаев. Пьесы. Владикавказ, 2003. С. 15).

- (23) Сашæ бæлас-мæ 'с-быр-ын-æн у,
 Саша дерево-ALL PREF-ползать.PRS-INF-DAT быть.PRS.3SG
 Залинаæ та нæ-у
 Залина CONTR NEG-быть.PRS.3SG
 'Саша может залезть на дерево, а Залина – нет'.
- (24) Æнæ сылгоймаг-æй йын цар-æн нæй
 без женщина-AVL 3SG.ENCL.DAT жить.PRS-NMLZ NEG.EXT
 'Ему нельзя жить без женщины' (Мах дуг. 2001. № 4. С. 28).

5.2. Семантические различия

Две конструкции возможности противопоставлены по признаку «внутренняя возможность vs. внешняя возможность». Приведем пример, где допустима только конструкция внутренней возможности:

- (25) Æз æнæ къæх-т-æй цæу-ын-æн нæ дæн
 я без нога-PL-AVL идти.PRS-INF-DAT NEG быть.PRS.1SG
 'Я не могу ходить без ног'.
- (26) ??Æнæ къæх-т-æй мæнæн цæу-æн нæй
 без нога-PL-AVL я.DAT идти.PRS-DAT NEG.EXT
 '??Мне нельзя ходить без ног'.

Конструкция с отглагольным именем на -æн обычно передает частное значение внешней возможности, а именно деонтическую возможность.

- (27) Ардæм цæу-æн нæй
 сюда идти.PRS-NMLZ NEG.EXT
 'Вход воспрещен' (надпись на ограде одного из госучреждений во Владикавказе).

Данная конструкция также может передавать более общее значение внешней возможности. Например:

- (28) Уырдаем мæнæн куыдæй ба-хау-æн ис?
 туда я.DAT каким.образом PREF-падать.PRS-NMLZ EXT
 'Как мне туда попасть?' (букв. «Каким образом я могу туда попасть?»)

Конструкция с инфинитивом, маркированным дативом, используется для выражения значения внутренней возможности, физической способности совершить действие, ср.:

- (29) Уыд саст мæ базыр,
 быть.PST.3SG ломать.PART.PST POSS.1SG крыло
 нал уыдтæн тæх-ын-æн
 больше.не быть.PST.1SG летать.PRS-INF-DAT
 'Мое крыло было сломано, я не мог больше летать' (Мах дуг. 2001. № 3. С. 61).

Данная конструкция не может передавать значение умения. Ср.:

- (30) Саня зон-ы ирон-ау кæс-ын
 Саня знать.PRS-PRS.3SG осетинский-EQU читать.PRS-INF
 'Саня умеет читать по-осетински'.

- (31) *Саня ирон-ау кæс-ын-æн у
 Саня осетинский-EQU читать.PRS-INF-DAT быть.PRS.3SG

Последний пример можно употребить только без обстоятельства *иронау* ‘по-осетински’ и только в том случае, если ‘читать’ интерпретируется как физическая возможность, например, в таком контексте: ‘Санины глаза уже слипались, однако он все еще был в состоянии читать’.

Ср. также следующую пару примеров.

- (32) Æз зон-ын шахмæтт-æй хъаз-ын
 я знать.PRS-PRS.1SG шахматы-AVL играть.PRS-INF
 ‘Я умею играть в шахматы’.

- (33) Æз шахмæтт-æй хъаз-ын-æн дæн
 я шахматы-AVL играть.PRS-INF-DAT быть.PRS.1SG
 ‘Я могу играть в шахматы’ (= у меня есть силы, чтобы играть в шахматы; я могу передвигать фигуры).

6. КОНСТРУКЦИИ ВОЗМОЖНОСТИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ VS. ДАТИВНО-ИНФИНИТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В РУССКОМ

Рассматриваемые конструкции осетинского языка в некотором роде напоминают дативно-инфинитивную конструкцию русского языка, которая также может выражать значение возможности (например, *И рыбак оставил лодку и проник в эту пещеру, вначале такую узкую, что едва пройти человеку*). В настоящем разделе будет проведено сравнение синтаксических и семантических свойств осетинских конструкций возможности с дативно-инфинитивной конструкцией русского языка. Данные, касающиеся свойств русской дативно-инфинитивной конструкции, взяты в основном из работы [Fortuin 2005]⁴.

Среди синтаксических свойств дативно-инфинитивной конструкции в русском языке Э. Фортейн отмечает способность конструкции употребляться как в утвердительных, так и в вопросительных предложениях, способность употребляться с наречиями или частицами, способность употребляться в придаточном предложении, в контрастивных предложениях, а также возможность опущения составных элементов дативно-инфинитивной конструкции. Ниже будет показано, что конструкции возможности в осетинском языке обладают всеми перечисленными свойствами дативно-инфинитивной конструкции в русском языке.

6.1. Употребление в вопросительных предложениях

Как и русская дативно-инфинитивная конструкция (например, *Как мне туда попасть?*), обе конструкции возможности осетинского языка могут употребляться и в асертивных, и в интеррогативных предложениях. Примеры употребления конструкций возможности в интеррогативных предложениях см. ниже.

Частный вопрос

Конструкция внешней возможности

- (34) Уæд ма хъомысджын цæнг-тæ æмæ бæзджын сыфтæр-æй æнгом
 тогда EMPH могучий рука-PL.NOM и густой листва-AVL плотный
 æмбæрзт бæлас-æй та цы зæгъ-æн ис?
 закрывать.PART.PST дерево-AVL CONTR что говорить.PRS-NMLZ EXT
 ‘Что еще тогда можно сказать о дереве с могучими ветвями, плотно покрытом густой листвой?’ (Мах дуг. 2004. № 8. С. 126).

⁴ Более подробно про дативно-инфинитивную конструкцию в русском см. в следующих работах: [Rubinstein 1986; Maurice 1995; 1996; Fortuin 2000; Бонч-Осмоловская 2003].

Конструкция внутренней возможности

- (35) Цас килограмм-ы с-ис-ын-æн у?
сколько килограмм-GEN PREF-брать.PRS-INF-DAT БЫТЬ.PRS.3SG
'Сколько килограммов он в состоянии поднять?'

Общий вопрос

Конструкция внешней возможности

- (36) Демæ а-ныхас кæн-æн ис?
ТЫ.COM PREF-слово делать.PRS-NMLZ EXT
'Можно с тобой поговорить?' (С. Кайтов. Осетинская мелодия. Владикавказ, 2006. С. 352).

Конструкция внутренней возможности

- (37) Ды с-ис-ын-æн дæ фæндзай килограмм-ы?
ТЫ PREF-брать.PRS-INF-DAT БЫТЬ.PRS.2SG пятьдесят килограмм-GEN
'Ты можешь поднять пятьдесят килограммов?'

6.2. Употребление с наречиями

Дативно-инфинитивная конструкция в русском языке может употребляться с разными наречиями и частицами (*Тротуары так узки, что одному только человеку пройти*). Конструкции возможности в осетинском языке также могут употребляться с наречиями и частицами. Однако у конструкции внутренней возможности обнаружен запрет на употребление с наречием *зынтæй* 'трудно, с трудом', который объясняется семантическими причинами: употребление такого наречия предполагает, что агентивный участник не всегда, когда хочет, может осуществить действие. Ср. примеры ниже с наречием *зынтæй* 'трудно'.

Конструкция внешней возможности

- (38) Фыд-ы цырт фæ-тар, йæ фыст-ыт-æн
отец-GEN надгробный.камень PREF-темный POSS.3SG надпись-PL-DAT
ба-кæс-æн зын-т-æй ис
PREF-читать.PRS-NMLZ трудность-PL-AVL EXT
'Могила отца потемнела, надписи с трудом читаются' (Мах дуг. 2002. № 10. С. 75).

Конструкция внутренней возможности

- (39) *Сашæ бæлас-мæ зын-т-æй 'с-быр-ын-æн у
Саша дерево-ALL трудность-PL-AVL PREF-ползать.PRS-INF-DAT БЫТЬ.PRS.3SG
Ожидаемый перевод: 'Саша с трудом может залезть на дерево'.

6.3. Употребление в придаточном

Дативно-инфинитивная конструкция в русском языке может употребляться в придаточном предложении (*Обычно, чтобы мне понять смысл стиха, я читаю его несколько раз*). В осетинском языке этим свойством обладают обе конструкции возможности, см. примеры ниже.

Конструкция внутренней возможности

- (40) Цæмæй бæлас-мæ с-хиз-ын-æн уай уый тыххæй хъуамæ
чтобы дерево-ALL PREF-лезть-INF-DAT быть.CONJ.2SG 3SG.GEN из.за нужно
уай хъæддых æмæ сæрæн
быть.CONJ.2SG сильный и ловкий
'Чтобы ты смог залезть на дерево, тебе нужно быть сильным и ловким'.

Конструкция внешней возможности

- (41) Цæмæй бæлас-мæ с-хиз-æн уа уый тыххæй
чтобы дерево-ALL PREF-лезть.PRS-NMLZ быть.CONJ.3SG 3SG.GEN из.за
хъæу-ы асин
быть.нужным.PRS-PRS.3SG лестница
'Чтобы залезть на дерево, нужна лестница'.

6.4. Контрастивные предложения

Так же как и дативно-инфинитивная конструкция в русском языке (*Пете залезть на дерево, а Мише – нет*⁵), обе конструкции возможности в осетинском языке могут употребляться в контрастивных предложениях, см. примеры ниже.

Конструкция внутренней возможности

- (42) Сашæ бæлас-мæ 'с-быр-ын-æн у, Залинаæ та нæ-у
Саша дерево-ALL PREF-лезть-INF-DAT быть.PRS.3SG Залина CONTR NEG-быть.PRS.3SG
'Саша может залезть на дерево, а Залина – нет'.

Конструкция внешней возможности

- (43) Уымæн ис дым-æн, дауæн та нæй
он.DAT EXT курить.PRS-NMLZ ты.DAT CONTR NEG.EXT
'Ему можно курить, а тебе – нет'.

6.5. Возможность эллипсиса

Э. Фортейн отмечает, что в дативно-инфинитивной конструкции возможно опущение не только субъекта (*Тут не пройти*), но и инфинитива (*Эх... мне бы на спектакль*) [Fortuin 2005: 43].

В осетинском языке эллипсис эксплицитно выраженного логического субъекта возможен в обеих конструкциях возможности. Хотя нужно заметить, что если при опущении логического субъекта в конструкции внешней возможности (где вспомогательный глагол всегда находится в форме 3SG) предложение становится безличным, то при опущении эксплицитно выраженного подлежащего в конструкции внутренней возможности (где вспомогательный глагол согласуется с подлежащим в лице и числе) значение конструкции не меняется. Ср. примеры:

- (44) Ам дым-æн нæй
тут курить.PRS-NMLZ NEG.EXT
'Тут курить нельзя'.

- (45) Нал ба-сур-ын-æн даен, нал — ра-сур-ын-æн.
больше.не PREF-гнать.PRS-INF-DAT быть.PRS.1SG больше.не PREF-гнать.PRS-INF-DAT
'Не могу больше ни догнать, ни погнаться' (Мах дуг. 2004. № 8. С. 33).

⁵ Пример из работы [Fortuin 2005: 51].

В конструкции внутренней возможности возможно опущение вспомогательного глагола, например:

- (46) Æмæ уыцы æрдуз-ы та дугъысыф арæх у, хъæдгом
и тот лужайка-INESS CONTR подорожник много быть.PRS.3SG рана
с-сыгъдæг кæн-ын-æн диссаг, мæ-хиуыл æй
PREF-ЧИСТЫЙ делать.PRS-INF-DAT чудо POSS.1SG-REFL.SUPER 3SG.ENCL.GEN
ба-фæлвæрд-т-он
PREF-ИСПЫТЫВАТЬ.PST-TR-PST.1SG
'На той лужайке много подорожника, он может чудесно очищать рану, я на себе
испробовал' (Н.Г. Джусойты. Слезы Сырдона. 2004. С. 105).

В обеих конструкциях возможности возможен эллипсис смыслового глагола. См. примеры: конструкция внутренней возможности (42), конструкция внешней возможности (47).

- (47) [Аслан выглядывает из-за двери и произносит:] – 'Можно мне войти?' (*Ба-цау-æн мын ис?* PREF-ИДТИ.PRS-NMLZ 1SG.ENCL.DAT EXT).
Преподаватель отвечает: – 'Можно' (*Ис* EXT).
Через несколько секунд из-за двери высовывается Зелим и говорит: – 'А мне можно?' (*Мæнæн дæр ис?* я.DAT FOC EXT)

Таким образом, если в конструкции внутренней возможности может опускаться каждый из составляющих элементов, в конструкции внешней возможности не может опускаться только вспомогательный глагол.

6.6. Семантика конструкций

Семантически конструкции возможности осетинского языка имеют более специализированное значение, чем дативно-инфинитивная конструкция в русском, которая, помимо возможности, может передавать значение желания и пожелания (*Мне бы только смотреть на тебя; Расту ему большим и здоровым!*). В то же время значение возможности у дативно-инфинитивной конструкции практически всегда возникает только при наличии отрицания. В осетинском языке употребление отрицания необязательно в конструкциях возможности (хотя и отмечается бóльшая частотность употребления конструкции со значением внешней возможности в отрицательных контекстах).

6.7. Основные различия между конструкциями возможности в осетинском и дативно-инфинитивной конструкцией в русском

Как было показано выше, конструкции внешней и внутренней возможности осетинского языка могут употребляться в вопросительных предложениях, с наречиями, в придаточных и в контрастивных предложениях. В конструкции внутренней возможности могут опускаться любые составляющие элементы, в конструкции внешней возможности не может опускаться только вспомогательный глагол. Таким образом, конструкции возможности осетинского языка обладают теми же синтаксическими свойствами, которые были ранее выделены у дативно-инфинитивной конструкции в русском языке.

Семантически конструкции возможности в осетинском языке имеют более специализированное значение, чем дативно-инфинитивная конструкция в русском.

7. ТИПОЛОГИЯ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ

Динамическая возможность, как правило, выражается в языках мира лексически [Bybee et al. 1994], однако встречаются случаи и морфологического выражения данного модального значения. Насколько можно судить по имеющимся типологическим исследованиям динамической возможности (см., прежде всего, такие работы, как [Bybee et al. 1994; van der Auwera, Plungian 1998; Palmer 2001; Traugott 2006]), значения внутренней и внешней возможности могут противопоставляться в конкретном языке только следующими способами:

а) лексически (с помощью различных модальных предикатов; ср. противопоставление *мочь* и *можно* в русском языке, где *можно* выражает только внешнюю возможность, а *мочь* – внутреннюю и внешнюю),

б) лексически и морфологически: например, может существовать модальный глагол для выражения внутренней возможности и морфологический показатель для внешней (подобная ситуация наблюдается в венгерском языке, см. [Kiefer 1981]),

в) не противопоставляться вовсе: например, оба значения выражаются одним морфологическим показателем или одной грамматической конструкцией (такая ситуация наблюдается, в частности, в согдийском (восточноиранский, мертвый)).

Рассмотрим названные стратегии противопоставления внутренней и внешней возможности более подробно.

7.1. Лексическое противопоставление внутренней и внешней возможности

В случае лексической стратегии противопоставления основных значений динамической возможности, как правило, один из модальных глаголов употребляется только для выражения одного из значений, а другой – для выражения обоих. Например, в языке дари (югозападноиранский) глагол *šodan* (основное значение данного глагола – ‘делаться, становиться’) в значении возможности выражает только внешнюю возможность, ср. (здесь и далее глоссы в примерах мои):

- (48) *xolâse padar gâ ba-âsâni mêšaw-ad gôl zad*
короче отец RA⁶ PREP-легкость делаться.PRS-3SG обман бить.PART
‘Короче говоря, отца легко можно обмануть’ [Островский 2008: 144].

Глагол *tawânestan* ‘мочь’ выражает как внутреннюю возможность (49), так и внешнюю (50).

- (49) *âx pâu-em! Xêšta na-mêtân-am*
ой нога-1SG подниматься.PART.PST NEG-мочь.PRS-1SG
‘Ой, моя нога! Не могу встать’ [Островский 2008: 103].

- (50) *emšab šab-e ‘arôsi-ye Nağma ast wa ô*
сегодня.вечером вечер-EZF свадьба-EZF Нагма быть.PRS.3SG и он/она
mêtawân-ad emrôz andak-ê bêštar esterâhat kon-ad
мочь.PRS-3SG сегодня немного-ê⁷ больше отдых делать.SUBJ-3SG
‘Вечером свадьба Нагмы, и сегодня она может (т. е. ей можно, я ей разрешаю) полежать (в постели) немного дольше’ [Там же].

Другим примером лексического противопоставления значений внутренней и внешней возможностей является осетинский язык, где модальный глагол *æмбæлын* употреб-

⁶ Послелог, сфера употребления которого связана, прежде всего, с сильнореферентными прямыми и косвенными объектами.

⁷ Специальный показатель детерминации.

ляется только в значении внешней возможности (51)⁸, а глагол *арæхсын* в модальном значении выражает только внутреннюю возможность (1). Однако при этом у глагола *арæхсын* отмечаются другие, немодальные значения ('подходить, соответствовать' и 'справляться').

- (51) Мæнæн æмбæл-ы ба-цау-ын? – Табуафси, мидæмæ!
 я.DAT мочь.PRS-PRS.3SG PREF-идти.PRS-INF пожалуйста внутрь
 'Мне можно войти? – Пожалуйста, заходи!'

7.2. Лексико-морфологическое противопоставление внутренней и внешней возможности

Лексико-морфологическое противопоставление разных значений динамической возможности отмечается в венгерском языке, где модальный глагол (*tud* 'знать, быть в состоянии') используется для выражения внутренней возможности, а морфологический показатель (*-hat/-het*) – для выражения внешней⁹ [Kiefer 1981; 1988]. Например:

- (52) Anna tud zongorázni
 Ann be.able.to play.the.piano
 'Ann can play the piano' [Kiefer 1988: 393].

- (53) Ann zongoráz-hat
 Ann play.the.piano-POT
 'Ann may play the piano' [Ibid.].

7.3. Отсутствие противопоставления значений внутренней и внешней возможности

Возможна ситуация, когда в языке и внешняя, и внутренняя возможность выражаются одним и тем же морфологическим показателем или одной и той же грамматической конструкцией. Например, в согдийском разные значения динамической возможности передаются так называемыми «потенциальными формами» и не существует (по крайней мере до сих пор не было обнаружено) модальных глаголов со значением возможности [Benveniste 1954: 66].

Потенциальные формы образовывались в согдийском путем сочетания основ прошедшего времени смыслового глагола и вспомогательных глаголов *kwn-/wn-* 'делать' (при переходных глаголах) или *βw-* 'становиться, быть' (при непереходных глаголах или при переходных глаголах в пассивном значении); вспомогательный глагол согласовывался с подлежащим и изменялся по лицам, числам, временам и наклонениям [Gershevitch 1961 (1954): 130–135; Sims-Williams 2007]. «При этом легкие основы (у смысловых глаголов) получают суф. -' или -w (в буддийских текстах -' и -w, причем чаще -w, в христианских и манихейских отмечен только -'), тяжелые основы обычно не получают никакого дополнительного оформления» [Лившиц, Хромов 1981: 499–500]¹⁰;

⁸ В словарях осетинского языка (например, [Гуриев 2004: 86–87]) у глагола *æмбæлын* помимо модального значения выделяются также немодальные ('встречать', 'встречаться'; 'сталкиваться'; 'случаться'; 'причитаться, следовать (о деньгах)'; 'попадать в цель'). Однако разные морфосинтаксические свойства *æмбæлын* в модальном и немодальных значениях, а также отсутствие семантической связи между модальным и немодальными значениями позволяют считать, что в осетинском языке существует два омонимичных глагола — *æмбæлын1* с немодальными значениями и *æмбæлын2* с модальным значением внешней возможности (более подробно см. работу [Выдрин 2011]).

⁹ Хотя в некоторых периферийных случаях возможно употребление глагола *tud* в значении внешней возможности. Об этом см. в [Kiefer 1988: 421].

¹⁰ Выделение легких и тяжелых основ в согдийском языке объясняется ритмическим законом. С некоторыми оговорками (с которыми читатель может ознакомиться в согдийской грамматике [Gershevitch 1961 (1954)]) ритмический закон можно сформулировать следующим образом: «stems with not more than one brief vowel (not counting prothetic or svarabhakti vowels) are light,

см. также работу [Исхаков 1977]. Ср. примеры ниже, где потенциальные формы выделены полужирным; первый пример выражает скорее внутреннюю возможность, а второй – внешнюю (гlossы в примерах мои):

согд. будд.

(54) L'   **'nx'št**   L'   ZY   **nyst-w**   **β-'m**
 NEG   встать.PST   NEG   И   сесть.PST-POT   быть.PRS-PRS.1SG
 'I can neither get up nor sit down' [Sims-Williams 2007: 378].

(55) 'rty   'yw   w'tδ'r   w'n'kw   L'   **βyrt**   **β-'y**
 и   один   дыхание   такой   NEG   находить.PST   быть.PRS-PRS.3SG
 ZKZY   γnd'nyw   m'twh   'WZY   'By'   L'   wm't-'y
 который   другой   мать   или   отец   NEG   быть-IRR.2.3SG
 'and such beings are not to be found, who were not mothers or fathers (etc.) to someone else' [Gershevitch 1961 (1954): 123].

7.4. Грамматическое противопоставление внутренней и внешней возможности

В лингвистической типологии до настоящего времени не была отмечена ситуация, когда и внутренняя, и внешняя возможность выражались бы морфологически или с помощью конструкций, при этом разными специализированными морфологическими показателями или разными специализированными конструкциями. Тем не менее такой способ выражения возможности теоретически не исключен, и именно он обнаружен в осетинском языке, где, как было показано выше, одна из модальных конструкций, описанных в настоящей статье, используется только для выражения внешней возможности, а другая – для выражения внутренней. Обнаруженные конструкции возможности являются важной находкой для типологии модальности, так как позволяют на уровне грамматики обосновать выделение внутри динамической возможности значений внутренней и внешней возможности.

В следующем разделе будут рассмотрены способы выражения возможности в ареально (кавказские языки) и генетически (иранские языки) близких к осетинскому языкам и выдвинута гипотеза о происхождении осетинских конструкций возможности.

8. ДИНАМИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ В ДРУГИХ ИРАНСКИХ И КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

В ходе рассмотрения различных стратегий выражения внешней и внутренней возможности в языках, ареально (абхазо-адыгские, нахские, картвельские, тюркские языки) и генетически (восточноиранские и западноиранские языки, как современные, так и мертвые) близких к осетинскому, не было обнаружено языка, обладающего двумя специализированными грамматическими показателями или конструкциями, употребление одной из которых было бы связано только со значением внутренней возможности, а другой – со значением внешней возможности. Однако рассмотренный материал помог выдвинуть гипотезу о происхождении конструкций возможности в осетинском языке.

8.1. Иранские и тюркские языки

Большинство иранских и тюркских языков для выражения значения возможности используют главным образом лексические средства (модальные глаголы). См. выше примеры из языка дари (48)–(50).

---

except when this vowel is *in positione*, viz. followed by *mb*, *x^w*, or by a group of consonants beginning with *n* or *r*; all other stems are heavy. Heavy stems lose their vocalic endings, while light stems preserve them» [Gershevitch 1961 (1954): 72].

8.2. Восточноиранские языки

Во многих восточноиранских языках среднеиранского периода отмечается аналитическая стратегия выражения возможности. Например, хотаносакский, хорезмийский и согдийский обладали отдельной конструкцией со значением возможности, состоящей из отглагольного деривата (обычно из причастия прошедшего времени) и вспомогательного глагола. Подлежащее находится в номинативе, вспомогательный глагол изменяется по лицам, числам, временам и наклонениям. В качестве вспомогательных используются глаголы со значением 'делать', 'становиться', 'быть'. Например, в хотаносакском существовала конструкция возможности, состоящая из причастия прошедшего времени (которое совпадало по форме с основой прошедшего времени) и вспомогательного глагола *yan-* 'делать' (для переходных глаголов) или *hām-* 'становиться' (для непереходных глаголов) [Emmerick 1968; 1987; Герценберг 1981: 296], например:

- (56) *ne balysu... jsīḍu yanīndā*
not Buddha(ACC.SG.MASC) deceive.PP.ACC.SG.NT make.3PL.PRES
'They cannot deceive the Buddha' [Emmerick 1968: 111; 1987: 279].

При непереходном глаголе или при пассивной форме глагола (в данном случае используется вспомогательный глагол *hām-* 'становиться') причастие согласуется с субъектом [Emmerick 1987]. Например:

- (57) *puñīnai haṃbīsā ne*
consisting.in.merit.NOM.SG.MASC heap.NOM.SG.MASC not
haṃkhāṣṭā hāmāte
count.PP.NOM.SG.MASC become.3SG.PRES
'The heap of merit cannot be counted' [Emmerick 1987: 280–281].

Из примеров, приведенных в известных мне исследованиях, следует, что данная конструкция передавала значение как внешней, так и внутренней возможности. Эта конструкция могла выражать не только модальные значения возможности, но и значение давнопрошедшего, например (гlossы мои):

- (58) *ku tta dāstu hāmātu*
когда так появляться.PST становиться.PST.3SG
'when it had appeared thus' [Sims-Williams 2007: 380]

Сходные конструкции со значением возможности существовали также в других среднеиранских языках, в согдийском (54)–(55) и хорезмийском, и были унаследованы некоторыми новоиранскими языками (ср. потенциальные формы в ягнобском, сохранившиеся от согдийского). Потенциальные формы развились также в других восточноиранских (например, в пушту) и в некоторых западноиранских языках, например в татском и белуджском.

8.3. Нахские и абхазо-адыгские языки

В нахских языках для выражения значения возможности может использоваться морфологический показатель *-луо* (чеченский) / *-лу* (ингушский) [Имнайшвили 1977]. В ингушском *-лу* используется для образования непереходных глаголов от прилагательных, а также для образования инцептива. При дативном агенсе значение инцептивного глагола почти всегда связано с (динамической) возможностью [Nichols 2011], например:

- (59) Cynna ghealie uoza-lu
 3S.DAT cigarette smoke-INCP.PRS
 ‘He manages to smoke. He’s able to smoke’ [Nichols 2011: 495].

В адыгских языках существует несколько морфологических средств выражения динамической возможности (например, в адыгейском это префикс *фэ-* и суффикс *-шьу*) [Ломтатидзе 1976]. Однако их сфера употребления определяется скорее не семантикой ситуации (как в осетинском), а синтаксическими свойствами предиката. Например, в адыгейском языке префикс *фэ-* в потенциальном значении¹¹ присоединяется только к переходным глаголам [Рогава, Керашева 1966: 279; Летучий 2009: 355]; а показатель *-шьу* может употребляться как с переходными, так и с непереходными глаголами [Рогава, Керашева 1966: 279]. Ср. примеры ниже (гlossы мои)¹².

Переходный глагол

- (60) ащ ар ы-уклы-шьу-щт-эп
 TOT.ERG TOT.ABS 3SG-убивать-POT-FUT-NEG
 ‘Тот не может убить его’ [Рогава, Керашева 1966: 279].

Непереходный глагол

- (61) Сэ сы-кло-жьы-шьу-щт-эп
 я 1SG-идти-RE-POT-FUT-NEG
 ‘Я не смогу вернуться’ [Там же: 279].

Переходный глагол

- (62) сэ ар с-фэ-шхы-щт-эп
 я TOT.ABS 1SG-POT-есть-FUT-NEG
 ‘Я не смогу кушать то’ [Там же: 280].

8.4. Картвельские языки

В ареально близком к осетинскому грузинском, а также в некоторых других картвельских языках грамматическим средством выражения значения динамической возможности является пассив [Шерозия 1984] (ср. русск. *надпись не читается* = ‘надпись невозможно прочесть’). Пассивная конструкция может употребляться с отрицанием или без; в качестве частицы отрицания может использоваться только «немодальная» *ar*. Приведем пример из грузинского языка (здесь и далее гlossы мои)¹³:

- (63) am sazogadoba-ši ar še-m-e-svl-eb=a
 этот.OBL общество-в NEG PREF-1SG.O-REL.PASS-идти-SM=3SG
 ‘Мне не войти в это общество (je ne peux pas entrer dans cette société)’ [Vogt 1971: 114–115].

¹¹ Префикс *фэ-*, главным образом, употребляется как бенефактивный показатель. Возможно, не совсем корректно говорить о двух показателях для выражения динамической возможности в адыгейском языке. Однако обсуждение этой проблемы выходит далеко за рамки настоящей статьи (более подробно см. работу [Ландер, Выдрин (в печати)]).

¹² Я благодарен Ю.А. Ландеру за проверку гloss в адыгейских примерах. Любые возможные неточности в гlossах остаются на моей совести.

¹³ Я благодарен А.А. Ростовцеву-Попелю за проверку гloss в грузинских примерах. Любые возможные неточности в гlossах остаются на моей совести.

Значение динамической невозможности может также выражаться лексическими средствами – специальной модальной частицей отрицания (*ver* или *veyar* в грузинском языке, см. пример ниже).

- (64) *veyar*   *v-xed-av*
      больше.не.пот   1s-видеть-SER
      ‘Не могу больше его видеть (*je ne peux plus le voir*)’ [Vogt 1971: 218].

9. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОНСТРУКЦИЙ ВОЗМОЖНОСТИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В предыдущем разделе было показано, что в ареально и генетически близких к осетинскому языкам не обнаружено двух специализированных морфологических показателей (или двух специализированных грамматических конструкций), сфера употребления одного из которых была бы связана только со значением внутренней возможности, а другого – только со значением внешней. В то же время в восточноиранских языках среднеиранского периода, а также в некоторых современных восточно- и западноиранских языках существует конструкция возможности, которая по своим морфосинтаксическим свойствам напоминает конструкцию внутренней возможности осетинского языка. Как и в осетинском, конструкция возможности в других иранских языках состоит из отглагольного деривата и вспомогательного глагола; как и в осетинской конструкции внутренней возможности, в конструкциях возможности в других иранских языках вспомогательный глагол обычно согласуется в числе и лице с подлежащим (в качестве исключения можно назвать язык пушту, в котором в прошедшем времени используется эргативная конструкция [Грюнберг 1987]). Вышесказанное позволяет выдвинуть гипотезу, что конструкция внутренней возможности либо существовала у предка осетинского языка (по крайней мере со времен среднеиранского периода), либо развилась под влиянием других восточноиранских языков среднеиранского периода. Наиболее вероятным представляется образование осетинской конструкции внутренней возможности из глагола *уæвын* ‘быть’ и целевого значения датива (‘быть для’ или ‘быть созданным для’ → ‘мочь’).

Происхождение второй конструкции осетинского языка, конструкции внешней возможности, неясно. Как было показано в разделе 3, отглагольное имя на *-æн* кроме независимого употребления и употребления в конструкции внешней возможности, используется только в так называемой фацитивно-дифицитивной конструкции. Фацитивно-дифицитивная конструкция морфосинтаксически сильно отличается от конструкции внешней возможности [Выдрин (в печати)] и вряд ли напрямую связана с ее образованием. Скорее всего, происхождение конструкции внешней возможности связано опять же с функциями датива и вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’. В разделе 3 мы видели, что вспомогательный глагол *уæвын* ‘быть’ может использоваться в посессивной конструкции неотчуждаемой принадлежности, где посессор маркируется дативом, в настоящем времени индикатива в качестве вспомогательного глагола обычно используется экзистенциальная связка *и(с)* (которая также употребляется в конструкции внешней возможности), например:

- (65) *Ныр*   *мæнæн*   *ис*   *æфсымæр*
      сейчас   я.DAT   EXT   брат
      ‘Теперь у меня есть брат’ (Мах дуг. 2001. № 10. С. 34).

Представляется, что конструкция внешней возможности образовалась из конструкции неотчуждаемой принадлежности: глагольный дериват на *-æн* стал обозначать обладаемое, вспомогательный глагол стал употребляться только в форме 3sg, посессор, маркированный дативом, начал выполнять функцию принципала, семантика конструкции сместилась в зону модальности и в конечном итоге конструкция стала выражать значение внешней возможности. Заметим, что развитие модальных конструкций из посессивных отмечалось ранее на примере других языков. Например, семантическая

карта модальности Й. ван дер Ауверы и В. Плуногяна [van der Auwera, Plungian 1998] указывает на грамматикализацию внешней необходимости из значения 'обладать' (ср. англ. *have* и *have to*); см. также развитие некоторых модальных конструкций из посессивных в балтийских языках [Holvoet 2003; 2007]. Тем не менее в типологии модальности ранее не был замечен случай грамматикализации значения внешней возможности из посессивного значения. Можно предположить, что грамматикализация конструкции внешней возможности в осетинском языке происходила либо через утраченное ныне значение внешней необходимости (т. е. посессив → внешняя необходимость → внешняя возможность; заметим, что такой сценарий развития модальных значений тоже не отмечается на семантической карте модальности), либо непосредственно из посессивного значения. На данном этапе исследования недостаточно материала для установления точного пути грамматикализации конструкции внешней возможности в осетинском языке. Однако оба названные выше пути образования значения внешней возможности (посессив → внешняя возможность; внешняя необходимость → внешняя возможность) могут быть добавлены на семантическую карту модальности как потенциальные пути грамматикализации основных модальных значений.

10. ВЫВОДЫ

В статье были рассмотрены конструкции внешней и внутренней возможности в осетинском языке, описана их семантика и морфосинтаксические свойства. Проведено сравнение двух конструкций возможности в осетинском языке с дативно-инфинитивной конструкцией в русском языке. На примере осетинского языка показан не отмечавшийся ранее в типологической литературе случай выражения значений внутренней и внешней возможности разными специализированными конструкциями. Отмечена уникальность обнаруженных конструкций на кавказско-иранском языковом пространстве.

В статье была предложена гипотеза о происхождении конструкций возможности в осетинском языке. Согласно нашей гипотезе, конструкция внутренней возможности либо существовала в осетинском языке издревле, либо развилась в осетинском под влиянием других восточноиранских языков среднеиранского периода. Представляется, что образование конструкции внутренней возможности связано с грамматикализацией глагола *уæвын* 'быть' и целевого значения датива ('быть для' / 'быть созданным для' → 'мочь').

Конструкция внешней возможности развилась исключительно из данных осетинского языка, а именно либо непосредственно из посессивной конструкции, либо из посессивной конструкции через утраченное ныне значение внешней необходимости.

Представленные в статье факты позволяют дополнить семантическую карту модальности новыми путями грамматикализации, а также на уровне грамматики обосновать выделение основных значений динамической возможности – внутренней возможности и внешней возможности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABL – аблатив; ABS – абсолютив; ACC – аккузатив; ALL – аллатив; CNTRF – контрафактив; COM – комитатив; CONJ – конъюнктив; CONTR – контрастивная частица; CP – сложный глагол; DAT – датив; EMPH – эмфатическая частица; ENCL – энклитическое местоимение; EQU – экватив; ERG – эргатив; EXT – экзистенциальная связка; EZF – изафет; FOC – фокус; FUT – будущее; GEN – генитив; IMP – императив; INCP – инцептив; INESS – инессив; INF – инфинитив; ITER – итератив; MASC – мужской род; NEG – отрицание; NMLZ – номинализация; NOM – номинатив; NT – средний род; O – объект; OBL – косвенный падеж; OPT – оптатив; PART – причастие; PASS – пассив; PL – множественное число; POSS – посессивность; POT – потенциалис; PP – причастие прошедшего времени; PREF – преверб; PREP – предлог; PRS (PRES) – настоящее; PST – прошедшее; REFL – рефлексив; RE – реверсив/рефактив; REL.PASS – релятивный пассив; S – субъект; SER – серия; SG – единственное число; SM – тематический суффикс; SUBJ – сослагательное наклонение; SUPER – суперэссив; TR – переходность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1959 – *В.И. Абаев*. Грамматический очерк осетинского языка. Л., 1959.
- Ахвледиани 1963 – *Г.С. Ахвледиани* (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1963.
- Багаев 1965 – *Н.К. Багаев*. Современный осетинский язык. Т. I. Орджоникидзе, 1965.
- Бенвенист 1965 (*Benveniste 1959*) – *Э. Бенвенист*. Очерки по осетинскому языку. М., 1965.
- Бонч-Осмоловская 2003 – *А.А. Бонч-Осмоловская*. Конструкции с дативным субъектом в русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- Выдрин 2011 – *А.П. Выдрин*. Система модальности осетинского языка в типологическом освещении. Дис... канд. филол. наук. СПб., 2011.
<http://www.ossetic-studies.org/vydrin/index.php/publications/>
- Выдрин (в печати) – *А.П. Выдрин*. Редкий случай грамматикализации модального значения в осетинском языке // Н. Н. Казанский (отв. ред.). *Acta linguistica petropolitana*. Труды ИЛИ РАН. В печати. <http://www.ossetic-studies.org/vydrin/index.php/publications/>
- Выдрин, Ландер (в печати) – *А.П. Выдрин, Ю.А. Ландер*. Неканоническое маркирование субъекта ситуации в языках Северного Кавказа: модальные конструкции // *Эргатив и эргативная конструкция в иберийско-кавказских языках*. В печати.
http://ossetic-studies.org/biblio/10-modal_non-canonical.pdf
- Гагкаев 1952 – *К.Е. Гагкаев*. Очерки грамматики осетинского языка. Дзауджикау, 1952.
- Герценберг 1981 – *Л.Г. Герценберг*. Хотаносакский язык // В.С. Расторгуева (отв. ред.). Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.
- Гращенко 2010 – *П.В. Гращенко*. Сложные предикаты в осетинском языке // Бюллетень Общества востоковедов РАН. Вып. 17: Труды межинститутской науч. конф. «Востоковедные чтения 2008». М., 2010.
- Грюнберг 1987 – *А.Л. Грюнберг*. Очерк грамматики афганского языка (пашто). Л., 1987.
- Гуриев 2004 – *Т. А. Гуриев* (ред.). Осетинско-русский словарь. Владикавказ, 2004.
- Имнайшвили 1977 – *Д.С. Имнайшвили*. К образованию переходности и потенциалиса в отыменных глаголах нахских языков // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. 1977. № IV.
- Исаев 1987 – *М.И. Исаев*. Осетинский язык // В.С. Расторгуева (отв. ред.). Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. М., 1987.
- Исхаков 1977 – *М.М. Исхаков*. Глагол в согдийском языке (документы с горы Муг). Ташкент, 1977.
- Кибрик 2005 – *А.Е. Кибрик*. Константы и переменные языка. СПб., 2005.
- Летучий 2009 – *А.Б. Летучий*. Аффиксы бенефактива и малефактива: синтаксические особенности и круг употреблений // Я.Г. Тестелец (отв. ред.). *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка*. М., 2009.
- Лившиц, Хромов 1981 – *В.А. Лившиц, А.Л. Хромов*. Согдийский язык // В.С. Расторгуева (отв. ред.). Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.
- Ломтатидзе 1976 – *К.В. Ломтатидзе*. Категория потенциалиса (возможности) в картвельских и абхазо-адыгских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. 1976. № 3.
- Миллер 1962 – *Вс.Ф. Миллер*. Язык осетин. М.; Л., 1962.
- Островский 2008 – *Б.Я. Островский*. Модальные глаголы языка дари. М., 2008.
- Рogaва, Керашева 1966 – *Г.В. Рogaва, З.И. Керашева*. Грамматика адыгейского языка. Майкоп, 1966.
- Таказов 1992 – *Х.А. Таказов*. Категория глагола в современном осетинском языке. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1992.
- Техов 1970 – *Ф.Д. Техов*. Выражение модальности в осетинском языке. Тбилиси, 1970.
- Чёнг 2008 – *Дж. Чёнг*. Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ; Цхинвал, 2008.
- Шерозия 1984 – *Р.Р. Шерозия*. Категория потенциалиса в картвельских языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1984.
- Шёгрэн 1844 – *А.М. Шёгрэн*. Осетинская грамматика, с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. СПб., 1844.
- Belyaev 2010 – *O. Belyaev*. Evolution of case in Ossetic // *Iran and the Caucasus*. 2010. № 14.
- Benveniste 1954 – *E. Benveniste*. Expression de 'pouvoir' en iranien // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1954. V. 50. № 1.
- Benveniste 1959 – *E. Benveniste*. Études sur la langue ossète. Paris, 1959.

- Bybee et al. 1994 – *J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca*. The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago; London, 1994.
- Cheung 2008 – *J. Cheung*. The Ossetic case system revisited // A. Lubotsky, J. Schaeken, J. Wiedenhof (eds). Evidence and counter-evidence: Essays in honour of Frederik Kortlandt. Amsterdam; New York, 2008.
- Emmerick 1968 – *R.E. Emmerick*. Saka grammatical studies // London oriental series. 1968. V. 20.
- Emmerick 1987 – *R.E. Emmerick*. Auxiliaries in Khotanese // M. Harris, P. Ramat (eds). Historical development of auxiliaries. Berlin; New York; Amsterdam, 1987.
- Fortuin 2000 – *E. Fortuin*. Polysemy or monosemy: Interpretation of the imperative and dative-infinitive construction in Russian. Doctoral dissertation. Amsterdam, 2000. http://www.hum2.leidenuniv.nl/pdf/S&R/fortuin_polysemy_and_monosemy_dissertation.pdf.
- Fortuin 2005 – *E. Fortuin*. From necessity to possibility: the modal spectrum of the dative-infinitive construction in Russian // B. Hansen, P. Karlik (eds). Modality in Slavonic languages. New Perspectives. München, 2005.
- Gershevitch 1961 (1954) – *I. Gershevitch*. A grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1961 (reprint from the 1954 edition).
- Hettich 2002 – *B. Hettich*. Ossetian: Revisiting inflectional morphology. Master thesis. Grand Forks, 2002.
- Holvoet 2003 – *A. Holvoet*. Modal constructions with ‘be’ and the infinitive in Slavonic and Baltic // Zeitschrift für Slawistik. 2003. V. 48. № 4.
- Holvoet 2007 – *A. Holvoet*. Mood and modality in Baltic. Krakow, 2007.
- Kiefer 1981 – *F. Kiefer*. What is possible in Hungarian? // Acta linguistica academiae scientiarum hungaricae. 1981. T. 31. № 1–4.
- Kiefer 1988 – *F. Kiefer*. Ability and possibility: the Hungarian verb *tud* ‘to be able to’ // Studies in language. 1988. V. 12. № 2.
- Maurice 1995 – *F. Maurice*. Zur Verteilung von Möglichkeit und Notwendigkeit im russischen modalen Infinitive // H. Dippong (ed.). Linguistische Beiträge zur Slavistik. München, 1995.
- Maurice 1996 – *F. Maurice*. Der modale Infinitiv in der modernen russischen Standardsprache. München, 1996.
- Nichols 2011 – *J. Nichols*. Ingush grammar. Berkeley; Los Angeles; London, 2011.
- Nuyts 2005 – *J. Nuyts*. The modal confusion: on terminology and the concepts behind it // A. Klinge, H.H. Müller (eds). Modality: studies in form and function. London, 2005.
- Nuyts 2006 – *J. Nuyts*. Modality: overview and linguistic issues // W. Frawley (ed.). The expression of modality. Berlin; New York, 2006.
- Palmer 2001 – *F.R. Palmer*. Mood and modality. Cambridge, 2001.
- Rubinstein 1986 – *G. Rubinstein*. Subjective dative in Russian infinitival clauses of purpose // Slavic and East European journal. 1986. V. 30. № 3.
- Sims-Williams 2007 – *N. Sims-Williams*. The Sogdian potentialis // M. Macuch, M. Maggi, W. Sundermann (eds). Iranian languages and texts from Iran and Turan. Ronald E. Emmerick memorial volume. Wiesbaden, 2007.
- Traugott 2006 – *E.C. Traugott*. Historical aspects of modality // W. Frawley (ed.). The expression of modality. Berlin; New York, 2006.
- van der Auwera, Plungian 1998 – *J. van der Auwera, V. Plungian*. Modality’s semantic map // Linguistic typology. 1998. V. 2.
- Vogt 1971 – *H. Vogt*. Grammaire de la langue géorgienne. Oslo, 1971.
- Weber 1981 – *D. Weber*. Beiträge zur historischen Grammatik der Ossetischen // Indogermanische Forschungen. 1981. Bd. 5.

Сведения об авторе:

Арсений Павлович Выдрин
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург
senjacom@gmail.com

Статья поступила в редакцию 31.01.2012

© 2013 г. М.М. БУРАС, М.А. КРОНГАУЗ

ОБРАЩЕНИЯ В РУССКОМ СЕМЕЙНОМ ЭТИКЕТЕ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

В статье описывается фрагмент речевого этикета: обращения, бытующие в семейном общении в русской культуре. Описание опирается на проведенное авторами анкетирование около 450 человек. В основе лежит стандартная схема обращений в семье. Особое внимание уделяется распределению имен и терминов родства при обращении. Предлагается различать три типа семьи – патриархальную, демократичную, промежуточную – с разными правилами такого распределения. Вводится понятие «прагматического сдвига». Описываются типы прагматических сдвигов при обращении и стратегии семейной коммуникации, их вызывающие.

Ключевые слова: прагматика, коммуникация в семье, обращение, термины родства, имена, прагматический сдвиг, коммуникативная стратегия

The paper describes a fragment of speech etiquette: forms of address prevailing in family communication in Russian culture are studied. The description is based on the analysis of questionnaires developed by the authors and filled out by about 450 respondents. Special attention is paid to the distribution of names and kinship terms as forms of address. It is proposed to distinguish three types of families – patriarchal, democratic, intermediate – with different rules of such distribution. The authors introduce a concept of pragmatic shift. Types of pragmatic shifts while addressing are described as well as family communication strategies which stipulate them.

Keywords: pragmatics, communication within the family, forms of address, kinship terms, names, pragmatic shift, communication strategy

1. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В настоящей статье обсуждается фрагмент семейного речевого этикета. Речь идет об обращениях, бытующих в семейном общении в русской культуре. Эта проблематика странным образом почти не присутствует в лингвистических исследованиях. В частности, можно привести лишь следующие работы на русском языке, затрагивающие тему семейных обращений: [Балакай 2002; Занадворова 2003: 277–340, ср. Формановская 1982]. Такое положение обусловлено, по-видимому, несколькими причинами: прежде всего общей закрытостью семейной коммуникации, а также отсутствием практической потребности в описании семейных обращений.

Последнее утверждение, безусловно, требует комментария. Описание этикета вообще и обращений в частности встречается, в основном, в литературе четырех жанров: во-первых, это литература этнографического характера (описание обращений в диалектах русского языка, ср. [Гольдин 2009]); во-вторых, это рекомендательная литература, адресатом которой являются иностранцы, изучающие русский язык (ср. [Формановская 1982]); в-третьих, популярная литература, ориентированная на широкого читателя, как правило, не имеющего специального лингвистического образования (ср. [Гольдин 1983]); в-четвертых, это исследования, имеющие сравнительный и типологический характер (ср. [Ларина 2009]).

В первом случае у автора нет стремления описывать стандартную систему обращений, он предполагает ее известной и описывает лишь отдельные диалектные черты,

которые, по его мнению, отличаются от стандарта. Во втором случае отсутствует специальная необходимость обучения иностранцев внутрисемейной лексике. В обычной жизненной ситуации иностранцу просто негде применять подобную лексику, ведь он не является членом русской семьи. В третьем случае, как и в первом, нет задачи описывать стандарт, тем более системным образом, поскольку подразумевается, что он известен русскоязычному читателю, а интерес для него представляют отклонения и необычные ситуации. В четвертом случае семейный этикет избегается именно в силу его закрытости (в частности, из-за отсутствия материала по многим языкам) и трудности проникновения в семейный этикет других культур. У иностранного исследователя, как правило, просто нет такой возможности.

Как мы уже говорили, стандартная система обращений обычно предполагается известной и настолько очевидной, что нет смысла ее описывать. Кажется, что это принципиальное заблуждение, основанное на недостаточном языковом опыте и, соответственно, языковой интуиции. И исследователь, и обычный носитель языка предполагает, что он знает семейный этикет, хотя основывается при этом на довольно незначительном опыте наблюдения других семей. Ведь кроме опыта собственного семейного общения мы, как правило, наблюдаем коммуникацию в семьях наших родственников и друзей (или, чуть шире, знакомых). И это обычно семьи, которые относятся более или менее к одному социальному и культурному кругу. Но даже в этом кругу некоторые особенности семейной коммуникации могут не быть очевидными.

Исследование семейных обращений показало, что в их описании есть два уровня. Первый уровень – поверхностный и тривиальный. Далее он будет представлен в виде стандартной системы. Второй уровень – глубинный и неочевидный, более того, многим носителям языка неизвестный, в силу закрытости семейной коммуникации. В основе настоящего исследования лежали методы наблюдения и анкетирования, о которых будет рассказано позже.

Прежде чем перейти к описанию системы обращений в семье, следует сделать несколько замечаний об особенностях русского языка в сфере обращений вообще, а также в сфере терминов родства. Кроме того, важно дать основные характеристики семейной коммуникации.

2. СЛОВА-ОТНОШЕНИЯ В ФУНКЦИИ ОБРАЩЕНИЙ

Большая группа существительных, используемых в функции обращения, вне этой функции семантически и синтаксически обозначает родственные и неродственные отношения, то есть относится к словам, связывающим два актанта. Естественно, что речь идет о человеческих отношениях (при употреблении этих слов в функции обращения прямо или метафорически связываются говорящий и адресат). В частности, в качестве обращений регулярно используются некоторые термины родства. В целом, можно сказать, что семантика слов-отношений переходит в плоскость прагматики следующим образом: говорящий и адресат замещают семантические актанта, роль одного приписывается говорящему, роль другого адресату.

Семантически слова-отношения довольно четко подразделяются на две группы – неравных и равных отношений. К первым, например, относятся *господин, шеф, начальник, командир*, а ко вторым – *друг, товарищ*. Термины родства в этом отношении попадают в разные группы, например, *отец* – в первую, а *брат* – во вторую. Очевидно, что для терминов родства равенство или неравенство связаны с семейным статусом, то есть попаданием в одно или в разные семейные поколения.

Многие из слов-отношений могут использоваться и в первичном, и во вторичном употреблении. Первичным мы будем называть употребление, при котором прагматика копирует семантику. Иначе говоря, Иван называет Петра *братом* в ситуации, когда Петр и в самом деле брат Ивана. К ним, таким образом, применима конструкция: *Петр – брат Ивана*, где Иван – говорящий, а Петр – адресат. Вторичным мы будем называть употребление, при котором нет тождества прагматических и семантических отноше-

ний, то есть Иван, называя Петра *братом*, не имеет в виду, что тот является его братом на самом деле. Здесь возможна только метафорическая связь «как бы брат».

Для некоторых обращений вторичная функция невозможна. Скажем, обращение *коллега* используется только по отношению к коллеге по работе или профессии, расширение его сферы применения нежелательно. По-видимому, так же ведет себя обращение *напарник*, хотя с ним мы сталкиваемся в основном в переводе иностранных фильмов про полицейских. У наиболее стандартных обращений, напротив, стерта первичная функция. Так, обращение *господин* не связано с господством и неравными статусами. Придание адресату более высокого статуса – дань вежливости, а не отражение реальной ситуации. Обращение *товарищ* также не связано ни с близкими, ни с рабочими (компаньонскими) отношениями. Вот еще несколько примеров первичных и вторичных употреблений.

Первичные

- *Бабушка, дай конфетку* (внук к бабушке).
- *Шеф, когда мы получим премию* (к начальнику).

Вторичные

- *Отец, проходи без очереди* (к незнакомому мужчине).
- *Командир, сколько до Киевского?* (к шоферу такси)

Практически все термины близкого родства могут использоваться и в первичных, и во вторичных употреблениях, то есть и по отношению к родственникам, и по отношению к другим людям, чаще к незнакомым. При этом свойства почти каждого термина родства в функции обращения индивидуальны. Например, слово *мать* используется и по отношению к незнакомым людям, и по отношению к друзьям, а для *отца* второй тип обращения невозможен:

- *Садись, мать* (к незнакомой женщине в автобусе).
- *Ну, ты, мать, совсем сошла с ума* (к близкой знакомой).

Во втором случае аналогом обращения *мать*, скорее, будет слово *старик*.

Таким образом, можно сказать, что сходные с семантической точки зрения слова имеют разный прагматический потенциал.

3. ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Для дальнейшего изложения нужно сделать несколько замечаний о терминах родства в русском языке. Система терминов родства основана на двух отношениях: ‘родитель – ребенок’ (родство в узком смысле слова, «кровное» родство) и ‘муж – жена’ (свойство). Этих отношений и указания пола одного или обоих родственников достаточно для описания семантики терминов родства в русском языке. Названия «кровных» родственников и свойственников не совпадают.

- Родство: *мать, отец, сын, дочь, брат, сестра, бабушка, дедушка, внук, внучка, дядя, тётя...*
- Свойство: *муж, жена, тёща, тесть, свёкор, свекровь, сват, сватья, зять, сноха, невестка...*

Отношениям родства присуща большая вариативность терминов. Несколько огрубляя, можно сказать, что, чем ближе и важнее отношение, тем больше вариативность: *мать, матушка, мама, мамаша, мамочка, мамуля, мамусик* и другие. Варианты имеют разные семантические, прагматические и стилистические характеристики. Например, *матушка* может быть оценена в данном значении как устаревшее, *мамаша* – как просторечное, *мамуля* – как ласковое. У вариантов разный прагматический потенциал, но многие из них тяготеют именно к функции обращения.

4. КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕМЬИ

Несколько слов надо сказать и по поводу коммуникативного пространства семьи. Важно понимать, что семья представляет собой особое коммуникативное пространство со своим речевым этикетом. Когда мы говорим о семье в контексте коммуникации, то имеем в виду далеко не всех членов семьи, а только тех, кто живет вместе или хотя бы регулярно общается в семейном кругу. Эта оговорка принципиальна, потому что именно эти члены семьи формируют ее коммуникативное пространство. В контексте коммуникации и этикета близкий родственник (дядя и тётя или даже бабушка и дедушка), с которым семья не общается или общается крайне редко, должен рассматриваться как посторонний. Особенно это касается детей, потому что у взрослых могут сохраниться воспоминания о времени, когда это общение было более интенсивным, и этикет может воспроизводиться по старым образцам. Однако надо отдавать себе отчет, что это уже следует рассматривать как этикет другой семьи.

Семейная коммуникация в целом и семейный речевой этикет могут быть уникальны на уровне лексики. Это происходит особенно в тех семьях, где культивируются игровые отношения, что распространяется и на этикет. В частности, поощряется придумывание всевозможных прозвищ. Вместе с тем на уровне правил и механизмов семейный этикет стандартен и воспроизводится в культуре в огромных количествах. Это, пожалуй, принципиальная черта семейного этикета – сочетание, по существу, противоположных характеристик: уникальности и стандартности, подразумевающей многократную воспроизводимость. Несколько забегаая вперед, можно сказать, что существует не один, а несколько типов семейных этикетов, многократно воспроизводимых в русской культуре.

Отдельно надо отметить, что для части семей характерен отказ от использования многих этикетных средств. Это означает, что внутри семьи и вообще между близкими людьми может происходить взаимный отказ от многих форм позитивной вежливости, в частности отказ от употребления формул вежливости и порой даже обращений.

Для некоторых семей характерна еще более неожиданная форма отношения к этикету и его использования на практике. Это не просто отказ от этикетных средств, но и выбор демонстративно невежливых форм при общении внутри семьи. В данном случае речь, конечно же, идет не о людях, всегда использующих грубые формы, а о речевом приеме, специфичном для семейной коммуникации и коммуникации между близкими людьми. В этом случае, по-видимому, уместно говорить об особом рода «этикете наоборот», то есть об «антиэтикете».

Последнее замечание касается индивидуальной рефлексии по поводу семейной коммуникации и семейного этикета. Отношение к ним у многих людей эмоционально, что, в частности, проявляется и при анкетировании. Очевидно, что некоторыми людьми творчество в семейной коммуникации ощущается как предмет гордости, что выражается в необычайно подробном заполнении анкеты с множеством окказиональных примеров, с подчеркиванием индивидуальных игровых механизмов. В бытовом общении это проявляется в рассказах об особенностях семейной коммуникации с цитатами, в первую очередь детской речи. Вместе с тем семейная коммуникация многими ощущается и как интимное пространство, особенности которой не должны быть известны посторонним. Такая позиция может выражаться в уклонении или прямом отказе от анкетирования.

5. АНКЕТИРОВАНИЕ

Как уже сказано выше, наше исследование опиралось на наблюдение и анкетирование. Следует подробнее остановиться на последнем. Была подготовлена анкета, заполнение которой занимало обычно от 10 до 15 минут. В отдельных случаях, впрочем, анкета заполнялась значительно дольше. Определенное количество анкет распространялось по Интернету, и время заполнения никак не отслеживалось.

Анкета под названием «Обращение в семье» приводится вместе с преамбулой.

Дорогие друзья, в этой анкете мы хотели бы получить информацию об обращениях, используемых в вашей семье. Поэтому в ответах указывайте, пожалуйста, термины родства, имена и другие существительные, которые используются исключительно при обращении к вам или к вашим родственникам. В ответах указывайте самые частые обращения в порядке убывания (например, Костя, Костик, Костичка, сынуля). Вопросы, сформулированные в настоящем времени, касаются также и прошлого, если речь идет о родственниках, с которыми вы по каким-либо причинам сейчас не общаетесь. Спасибо за помощь.

Сведения об анкетирваемом:

Полное имя (например, Константин или Екатерина):

Возраст:

Пол:

Члены семьи, проживающие вместе с вами:

Другие родственники, с которыми вы регулярно общаетесь:

Вопросы:

1. К кому из названных родственников вы обращаетесь на Вы?
2. Кто из названных родственников обращается к вам на Вы?
3. Как вас называет ваша мать?
4. Как вас называет ваш отец?
5. Как вас называют ваши бабушки?
6. Как вас называют ваши дедушки?
7. Как вас называют ваши сестры?
8. Как вас называют ваши братья?
9. Как вас называют ваши дочери?
10. Как вас называют ваши сыновья?
11. Как вас называют ваши тети и дяди?
12. Как вас называют ваши племянницы и племянники?
13. Как вас называет ваш(а) супруг(а)?
14. Как вас называют прочие члены семьи, проживающие вместе с вами?
15. Как вы называете вашу мать?¹
16. Как вы называете вашего отца?
17. Как вы называете ваших бабушек?
18. Как вы называете ваших дедушек?
19. Как вы называете ваших сестер?
20. Как вы называете ваших братьев?
21. Как вы называете ваших дочерей?
22. Как вы называете ваших сыновей?
23. Как вы называете ваших тетей и дядей?
24. Как вы называете ваших племянниц и племянников?
25. Как вы называете вашего / вашу супруга / супругу?
26. Как вы называете прочих членов семьи, проживающих вместе с вами?
27. Как называют друг друга ваши родители?
28. Используют ли ваши родственники при обращении к вам термины родства *сын, дочь, внук, внучка, брат, сестра, жена, муж, супруг* и производные от них (например, *сын, дочура, братец, сеструха, жёнушка*)? Какие именно?

Если да, приведите примеры ситуаций, в которых это возможно, или укажите, что это обычное обращение.

В результате анкетирования было получено и обработано около 450 анкет. Очень важно отметить, что при этом не ставились никакие социолингвистические задачи и никакие строгие статистические задачи вообще. Процесс анкетирования показал принципиальную невозможность статистики из-за ее недостоверности. Было выделе-

¹ Если при обращении используется уменьшительное, ласкательное и т.п. имя родственника, укажите, пожалуйста, в скобках его полное имя (это примечание касается вопросов 15–27).

но несколько семей, в которых анкетировались все или несколько членов. В этих случаях обычно члены одной семьи заполняют анкеты разным образом, а иногда просто противоречат друг другу. Следует отметить, что противоречия встречались и внутри одной анкеты. Так, заполнение пункта 28, который содержит определенную подсказку и просьбу о поверхностном анализе, могло противоречить информации, предоставленной при заполнении других пунктов. Тем не менее определенные нестрогие выводы о частоте механизмов все же могли быть сделаны. Прежде всего использовались оценки: «регулярные», «редкие», «единичные» явления.

Главной целью анкетирования был сбор разнообразных этикетных явлений. Иначе говоря, присутствие явления в анкете означает, что такое явление существует в данной семье, напротив, отсутствие явления в анкете не означает, что в данной семье оно не представлено (например, анketируемый мог при заполнении анкеты его просто забыть).

Таким образом, степень доверия к анketируемым в этом исследовании может быть сформулирована так: анketируемый может сознательно или бессознательно умолчать о семейном обращении (например, забыть), но не будет прямо обманывать, то есть указывать обращение или тип обращения, который не используется в семье.

Отдельное внимание уделялось отказам от анketирования. Случаи эксплицитного отказа фиксировались. К сожалению, невозможно было зафиксировать все случаи уклонения от заполнения анкет. Среди отказов от заполнения различались нейтральный (вежливый) или возмущенный. Было зафиксировано два возмущенных отказа, сопровождавшихся словами о недопустимости внедрения в личную сферу.

6. ТИПЫ ОБРАЩЕНИЙ И ИХ КОНКУРЕНЦИЯ

После обработки анкет были выделены три основных типа обращения:

- Термины родства
- Имена
- Прозвища.

Интересно, что не всегда удается провести четкую границу между прозвищами и двумя другими группами. Некоторые прозвища основаны на терминах родства и именах. Иногда это очевидно, и тогда можно говорить о вариантах терминов родства и имен. Иногда это неочевидно, и тогда все же следует говорить о прозвищах (поскольку нет специальной задачи изучить историю появления прозвища). Использование прозвищ довольно характерная черта семейного общения, но ни в коей мере не обязательная и не общепринятая, поэтому при описании стандартной схемы прозвища вообще не рассматривались. На первый взгляд, они могут заменять личные имена, но анketирование показало, что они легко заменяют и термины родства, или, по крайней мере, встречаются в сходных ситуациях и сходных функциях. Все же по поводу прозвищ можно сделать самые общие утверждения. Они обычно используются при обращении вниз (к младшим поколениям) и горизонтально (к представителям своего поколения). Часто прозвища употребляются в коммуникации между братьями и сестрами. Их употребление иногда индивидуально (прозвище использует один человек), иногда касается всех членов семьи. Если прозвище используют все члены семьи, то говорят о семейном имени человека, по отношению к которому оно используется. Очевидно, что бытование прозвищ требует отдельного исследования. Это же касается и вариативности как отдельных терминов родства, так и имен. В представленных результатах вариативность практически не учитывалась.

7. СТАНДАРТНАЯ СИСТЕМА

Ниже описана стандартная схема семейных обращений, в такой или незначительно отличающейся форме представленная в ряде работ [Балакай 2002; Занадворова 2003].

- Обращение вверх (к родителям и их родителям).
- ↑ термины родства: *мама, папа, бабушка, дедушка...* (+ имена)

- Обращение горизонтально (к братьям и сёстрам, супругам).
- → имена или термины родства: *Ваня, Маша, брат, сестра...*
- → имена или термины родства: *Ваня, Маша, муж, жена...*
- Обращение вниз (к детям и внукам)
- ↓ имена или термины родства: *Ваня, Маша, сынок, дочка...*

Можно сказать, что в основе русского семейного этикета лежит именно стандартная схема, то есть ей пользуется подавляющее большинство семей, говорящих по-русски. Тем не менее существует множество отклонений от нее, как уникальных, так и относительно регулярных. Особой оговорки требует употребление терминов родства по браку – *муж* и *жена*. Они используются крайне редко и возможны, по-видимому, при игровом и шутовском общении. В этом случае предпочитают различные гипокористические варианты: *жёнущка, муженёк*. В принципе, можно не включать их в стандартную схему.

Одним из главных отклонений от стандартной схемы является замена термина родства именем при обращении вверх, то есть к матери, отцу, бабушке и дедушке. Как правило, это вызвано поведением старшего родственника, которое может быть обусловлено разными причинами, например желанием скрыть возраст.

Наконец, надо отметить неполноту описания семейного этикета с помощью стандартной схемы в одном принципиальном отношении. Лингвисты, предлагающие ее, не указывают распределение имен и терминов родства, когда оба варианта допустимы, то есть при обращении горизонтально и вниз. Исходя из этого, можно было бы сделать вывод, что они находятся в свободном варьировании. Однако это не так.

8. СТРАТЕГИИ ОТКЛОНЕНИЯ

Общих правил, характеризующих распределение имен и терминов родства в сфере обращения, по-видимому, нет. При обработке анкет возникает ощущение хаоса в этом вопросе. Однако комментарии анкетированных и наблюдение отдельных семей позволяют сделать вывод, что речь идет не о хаосе, а о наличии нескольких систем, довольно строго распределенных по русскоязычным семьям. Правда, и при таком подходе необходим ряд оговорок о тенденциях, отклоняющих этикет в сторону от системности. Речь идет о том, что в отдельной семье может не быть единого этикета, а сосуществуют элементы разных систем. Иначе говоря, в семье может существовать и единая групповая стратегия, но часто семья разбивается на подгруппы, использующие разные стратегии. Выпадать могут случайным образом отдельные линии, означающие особые отношения между двумя членами семьи, но есть и общие тенденции рассогласования систем. Первая состоит в том, что обращения в системе «родители–дети» могут принципиально отличаться от этикета в системе «братья–сёстры», то есть встречается горизонтально-вертикальная асимметрия семейного этикета. Второй тип асимметрии можно назвать гендерным, что означает наличие разных стратегий обращения детей к отцу и матери и значительно реже – обращения родителей к сыновьям и дочерям.

Наконец, нужно повторить, что в отдельных семьях имеет место полный или частичный отказ от многих элементов этикета, в том числе от обращений. Рядом с этим находится и явление, которое выше названо «антиэтикетом», а именно использование в качестве обращения бранных и просто грубых слов как маркера фамильярности, а возможно, и нежности.

9. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ИМЕН И ТЕРМИНОВ РОДСТВА В ОБРАЩЕНИЯХ

Итак, главным недостатком стандартной схемы оказывается отсутствие правил распределения имен и терминов родства в функции обращения горизонтально или вниз. Описать общие правила распределения не удастся, поэтому предлагается три набора таких правил, которые соответствуют различным (коммуникативным) типам семей. Названия типов условны и не содержат оценки.

Выделяются три типа семьи:

- патриархальная,
- демократичная,
- промежуточная.

В патриархальной семье при обращении вниз и горизонтально используются и термины родства, и имена. Термины родства нейтральны и, возможно, предпочтительны. Степень предпочтительности может показать только специальное исследование патриархальных семей. В демократичной семье употребляются только имена. Термины родства очень сильно маркированы и возможны исключительно в виде шутки, подчеркнутой иронии. Наконец, в промежуточном типе в основном используются имена. Термины родства маркированы и возможны в определенном наборе ситуаций.

10. ВЫДЕЛЕННЫЕ СИТУАЦИИ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ РОДСТВА ПРИ ОБРАЩЕНИИ ВНИЗ И ГОРИЗОНТАЛЬНО (↓→)

Проанализировав комментарии при заполнении 28-го пункта анкеты, можно выделить короткий набор ситуаций, в которых в промежуточном типе семьи возможны термины родства при обращении вниз и горизонтально (↓→). Наблюдение за речевым поведением ряда семей подтверждает оправданность этого перечня:

- Побуждение (*Сын, ты должен это сделать*)
- Торжественность (*Сестра, поздравляю тебя с поступлением в университет*)
- Ласка (*Доченька, что же ты ничего не ешь?*)

Для всех этих ситуаций можно говорить о некоей общей причине, которая лежит в их основе. Речь идет об актуализации родственных отношений. В момент произнесения термина родства родители вспоминают о родственных связях и апеллируют к ним, чего в обычной ситуации не делают.

К этим трем прототипическим ситуациям следует добавить еще одну:

- Ирония

Эта ситуация является общей для семей промежуточного и демократичного типа, и к ней тоже применима идея актуализации родственных отношений, только в отличие от предыдущих случаев здесь актуализация игровая, основанная на шутке. Это «как бы» актуализация. Разница между семьями промежуточного и демократичного типа состоит в интенсивности иронии. Можно сказать, что в последнем случае игра носит издевательский характер.

11. ЧТО ТАКОЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СДВИГИ В ОБРАЩЕНИИ

Теперь можно перейти к весьма интересному явлению, для которого в настоящей работе предлагается специальный термин «прагматический сдвиг». Под прагматическим сдвигом при обращении понимается ситуация, когда термин родства используется не в соответствии с его значением. Например, *дочкой* называют не дочку, *дедом* – не деда и так далее. Существенно также, что это происходит под влиянием прагматики, прежде всего ради осуществления какой-то коммуникативной стратегии внутри семьи. Здесь отсутствует метафорический перенос. Именно поэтому в ситуации прагматического сдвига нет смысла говорить о вторичном употреблении термина родства. Далее вначале рассматриваются именно такие прагматические сдвиги. Затем это понятие несколько расширяется.

Прагматический сдвиг можно считать регулярным явлением, поскольку он воспроизводится в разных семьях. Важно отметить, что он не всегда осознается носителями языка. Подтверждением этого можно считать обнаружение прагматического сдвига при наблюдении за семейным общением, хотя члены данных семей не указывают соответствующие обращения в анкете. Прагматический сдвиг, как правило, связан с рождением ребенка. Существует несколько конкретных видов прагматического сдвига. Их можно, в частности, представить как замену обращений. Далее описываются только зафиксиро-

ванные виды, хотя можно предположить, что их больше. Возможно, они более симметричны с гендерной точки зрения, но, возможно, гендерная асимметрия и неслучайна.

- Муж → Отец (Папа) → Дед
- Отец → Дед
- Жена → Мать
- Внучка → Дочка (исключительно в речи женщин)

Опишем эти прагматические сдвиги более подробно. Итак, после рождения ребенка жена может начать обращаться к мужу *отец* или *папа*, а после рождения внука на смену этим обращениям может прийти обращение *дед*. Обычно такое обращение формируется постепенно. Сначала оно используется в присутствии ребенка, потом становится независимым от этого фактора, далее продолжает использоваться регулярно и после того, как дети становятся взрослыми и покидают родителей. Эта ситуация может воспроизводиться и при рождении внука. Принципиальным фактором является совместное проживание с ребенком или, по крайней мере, постоянное общение.

Такой сдвиг может происходить и при обращении дочери к отцу после рождения ее ребенка и, соответственно, его внука. По-видимому, имеет место определенная гендерная асимметрия, по крайней мере, для мужчин зафиксирован лишь сдвиг при обращении к жене. В этом случае используется обращение *мать* (однократно зафиксировано обращение *мамочка*). Из сказанного видно, что не все варианты терминов родства пригодны для прагматического сдвига. Наконец, нужно назвать самый редкий сдвиг, когда женщина при обращении к внучке использует слово *дочка*. Его нельзя назвать регулярным, по-видимому, он связан с воспитанием внучки при отсутствующей матери. Этот сдвиг занимает особое место, в частности, он связан не с рождением ребенка, а с замещением функции. Его также с некоторой натяжкой можно интерпретировать и как метафору («как дочка»), то есть как вторичное употребление, что все же кажется нежелательным, поскольку речь идет о сложном родственном взаимодействии внутри семьи. Интересно также, что он не влечет сдвига «бабушка → мать» в речи внучки.

12. РАСШИРЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРАГМАТИЧЕСКИЙ СДВИГ». СИММЕТРИЯ

Кажется целесообразным расширить понятие «прагматический сдвиг» и применять его к сходным случаям, независимо от того, идет ли речь об использовании терминов родства или прозвищ. Это имеет смысл делать, если у прозвища появляется устойчивая прагматическая функция, интерпретируемая как некое семейное отношение. Можно также сказать, что речь идет о нестандартном использовании терминов родства, имен или прозвищ, в основе которого лежит определенная коммуникативная стратегия. Первый тип подобного прагматического сдвига (то есть сдвига в широком смысле слова) представлен симметрией при горизонтальном обращении. Именно это мы наблюдаем в русском языке при использовании таких терминов родства, как *брат* и *сестра*, но только при гендерном тождестве: братья употребляют обращение *брат* (с вариантами) по отношению друг к другу, а сестры – *сестра* (с вариантами). Таким же образом могли бы использоваться и слова *супруг* и *супруга*, но они практически не встречаются в функции обращений.

В анкетах были зафиксированы несколько случаев употребления в этой функции прозвищ. Они встречаются при общении братьев, братьев и сестер, супругов. Так, прозвища *Сяба*, *Крупыша*, *Кореандр* используют взаимно в разных семьях в общении между собой пары родственников, находящихся в горизонтальном родстве, независимо от пола. Так, обращение *Крупыша* использовали по отношению друг к другу и брат, и сестра.

Еще более неожиданный случай прагматического сдвига представлен симметрией при вертикальном общении. Эти примеры единичны.

В одной из анкет указано, что мать и сын обращаются друг к другу – *мамуля*. В другой анкете указывается, что мать и сын обращаются друг к другу при помощи имени *Николуша*. Первый случай можно назвать инверсией обращения, существующей

в некоторых языках и нехарактерной для русского. Правда, в [Braun 1988] для русского языка указывается возможность инверсии, то есть использования термина родства при обращении в обратном направлении, но речь идет лишь об одном диалекте².

Можно предположить, что в основе этих двух прагматических сдвигов лежит своего рода эхо-эффект. В первом случае, то есть в случае классической инверсии, мать повторяет обращение сына *мамуля* уже по отношению к нему. Скорее всего, первоначально предполагается игровая ситуация, которая позднее закрепляется в качестве нейтральной. Во втором случае также имеет место эхо-эффект, но уже сын повторяет собственное имя при обращении к матери. Последний тип прагматического сдвига в расширенном понимании представлен «абсолютной» симметрией. Все члены семьи обращаются друг к другу одинаково. Такие примеры также единичны. В анкете член семьи, состоящей из трех человек (мать, отец, дочь), указывает в качестве общесемейного обращения одно слово: *сонечка*, – очевидным образом, не связанное с личными именами членов семьи. Можно выдвинуть гипотезу, что все члены семьи любят поспать, но происхождение общесемейного обращения не так принципиально, как сам факт его наличия.

13. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРИ ПРАГМАТИЧЕСКОМ СДВИГЕ

Прагматические сдвиги не следует считать случайностью, они обусловлены определенными коллективными или индивидуальными коммуникативными стратегиями.

В случае стандартного прагматического сдвига можно говорить о выборе семейного центра. Таким центром, как правило, может становиться ребенок, либо сразу после его рождения, либо в процессе обучения родному языку. Рождение ребенка или обучение его языку мотивирует членов семьи в его присутствии обращаться к другим членам семьи так, как это должен был бы сделать ребенок. Принципиален тот факт, что в дальнейшем присутствие ребенка становится необязательным, а «детское» обращение закрепляется в обыденном общении взрослых людей. Несколько огрубляя ситуацию, можно сказать, что семейная функция, например, *отца*, а потом и *деда* перевешивает функцию *мужа*, что сказывается на обращении. Эта стратегия является распространенной и регулярной и должна учитываться при описании системы обращений в русском языке. В случае сдвига «внучка → дочка» происходит частичное перераспределение семейных функций. Этот сдвиг нельзя считать регулярным.

При различных «прагматических сдвигах» в расширенном понимании этого термина можно говорить о стратегии идентификации человека как члена семьи или некой подгруппы в составе семьи. Одно обращение (термин родства, имя или прозвище) для всей семьи или для ее подгруппы, как правило, для пары родственников, подчеркивает семейное единство. Можно говорить об общесемейном имени (для нескольких или для всех членов семьи). Обращение отчасти выполняет функции приветствия в сказке Киплинга: «Мы с тобой одной крови!». Однако стратегии идентификации не являются достаточно регулярными, поэтому говорить об их присутствии в русской речевой культуре надо с осторожностью. Очевидно, что сам подобный механизм используется, но в различных вариациях, каждая из которых единична.

14. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью исследования было показать недостаточность описания семейных обращений с помощью стандартной схемы и предложить дополнения и уточнения, которые, с одной стороны, сохраняют системность этого фрагмента русского речевого этикета, а с другой стороны, позволяют учесть множество интересных отклонений и нюансов, включая такое важное явление, как прагматические сдвиги.

² Автор ссылается на исследование Д.К. Зеленина [Зеленин 1929–1930].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балакай 2002 – *А.Г. Балакай*. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. Новокузнецк, 2002.
- Гольдин 1983 – *В.Е. Гольдин*. Речь и этикет. М., 1983.
- Гольдин 2009 – *В.Е. Гольдин*. Обращение: Теоретические проблемы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.
- Занадворова 2003 – *А.В. Занадворова*. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.
- Зеленин 1929–1930 – *Д.К. Зеленин*. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 8. Л., 1929; Т. 9. Л., 1930.
- Ларина 2009 – *Т.В. Ларина*. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.
- Формановская 1982 – *Н.И. Формановская*. Употребление русского речевого этикета. М., 1982.
- Braun 1988 – *F. Braun*. Terms of address: Problems of patterns and usage in various languages and cultures. Berlin, 1988.

Сведения об авторах:

Мария Михайловна Бурас
Центр прикладных коммуникаций
mburas@yandex.ru

Максим Анисимович Кронгауз
Российский государственный гуманитарный университет
mkronhaus@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 4.10.2012

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

P. Suihkonen, B. Comrie, V. Solovyev (eds). Argument structure and grammatical relations: A cross-linguistic typology. Amsterdam: John Benjamins, 2012. xv + 406 pp. (Studies in language companion series 126). ISBN 978-90-272-0593-3.

Данная книга представляет собой сборник статей, прочитанных ранее в виде докладов на симпозиумах LENCA (Languages spoken in Europe and North and Eastern Asia) I и LENCA II, прошедших в 2001 г. в Ижевске и в 2004 г. в Казани. Том содержит 14 статей и предисловие Бернарда Комри (с. XIII–XV).

Открывает сборник статья Асьера Алькаса-ра «Обманчивый случай расщепленной непереходности в баскском» (с. 1–16). Проблема, которую пытается решить автор статьи, – определение статуса так называемых неэргативных (в другой терминологии – «агентивных») одноместных глаголов в баскском, особенность которых в том, что субъект при них маркируется эргативным падежом¹. Автор видит следующие альтернативы: либо такие глаголы следует рассматривать как переходные, несмотря на отсутствие выраженного прямого объекта, и тогда баскский – язык с эргативной морфологией; либо они непереходные, и тогда в баскском нужно постулировать активный строй, или расщепленную непереходность. В последнем случае получается, что неаккузативные (в другой терминологии – «пациентные») одноместные предикаты оформляются как непереходные (т. е. их субъект кодируется номинативом), а неэргативные – как переходные с эргативным субъектом. Пытаясь получить ответ на этот вопрос, А. Алькасар рассматривает поведение неэргативных глаголов в абсолютной конструкции (подобной лат. *ablatus absolutus* и аналогичным конструкциям в других индо-

европейских языках) и «редуцированной» (нефинитной) релятивной клаузе в баскском и испанском. Если в испанском языке неэргативные глаголы в данных контекстах запрещены, а разрешены только переходные и неаккузативные, то в баскском допускаются все три типа. Исходя из этого, автор делает вывод, что неэргативные глаголы в баскском следует рассматривать как переходные. Главным (и единственным, помимо «переходного» маркирования) доводом автора в пользу переходности неэргативных глаголов в баскском, таким образом, является отождествление свойств абсолютной конструкции и нефинитной релятивной клаузы в баскском и в испанском. Однако в разделе, посвященном абсолютной конструкции, А. Алькасар указывает на то, что ее свойства в баскском сближают ее с аналогичной конструкцией в староитальянском, где неэргативные глаголы в данной позиции также допускаются. Как кажется, в свете староитальянских данных аргумент автора теряет силу: при таком унифицирующем подходе неэргативные глаголы в староитальянском (равно как и в других языках, допускающих их присутствие в абсолютной конструкции) нужно также рассматривать как переходные, но никаких аргументов в пользу такой позиции автор не приводит. Возможно, более логичным было бы противопоставить абсолютную конструкцию и нефинитную релятивную клаузу в баскском и староитальянском, с одной стороны, и в испанском, с другой стороны, как обладающие бóльшим или меньшим набором признаков финитной клаузы соответственно; наблюдения, способствующие такому анализу, в статье приводятся.

Статья Бернарда Комри (с. 17–35) посвящена кодированию аргументов глагола с семантикой ‘давать’ в языках Европы, Центральной

¹ Ume-ak   dei-tu
ребенок-ERG.SG   звонить-PRF

du.
иметь.3SG.3SG

‘Ребенок позвонил’ (с. 2).

и Северной Азии. Доминирующей стратегией для данного региона является непрямая ($T=P \neq R^2$), изредка встречаются также секундаривная ($R=P \neq T$: вахский диалект хантыйского), стратегия с двумя прямыми объектами ($R=P=T$: абхазский), а также сосуществование в языке непрямой стратегии и стратегии с двумя прямыми объектами (кетский, нивхский и др.) – в последнем случае выбор между стратегиями часто задается коммуникативной структурой высказывания. Б. Комри перечисляет некоторые свойства синтаксического приоритета, которые могут противопоставлять тему и реципиент: индексирование в глаголе, способность становиться субъектом пассива, приоритет в порядке слов (линейное предшествование и близость к глаголу), «управление» супплетивизмом глагола (например, в корейском различаются глаголы 'давать' с реципиентом, низшим/равным vs. высшим по социальному статусу). Б. Комри разделяет признаки синтаксического приоритета, коррелирующие с падежным маркированием (при непрямой стратегии: признак есть только у Р и Т или только у R) и расходящиеся с ним (при непрямой стратегии: признак есть у Р и R, только у Р или только у Т). Б. Комри полагает, что тот факт, что «в интересных случаях» приоритетным актантом оказывается реципиент, связан с его высокой позицией в иерархии одушевленности и может быть поставлен в один ряд с наблюдением, что эргативное подлежащее, несмотря на свой «косвенный» падеж, часто обладает синтаксическим приоритетом перед другими ИГ.

Материал, представленный в статье Г. Корбета «Синтаксические отношения и типология систем согласования» (с. 37–54), вошел также в его изданную ранее книгу «Согласование» [Corbett 2006]. В статье автор обращает внимание на тот факт, что возможность выступать контролером согласования с глаголом не всегда задается только синтаксической ролью ИГ: решающим фактором может стать семантика (как ИГ, так и предиката), коммуникативная функция ИГ или ее падеж.

Статья М.А. Даниэля, Т.А. Майсака и С.Р. Мердановой «Каузативы в агульском» (с. 55–113) рассматривает синтаксические свойства каузатива в агульском языке и семантические различия между каузативами, образованными от одного и того же глагола с использованием различных моделей (такие, как противопоставление прямой и непряой каузативизации). Также отмечается, что кодирование каузируемого участника номинативом/эргативом vs. локативным падежом передает семантику большего vs. меньшего

контроля со стороны данного участника над каузируемой ситуацией.

А.Ю. Фильченко в статье о коммуникативных стратегиях в восточных хантыйских диалектах (с. 115–131) пытается показать, как в анализируемых им говорах восточной диалектной группы хантыйского языка коммуникативные свойства ИГ влияют на возможность ее индексирования в глаголе, контроля ей рефлексивного местоимения, согласования с ней предиката зависимой релятивной клаузы и другие синтаксические свойства. Хотя в целом аргументация автора не оставляет сомнений в том, что синтаксические свойства ИГ в хантыйском связаны с коммуникативными, в статье есть несколько «темных» мест. Так, остается непонятным, какие именно коммуникативные свойства наделяют ИГ тем или иным синтаксическим признаком. Хотя автор неоднократно говорит, что важны и выводимость референта из контекста, и активированность, и определенность, и топикальность, он не демонстрирует действие каждого из данных параметров, а один из примеров (с. 124) показывает, что как минимум в некоторых случаях достаточно противопоставления фокуса и топика. Кроме того, неясно, является ли связь коммуникативной функции и (хотя бы некоторых) синтаксических признаков грамматикализованной: так, говоря об индексировании в имени лица и числа посессора, автор отмечает, что оно обязательно при местоименных посессорах и обычно не встречается при посессорах – полных ИГ, но не говорит о том, возможно ли индексирование при посессоре – полной ИГ в принципе и в какой мере данное противопоставление распространяется на другие синтаксические параметры.

Статья «Асимметрия в аргументной структуре в языках мира» Джона Хокинза (с. 133–151) развивает идеи, высказанные им ранее в книгах [Hawkins 1994; 2004]. Автор задается вопросом, почему выбор между наличием и отсутствием у ИГ некоторого синтаксического приоритетного признака и другие синтаксические свойства, такие как линейный порядок ИГ в клаузе, могут определяться местом ИГ в одной или нескольких иерархиях: семантической, синтаксической, падежной и др. Дж. Хокинз предлагает решать эту проблему с помощью трех функционалистских принципов: если две языковых единицы связаны синтаксическим отношением, они должны находиться как можно ближе друг к другу («minimize domains»); предпочтительно, чтобы меньшему количеству формальных единиц было присвоено большее количество значений («minimize forms»); предпочтительно, чтобы значения могли присваиваться формальной единице в момент ее распознавания («maximize on-line processing»). Дж. Хокинз подчеркивает, что хотя данные

² Т – тема, R – реципиент (при дитранзитивном предикате); Р – пациент (при монотранзитивном предикате).

принципы объясняют существование иерархий, они не дают понять, почему иерархии имеют разный «вес» и, например, в эргативных языках порядок SO (агенса выше пациенса в иерархии семантических ролей, но номинатив выше эргатива в падежной иерархии) встречается чаще, чем OS.

Статья Тэхо Чана и Томаса Пейна «Маркирование топика и устройство нарратива в сибирском» (с. 152–175) рассказывает о частице *da*, встречающейся в разговорном регистре сибирского (языка тунгусо-маньчжурской ветви алтайской семьи, иногда также рассматриваемого как диалект маньчжурского языка). Авторы говорят об «ограничительной» функции данной частицы: она может следовать за топиком; наречием, располагающимся в начале клаузы; союзом, соединяющим предложения (*tumake* 'и тогда', *dam* 'однако'); нефинитной клаузой или клаузой с перфективным маркером, передающими предшествующее событие; и, таким образом, отмечает ограничение действия по времени, месту, привязанности к референту или же его положение в цепочке других событий. Авторы отмечают, что «умелое» употребление частицы *da* в нарративе оценивается носителями как свойство хорошего рассказчика.

Юха Янхунен в статье «Об иерархии структурной конвергенции в языковом ареале Амдо» (с. 176–189) рассматривает вопрос о том, какие структурные признаки языков заимствуются в языковом союзе, а какие нет, на примере ареала Амдо (части исторического Тибета, принадлежащей сейчас Китаю и поделенной между провинциями Ганьсу, Цинхай и Сычуань), где говорят на языках четырех групп: тюркской, монгольской, синитической и тибетской. Примерное время существования данного союза – от 500 до 1500 лет. Автор задается следующими вопросами, на которые пока не находит ответа: почему некоторые черты, такие как эргативный vs. аккузативный строй, порядок определения и существительного, не заимствовались, а также почему из двух конкурирующих черт, таких как согласование глагола по лицу с подлежащим и категория перспективы (противопоставление форм глагола при подлежащем 2 лица в вопросе и 1 лица в утвердительном предложении остальным формам), в языковом союзе распространилась именно вторая.

В статье «Пирамиды пространственных отношений в северо-восточных тюркских языках и их соседях» (с. 191–210) Ларс Юхансон пытается представить пространственные маркеры, встречающиеся в данных языках, в виде пирамиды, где на верхнем уровне располагаются максимально простые с точки зрения формы и абстрактные с точки зрения значения показатели, а на нижнем – максимально формально сложные и конкретные. Как кажется, однако, утвержде-

ние автора, согласно которому при движении от более просто устроенных маркеров к более сложным происходит конкретизация семантики, слишком прямолинейно. Так, на верхнем уровне пирамиды автор помещает «конструкции без маркера», то есть случаи, где пространственная семантика ИГ не маркирована ни падежным окончанием, ни послелогом; однако она оказывается по крайней мере не более абстрактной, чем семантика следующего уровня «простых» падежей: если вторые в большинстве случаев не противопоставляют динамические и нединамические ситуации, то первые как минимум в некоторых языках используются только для динамических ситуаций.

Статья А.А. Кибрика о языках с вершинным маркированием (с. 211–240) проводит аналогию между слотами в глаголе, где индексируются участники с различными семантическими ролями, и падежами в языках с зависимостным маркированием. Автор призывает не смешивать в описании языка в целом и при глоссировании примеров в частности синтаксические отношения с семантическими ролями, а также использовать одинаковую терминологию для анализа глагольной словоформы в эргативных, аккузативных и активных языках с вершинным маркированием.

Хи-Су Ким в статье «Переходная, каузативная и пассивная конструкции в корейском и японском» (с. 241–255) предлагает новые критерии для противопоставления перечисленных в названии конструкций: во-первых, в каузативной конструкции так или иначе контролируют каузируемое действие и участник с грамматическим статусом подлежащего, и участник – прямое дополнение, тогда как в обычной переходной конструкции это только участник – подлежащее, а в пассивной участник – подлежащее не контролирует действие; во-вторых, в переходной конструкции участник – не-подлежащее является внутренним аргументом (*internal argument*) предиката, в двух других – внешним (*external argument*). Первый критерий – уровень контроля со стороны разных участников ситуации – автор использует также для противопоставления прямой, не прямой и социативной (*sociative*) каузации.

Марианна Митун в статье «Кодирование ядерных актантов и дальнее родство» (с. 257–294) рассматривает примеры, опровергающие представление о том, что кодирование ядерных актантов является стабильной чертой, хорошо сохраняется в родственных языках, не заимствуется при ареальном контакте и, следовательно, может быть индикатором дальнего родства языков (такое утверждение было, в частности, сделано в [Nichols 1992: 181]). Как показано в статье, в четырех неродственных языках Северной Калифорнии (чимарико, яна, юрок и карук) наблюдается один и тот же –

иерархический, самый редкий среди языков мира, – тип кодирования ядерных актантов, причем это сходство не может являться генетическим.

В статье Анны Северской и Дика Баккера (с. 295–323) сравнивается понимание синтаксического отношения в трех близких теориях: функциональной грамматике С. Дика [Dik 1997], типологии синтаксических отношений А.Е. Кибрика [Kibrik 1997; 2001] и референциально-ролевой грамматике Ван Валина и ЛаПоллы [Van Valin, LaPolla 1997]. Авторы отмечают, что анализ синтаксических отношений в рамках этих трех теорий позволяет противопоставить европейские языки, где синтаксические отношения обычно «переменные» (variable), северно- и центральноазиатским языкам, для которых более типичны «фиксированные» синтаксические отношения (invariable).

Последняя статья сборника, принадлежащая Пиркко Суйхконен (с. 325–354), на материале финского и удмуртского языков рассматривает, как на различные аспектуальные характеристики предложения влияют лексический тип предиката, деривационные суффиксы глагола и квантифицирующие наречия.

Сборник, несомненно, представляет интерес для широкого круга читателей, в первую

очередь для лингвистов-типологов и синтаксистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Corbett 2006 – G.G. Corbett. Agreement. Cambridge, 2006.
Dik 1997 – S.C. Dik. The theory of functional grammar. Part 1: The structure of the clause. Berlin, 1997.
Hawkins 1994 – J.A. Hawkins. A performance theory of word order universals. Cambridge, 1994.
Hawkins 2004 – J.A. Hawkins. Efficiency and complexity in grammars. Oxford, 2004.
Kibrik 1997 – A.E. Kibrik. Beyond subject and object: Towards a comprehensive relational typology // Linguistic typology. 1997. V. 1. № 3.
Kibrik 2001 – A.E. Kibrik. Subject-oriented vs. subjectless languages // M. Haspelmath et al. (eds.). Language typology and language universals. An international handbook. V. 2. Berlin, 2001.
Nichols 1992 – J. Nichols. Linguistic diversity in space and time. Chicago, 1992.
Van Valin, LaPolla 1997 – R.D. Van Valin, R.J. LaPolla. Syntax. Cambridge, 1997.

М.В. Шкапа

Сведения об авторе:

Мария Валерьевна Шкапа
Институт языкознания РАН
mashashkapa@gmail.com

M. Maiden, J.Ch. Smith, M. Goldbach, M. Hinzelin (eds). Morphological autonomy: Perspectives from Romance inflectional morphology. Oxford: Oxford university press, 2011. xix + 481 p. ISBN 978-0-19-958998-2

Рецензируемая книга представляет собой результат работы исследовательской группы, возглавляемой известным британским лингвистом Мартином Мейденом¹. В течение нескольких лет участники группы изучали глагольные парадигмы романских языков с точки зрения диахронии. Исследователи опирались на теорию морфом, предложенную Марком Ароновым и разработанную М. Мейденом.

Термин «морфома» был введен в книге Марка Аронова «Morphology by itself: Stems and inflectional classes» («Морфология сама по себе: основы и флективные классы»). Автор

отстаивал независимость морфологии от других уровней языка, в частности, рассматривая явления, которые ранее классифицировались как грамматическая омонимия. Так, латинская глагольная основа, называемая Ароновым «третья основа», служит для образования супина, причастия прошедшего времени и футурального причастия. Поскольку у каждой глагольной лексемы формы всех трех категорий имеют одинаковую основу, это совпадение нельзя назвать результатом фонетических процессов, ср. формы *laudatum, laudatus, laudaturus* глагола *laudo* 'хвалить'; *latum, latus, laturus* глагола *fero* 'нести'. Однако данные основы, как доказал Аронов, не обладают и теми семантическими и морфосинтаксическими компонентами, которые могли бы объяснить их формальную общность. Следовательно, заключает Аронов,

¹ См. страницу группы в Интернете: <http://www.mod-langs.ox.ac.uk/romance-morphology/index.html>

между морфосинтаксическим уровнем и уровнем фонетической репрезентации существует еще один уровень, который он предлагает называть «морфомным». Морфома, по Аронову, – это функция, которая соединяет данную клетку парадигмы данной лексемы с определенной фонетической формой. Таким образом, если в парадигме данной лексемы несколько форм обладают одинаковым формальным выражением, но их грамматические признаки невозможно свести к общему знаменателю, это означает, что они принадлежат к одной морфеме. На материале множества неродственных языков автор показал, что описание языка, игнорирующее автономный морфологический уровень, будет либо неполным, либо чрезмерно громоздким.

Многие авторы книги пользуются аппаратом так называемых инференциально-реализационных моделей морфологии, восходящих к «словесно-парадигматическим» теориям (Word and paradigm theory, см. [Matthews 1972], а также краткий обзор в [Плунгян 2011]). Такие модели, в частности теория парадигматических функций [Stump 2001], наиболее близки к морфомной теории Аронова. Инференциальными называют модели, которые отказываются от понятия морфемы как самостоятельно существующей значащей единицы; в рамках таких моделей принято считать, что в лексиконе хранятся только корни и основы, а применение определенных правил позволяет получить окончательные флективные формы. В реализационных моделях основа сразу охарактеризована по всем грамматическим значениям, а не приобретает их по мере прибавления аффиксов. Парадигматическая функция соединяет клетку парадигмы с ее фонетической оболочкой с помощью реализационных правил (см. также [Аркадьев 2004]). В более поздних вариантах [Stump 2002] теория парадигматических функций постулирует два типа парадигм: синтаксический и морфологический. Клетки синтаксической парадигмы заполняет лексема с определенным набором морфосинтаксических функций; клетки морфологической парадигмы заполняет основа данной лексемы также с набором морфосинтаксических функций. Существуют определенные правила, устанавливающие соответствие между двумя типами парадигм, причем в некоторых случаях две (или более) клетки синтаксической парадигмы могут соответствовать одной клетке морфологической парадигмы (синкретизм, см. [Ваегман et. al 2005; Аркадьев 2006]). Как видим, здесь, как и в теории Аронова, переход от морфосинтаксиса к фонетике пропускается через некий фильтр, на котором особая функция соединяет клетки парадигмы с их фонетической оболочкой.

М. Мейден в ряде работ развил морфомную теорию на материале глагольного словоизменения различных романских языков ([Maiden 1999; 2001; 2005] и др.). Мейден утверждает, что доказательство психологической реальности морфомы следует искать в диахронии. Если набор клеток с разными грамматическими функциями и с общим формальным выражением остается неизменным вопреки фонетическим процессам, это означает, что на морфомном уровне этим клеткам соответствует одна функция. В парадигмах романского глагола Мейден выделяет несколько наборов клеток, соответствующих этим требованиям. Изначально несколько различных фонетических процессов привели к тому, что основы некоторых клеток стали отличаться от остальной парадигмы. Поскольку распределение этих клеток было регулярным, оно было морфологизировано и превратилось в морфому. Таким образом, Мейден дополняет теорию Аронова двумя важными деталями: во-первых, он показывает, что морфомный уровень не статичен и что новая морфома может возникнуть вследствие определенных фонетических процессов; во-вторых, он подчеркивает, что противопоставление одного набора клеток другому отражает стремление говорящих к формальной усложненности выражения.

Хотя «Морфологическая автономность» и обладает формальными признаками монографии (разбиение на главы, общий список литературы в конце), ее скорее следует признать сборником статей: 19 глав книги написаны разными авторами (или группой авторов) и посвящены узкоспециальным вопросам. Несмотря на то, что характеристика концепции Аронова дается во введении, в главах, затрагивающих проблемы морфом, она каждый раз излагается заново. Кроме того, некоторые исследования опираются на другие теории, такие как теория парадигматических функций или теория оптимальности.

Книгу открывают полемические статьи Стивена Андерсона (Stephen Anderson) и Мартина Мейдена (Martin Maiden), посвященные особенностям спряжения презенса индикатива в одном из диалектов романшского языка. Характерной чертой этих спряжений является отличие основ 1pl и 2pl презенса индикатива от остальных основ парадигмы (ср. спряжение романшского глагола *deir* 'говорить': 1sg *dei*, 2sg *deist*, 3sg *dei*, 1pl *schagn*, 2pl *schez*, 3pl *deian*). М. Мейден считал, что клетки 1sg, 2sg, 3sg и 3pl презенса индикатива относятся к одной морфеме, которую предлагал называть N-моделью (N-pattern) [Maiden 2005]. С. Андерсон в главе «Обусловленная ударением алломорфия в сумиранском (романшском)»

(«Stress-conditioned allomorphy in Sumiran (Romantsch)», с. 13–35) предлагает особую интерпретацию подобного распределения форм для сумиранского диалекта романшского языка. Не отрицая, что для других романских языков морфомное объяснение может быть верным, он напоминает, что такое объяснение является неким «последним прибежищем» в том случае, если морфосинтаксические и фонетические факторы исключены. Для романшского спряжения, утверждает Андерсон, возможен фонетический анализ в рамках теории оптимальности. Предлагается считать, что обе основы презенса индикатива записаны в лексиконе, а их выбор зависит от двух ограничений: редуцированные гласные не могут быть ударными, а полные – безударными. Этот алгоритм хорошо описывает распределение почти всех основ презенса индикатива в романшском; отдельно отмечается, что речь идет именно о фонологическом процессе, так как правила распределения основ в отглагольных дериватах подчиняются тем же принципам. Тем не менее, существует несколько исключений, для объяснения которых приходится вводить дополнительные правила. Так, некоторые глаголы имеют только одну (безударную) основу, и в таких случаях они по умолчанию спрягаются с наращением *-esch-*.

В ответной статье, озаглавленной «Морфомы и “Обусловленная ударением алломорфия” в романшском» («Morphemes and ‘Stress-conditioned allomorphy’ in Romansh», с. 36–50), М. Мейден обращает внимание на то, что теоретические предпосылки его оппонента не совпадают с его собственными. По мнению Мейдена, если в нескольких близкородственных языках наблюдается некоторый феномен, не следует рассматривать его изолированно в каком-то одном языке, тем более, если в остальных языках он уже был подробно проанализирован. Кроме того, Мейден указывает, что теория Андерсона не дает ответа на вопрос, что обуславливает выбор той или иной основы в целом ряде случаев. Сам М. Мейден доказывает, что распределение основ в отглагольных дериватах является результатом уже не действующих фонетических процессов. Что касается аугмента *-esch-*, то он появляется только в одном спряжении, а значит, его необходимо отнести к морфологическим явлениям. Тем не менее, Мейден не отказывается полностью от фонетического анализа, предлагая считать, что и фонетические правила, и морфомное распределение играют свою роль при выборе той или иной основы.

Несколько глав книги вносят непосредственный вклад в дальнейшую разработку морфомной теории.

Глава Саши Гальи (Sacscha Gaglia) «Репрезентационные аспекты морфомных чередований гласных» («Representational aspects of morphomic vowel variation», с. 95–118) посвящена взаимодействию морфомного распределения и фонологических правил в итальянских диалектах. Автор выделяет три типа вокалических чередований в корне: метафонию, то есть изменение ударных гласных под влиянием последующих гласных; варьирование предударных гласных; гармонию гласных. Исследование Гальи показывает, что все эти явления в той или иной мере подверглись морфологизации. О том, что метафония «морфомизируется», говорят два факта. Во-первых, распределение корней с метафонией в глагольном спряжении соответствует распределению так называемой «комплементарной N-модели» – клеток, которые противопоставлены N-модели (то есть все клетки за вычетом 1sg–3sg и 3pl презенса индикатива). Во-вторых, повышение *o > u* в некоторых глаголах (*odo* ‘я слышу’, *udire* ‘слышать’) не является регулярным правилом в итальянском языке. О морфологизации варьирования предударных гласных говорит тот факт, что определенные корневые гласные приобретают грамматическое значение. Так, например, метафония *o > u* блокируется у существительных ж. р., потому что корневой /o/ ассоциируется с женским родом (ср. *vutsi’seddu* ‘голосок’ м. р. и *votsi’sedda* ‘голосок’ ж. р.). Следовательно, заключает Галья, и глагольные чередования должны анализироваться как морфологизированные, то есть морфомные.

Следует отметить, что Галья называет «морфологизацией» появление морфосинтаксических функций (различение грамматического рода) у фонетических чередований. Однако, как мы помним, морфомами называют регулярные чередования, которые не имеют ни фонетического объяснения, ни морфосинтаксических функций; таким образом, представляется неясным, почему Галья считает исследуемые вокалические чередования морфомными.

Пол О’Нил (Paul O’Neil) в главе «О понятии “морфома”» («The notion of the morpheme», с. 70–94) рассматривает две проблемы. Во-первых, он задается вопросом, может ли существовать алломорфия внутри морфомы. Так, у некоторых португальских сильных глаголов в клетках так называемой морфомы РУТА² встречается две основы: одна для 3sg претерита (*fez, estev-*), а другая для всех остальных клеток (*fiz, estiv-*). Кроме того, такие глаголы обладают еще одной интересной особенностью.

² К модели РУТА относятся парадигмы претерита, имперфекта конъюнктива и футурума конъюнктива (см. [Maiden 1999]).

стью: вне зависимости от их спряжения, все они в парадигмах РУТА присоединяют тематическую гласную /ε/, не относящуюся ни к одному из трех португальских спряжений (с тематическими гласными /a/, /e/, /i/). Приведя схожий пример из каталанского спряжения, О'Нил заключает, что единственный способ объяснить подобное явление – признать, что морфема характеризуется не полной идентичностью форм, а противопоставлением одного набора клеток другому. Чтобы доказать, что морфема – это именно набор клеток, а не конкретные идентичные основы, он приводит в пример изменение тематических гласных морфемы РУТА в одном из диалектов астурийского. В первом спряжении астурийские диалекты демонстрируют /a/ во всех подпарадигмах. Тем не менее в тех вариантах, где /a/ в претерите перешло в /e/, эта тематическая гласная распространяется и на остальные парадигмы РУТА. Это убедительно показывает, что в сознании говорящих данные клетки парадигмы входят в один набор, даже если формально их основы не отличаются от остальной парадигмы.

В главе «Романский императив, нерегулярная морфология, синкретизм и морфема» («The Romance imperative, irregular morphology, syncretism and the morpheme», с. 119–134) Эндрю Сверинген (Andrew Swearingen) ставит вопрос о критерии «семантической несхожести», который необходим для того, чтобы набор клеток считался морфемой. Отметим, что, когда в контексте морфемной теории говорят о семантике, речь обычно идет о семантике грамматических категорий (очевидно, что у разных форм одной лексемы лексическая семантика одинакова); в том же значении могут употребляться термин «морфосинтаксическая функция». Клетки, относящиеся к разным морфемам, могут иметь и общие грамматические значения. Например, к N-модели относятся формы 1–3sg и 3pl презенса индикатива, то есть формы с одинаковым темпоральным и модальным значением. Однако теми же значениями обладают и формы 1–2pl, которым противопоставлены формы N-модели. Следовательно, если грамматическое значение X категории P является общим для клеток, относящихся к морфеме и находящихся вне ее, оно нерелевантно. Теперь предположим, что нам необходимо определить, является ли некоторый набор клеток морфемой. Допустим, что эти клетки охарактеризованы по грамматическим категориям P, Q, S, причем все эти категории релевантны. Чтобы набор был признан морфемой, должны ли значения всех категорий различаться у всех клеток, или возможно некоторое совпадение? Э. Сверинген приходит к выводу, что здесь

играет роль количество клеток, входящих в потенциальную морфему. Если их всего две, то они должны иметь различные значения в категориях P и Q, а лучше – во всех трех категориях. Формы 2sg императива и 3sg презенса индикатива имеют различные значения в категориях «модальность» и «лицо», но общее значение в категории «число»; следовательно, грамматические различия достаточны для того, чтобы считать их одной морфемой. Если клеток больше, то нет необходимости, чтобы все клетки набора имели уникальное грамматическое значение. Например, формы 1–3sg N-модели имеют общее значение в категории «число» и разное значение в категории «лицо». Этого было бы недостаточно для выделения их в морфему, однако форма 3pl, также входящая в N-модель, отличается от всех остальных по категории «число»; это отличие мешает свести грамматические характеристики четырех клеток к общему знаменателю, что и необходимо для выделения морфемы.

Кроме того, Сверинген стремится определить, как морфемное распределение, которое обуславливает совпадение основ, взаимодействует с синкретизмом, то есть с полным совпадением форм. У многих форм 2sg императива и 3sg индикатива наблюдается синкретизм. Более того, известны случаи, когда изменение формы императива приводило к изменению всей N-модели. Так произошло в некоторых говорах Абруццо, где сочетание императива *da* 'дай' и местоименной клитики *la* привело к появлению новой формы императива *dalla* 'дай', которая впоследствии повлияла на формы презенса индикатива: *dalla* 'он дает' *della* 'ты даешь' и т. д. Тем не менее синкретизм 2sg императива и 3sg презенса индикатива часто оказывается менее устойчивым, чем единообразие N-модели. Сверинген обращает внимание на то, что императив выступает как словообразовательная основа (например, в композитах типа исп. *lavavajillas* 'посудомоечная машина', букв. 'мой-посуду'). Сравнив императив и 3sg презенса индикатива по частотности употребления, он делает вывод, что высокая частотность императива обеспечивает ему особый статус в парадигме и высокую автономность (см. [Bybee 1985]). Таким образом, императив, в силу своего особого статуса, может спорадически влиять на остальные формы, но о регулярном синкретизме или о включении его в N-модель говорить нельзя.

Глава Макса Вилера (Max Wheeler) «Об эволюции одной морфемы в каталанском спряжении» («The evolution of a morpheme in Catalan verb inflection», с. 183–209) посвящена возникновению явления, которое он называет «велярная морфема». Суть этого явления в

следующем: около сорока наиболее употребительных каталанских глаголов демонстрируют одинаковую основу (на велярный) в L-модели³, модели РУТА и в причастии. Тщательный

анализ старокаталанских документов, начиная с самых ранних памятников, показывает, как распространялась основа с велярным в L-модели и в модели РУТА.

	L-модель		Модель РУТА		причастие
<i>pic</i>	<i>pigui</i>	<i>pigui</i>	<i>pigues</i>	<i>pogut</i>	
<i>pots</i>	<i>piguís</i>	<i>pigués</i>	<i>piguessís</i>		
<i>pot</i>	<i>pigui</i>	<i>pigue</i>	<i>pigue</i>		
<i>podem</i>	<i>podem</i>	<i>piguérem</i>	<i>piguérem</i>		
<i>podeu</i>	<i>podeu</i>	<i>piguereu</i>	<i>piguereu</i>		
<i>poden</i>	<i>puguin</i>	<i>piguéren</i>	<i>piguéren</i>		

Автор утверждает, что аналогическое распространение шло не от презенса к претериту, как обычно говорится в исторических грамматиках, а от претерита к презенсу, то есть от модели РУТА к L-модели. Несколько глаголов демонстрируют велярную основу не во всех клетках «велярной морфемы», что может вызвать сомнения в ее реальности. Однако, во-первых, эти глаголы являются наиболее частотными (например, *ser* 'быть', *haver* 'иметь', *saber* 'знать'), а значит, они устойчивы к изменениям. Во-вторых, в диалектах каталанского велярная основа распространяется на все необходимые клетки, ср. норм. *fos* и диал. *sigués* 'чтобы он был', норм. *veiés* и диал. *vegués* 'чтобы он увидел'. В некоторых диалектах, напротив, распространение получает альтернативная основа: например, основа презенса конъюнктива *fas* 'чтобы я сделал' появляется в имперфекте конъюнктива: *fes* >> *facés*. По мнению Вилера, это доказывает, что морфема, включающая L-модель, модель РУТА и причастие существует независимо от велярного наращения.

На это, однако, можно возразить, что в действительности альтернативные основы появляются только в парадигмах конъюнктива. Ни одного примера, где альтернативная основа распространялась бы на все клетки «велярной морфемы», Вилер не приводит. Также следует отметить, что, по данным каталанских прескриптивных грамматик [Castellanos i Vila 1999], у самых употребительных глагольных лексем велярный стремится инкорпорироваться в корень (носителям не рекомендуется употреблять инфинитивы *sapiguer* 'знать' и *poguer* 'мочь'). Следовательно, аргумент об устойчивости самых употребительных форм нельзя признать убедительным. Если считать, что клетки, в которых появляется основа на велярный, относятся к одной морфеме, придется

признать, что в каталанском спряжении морфема не абстрактный набор клеток, а вполне конкретная основа, маркированная определенным образом.

Три главы книги посвящены изучению неканонических парадигм в рамках метода, разработанного Корбетом и Баерманом ([Baerman et al. 2005; Corbett 2007] и др.). Каноническими являются парадигмы с одно-однозначным соответствием между клетками и формами (в которых каждая клетка парадигмы заполнена одной и только одной формой, и каждая форма заполняет одну и только одну клетку). К отклонениям относятся такие явления, как разная структура форм (например, синтетические и перифрастические формы у одной лексемы), разная основа (алломорфия и супплетивизм) и одинаковые флексии (синкретизм).

Анна Торнтон (Anna Thornton) предлагает добавить еще один тип неканонического поведения парадигм. Ее исследование представлено в главе «Избыточность (несколько форм для одной клетки): неканоническое явление в итальянской глагольной морфологии» («Overabundance (Multiple forms realizing the same cell): A non-canonical phenomenon in Italian verb morphology», с. 358–381). Избыточность – свойство, противоположное дефектности парадигмы, оно присуще клеткам, которые заполняются более чем одной формой (Торнтон приводит примеры не только двух, но и трех и четырех способов заполнения некоторых клеток). В данной главе исследуется избыточность в итальянском спряжении. Внутри одного из типов неканонического, отклоняющегося строения парадигм автор стремится выявить канонические случаи отклонения – варианты заполнения клетки, выбор между которыми не был бы обусловлен никакими стилистическими, диалектными или семантическими факторами. Выделяется два класса факторов: экстралингвистические (диахроническое и территориальное варьирование) и собственно лингвистические (фонетические, синтаксические, семантические и прагматические). Если

³ К L-модели относятся клетки 1sg презенса индикатива и всей парадигмы презенса конъюнктива (см. [Maiden 2005]).

территориальные и диахронические варианты (например, *chiedo / chieggo* 'я прошу') обычно нельзя признать каноническими, то синтаксические, семантические и прагматические факторы, как показывает Торнтон, не оказывают влияния на появление того или иного варианта; поэтому дублиеты типа *perso / perduto* 'потерянный' являются каноническими. Особо Торнтон останавливается на морфологических факторах и взаимодействии избыточности и морфом. Исследование показывает, что вариативность чаще появляется именно в клетках, относящихся к какой-либо морфеме (например, варьируются формы с наращением *-isc-* и без него), причем если вариативность устраняется, то обычно парадигма не выравнивается, а сохраняет морфомное распределение.

В статье Марка Аронова и Чжена Чу «Реализационный подход к полному и частичному совпадению форм в рамках теории оптимальности» («A realization Optimality-Theoretic approach to full and partial identity of forms», с. 257–286) предлагается модель описания синкретических словоформ. Распределенная морфология предлагает для описания синкретизма механизм, называемый «обеднение-и-вставка» (*improverishment-plus-insertion*). В соответствии с этим механизмом, менее маркированная форма влияет на более маркированную; происходит удаление характеристики, свойственной более маркированной форме (обеднение), и добавление характеристики менее маркированной формы (вставка). Авторы статьи приводят несколько случаев синкретизма, которые не могут быть описаны таким образом. К примеру, двунаправленный синкретизм (*bidirectional syncretism*), описанный в работе [Baerman et al. 2005], представляет собой систему, в которой часть форм категории *x* имеет выражение, типичное для категории *y*, в то время как часть форм категории *y* имеет выражение, типичное для категории *x*. Например, для латинского склонения характерно различие в маркировании номинатива и аккузатива, причем у значительного количества существительных номинатив маркируется суффиксом *-us*, а аккузатив – суффиксом *-um*. Но существуют и примеры синкретического маркирования номинатива и аккузатива и с тем и с другим суффиксом: *bellum* 'война' ном. sg. / acc. sg., *vulgus* 'толпа' ном. sg. / acc. sg. М. Аронов и Чжен Чу утверждают, что для описания синкретизма больше подходят модели, в которых синкретичные формы одновременно получают одинаковое выражение. Все изложенные проблемы может решить предлагаемая авторами реализационная модель теории оптимальности. В этой модели ключевыми являются ограничения

на соответствие выходов словоформ (*output-to-output correspondence*), которые являются приоритетными по отношению к реализационным правилам. Ограничения этого типа задают соответствие новой формы базовой форме. Правила для порождения нужных синкретичных форм в латинском склонении ранжируются следующим образом: у существительных среднего рода выражение аккузатива и номинатива в единственном числе совпадает; у существительных типа VULG выражение номинатива и аккузатива в единственном числе совпадает; номинатив маркируется суффиксом *-us*; аккузатив маркируется суффиксом *-um*. Кроме того, между правилами соответствия выходов и реализационными правилами добавляется запрет на множественное выражение грамматического значения (*feature split*). Предложенный авторами механизм позволяет дать непротиворечивое описание синкретических латинских форм, а также некоторых других трудных случаев. Тем не менее Аронов и Чжен Чу не отрицают, что множество явлений требуют комбинированного фонетико-морфологического подхода, который еще нуждается в разработке.

Дадим краткую характеристику остальным главам книги. В главе «Акцентологические модели романских глагольных словоформ» («Accentual patterns in Romance verb forms», с. 51–69) Юдит Майншефер (Judith Meinschaefer) демонстрирует, что морфологические и фонетические факторы в равной степени влияют на организацию глагольных парадигм; Вито Пирелли (Vito Pirelli), Марчелло Ферро (Marcello Ferro) и Базилио Кальдероне (Basilio Calderone) представляют процесс изучения глагольных парадигм в смоделированной нейронной сети (глава «Изучение парадигм во времени и пространстве: вычислительное доказательство для романских языков», «Learning paradigms in time and space: Computational evidence from Romance languages», с. 135–157); в главе «Спряжения и сложные основы в испанских глаголах: свойства обобщения и эффект прайминга» («Conjugations and complex stems in Spanish verbs: Generalization properties and priming effects», с. 158–180) Рафаэль Линарес (Rafael Linares) приводит результаты психологических экспериментов, которые доказывают, что автономный уровень морфологии имеет психологическую реальность; в главе «Метафония в глаголах третьего спряжения на *u(C)* *C-ir* и *-o(C)C-ir*: данные современного галисийского и средневекового галисийско-португальского» («Metaphony in Portuguese 3rd class *-u(C)* *C-ir* and *-o(C)C-ir* verbs: Evidence from modern Galician and medieval Galician-Portuguese», с. 210–234) Марии Гольдбах (Maria Goldbach)

указывается, как литературная норма взаимодействует с «естественными» лингвистическими факторами; Ана Луиш (Ana Luís) в главе «Морфомная структура и интеграция заимствованных глаголов: данные португальских креолов» («Morphomic structure and loan-verb integration: Evidence from Lusophone creoles», с. 235–254) приводит доказательства того, что автономные морфологические явления свойственны даже креольским языкам; Марк-Оливер Хинцелин (Marc-Olivier Hinzelin) демонстрирует, как связаны синкретизм и супплетивизм и какую роль в строении парадигм играют гибридные формы, составленные из двух супплетивных основ («Синкретизм и супплетивизм в галло-романских глагольных парадигмах», «Syncretism and suppletion in Gallo-Romance verb paradigms», с. 287–311); Джон Чарльз Смит (John Charles Smith) исследует выравнивание глагольных парадигм в канадском варианте французского языка и делает вывод, что они подчиняются ссылочному правилу (глава «Вариативный анализ глагольной флексии в канадском французском», «Variable analyses in (mainly) Canadian French», с. 311–326); в главе исследовательницы Чинции Русси (Cinzia Russi) «Клитики итальянских *verbi procomplementari*: что это такое?» («Clitics of Italian *verbi procomplementari*: What are they?», с. 382–400) рассматриваются итальянские «местоименные глаголы», в которых клитика, выраженная косвенным местоимением, превращается в флексию; глава Микеле Лопоркаро (Michele Loporcaro) «Синкретизм и нейтрализация в маркировании романского объектного согласования» («Syncretism and neutralization in the marking of Romance object agreement») посвящена различным типам объектного согласования у перифрастических глагольных форм.

Две заключительные главы посвящены перифразам и их связи с автономной морфологией. Кэтрин Тейлор (Catherine Taylor) в главе «Перифразы в романских языках» («Periphrasis in Romance», с. 401–416) анализирует перифразы с точки зрения теории парадигматических функций. Хотя традиционно перифразы относили к области ведения синтаксиса, в последнее время их предлагается рассматривать как морфологическое явление. Перифрастическая парадигма обладает теми же морфосинтаксическими свойствами, что и синтаксическая парадигма; однако проблема в том, что слова, составляющие перифразу, обладают своим набором грамматических характеристик, которые не совпадают с характеристиками самой перифразы. Модель абстрактных парадигм, созданная в рамках теории парадигматических функций, помогает описать перифразы как парадигматическое явление. На первом этапе формы, не имеющие грамматического и лексического значения, получают индекс-

сы, благодаря которым на втором этапе получается необходимая фонетическая реализация для данной клетки.

Найджел Винсент (Nigel Vincent) в главе «Нефинитные формы, перифразы и автономная морфология в латыни и романских языках» («Non-finite forms, periphrases and autonomous morphology in Latin and Romance», с. 417–435) пытается ответить на вопрос, можно ли считать, что перифрастические парадигмы полностью аналогичны синтетическим. Н. Винсент выделяет четыре стадии развития перифрастических конструкций: обычные синтаксические конструкции (лат. *est amans* 'он любит'), частично морфологизированные конструкции (лат. *amaturus est* 'он будет любим'), перифразы (фр. *il a aimé* 'он любил') и полностью морфологизированные перифразы (ит. *amerebbe* 'он любил бы' < *amare habuit*). Проанализировав латинские причастия прошедшего, настоящего и будущего времени, автор приходит к выводу, что перифразы являются особым инструментом, позволяющим достроить необходимые части парадигмы. Но, видимо, не существует систем, где все парадигмы являются перифрастическими. Для парадигм перифразы выступают дополнительным подспорьем, но не основным принципом построения, и поэтому, с точки зрения автора, их нельзя относить к явлениям автономной морфологии.

Как видим, рецензируемая книга очень разнообразна по материалу и методам, которыми пользуются авторы. Она, безусловно, не дает полного и цельного представления о феномене автономной морфологии – для этого лучше послужат классические работы Аронова и Мейдена, а также Баермана и Корбета. Однако это издание отражает все наиболее актуальные проблемы, занимающие сейчас морфологов, а материал, на котором выполнено большинство работ, наглядно демонстрирует, как много осталось нерешенных вопросов даже в описаниях таких хорошо изученных языков, как романские.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аркадьев 2004 – П.М. Аркадьев. [Рец. на:] G.T. Stump. Inflectional morphology. A theory of paradigm structure. Cambridge, 2001 // ВЯ. 2004. № 2.
- Аркадьев 2006 – П.М. Аркадьев. [Рец. на:] M. Baerman, D. Brown, G.G. Corbett. The syntax-morphology interface. A study of syncretism. (Cambridge studies in linguistics. 109) Cambridge, 2005 // ВЯ. 2006. № 5.
- Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Общая морфология. М., 2011.
- Baerman et al. 2005 – M. Baerman, D. Brown, G.G. Corbett. The syntax-morphology inter-

- face. A study of syncretism. Cambridge, 2005.
- Bybee 1985 – *J.L. Bybee*. Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam, 1985.
- Castellanos i Vila 1999 – *J.A. Castellanos i Vila*. Quadern. Normativa bàsica de la llengua catalana. Barcelona, 1999.
- Corbett 2007 – *G.G. Corbett*. Canonical typology, suppletion, and possible words // *Language*. 2007. V. 83. № 1.
- Kiparsky 2000 – *P. Kiparsky*. Opacity and cyclicity. *The linguistic review*. 2000. V. 17.
- Maiden 1999 – *M. Maiden*. «Perfecto y tiempos afines». *History of an Ibero-Romance morpheme // Oxford working papers in linguistics, philology and phonetics*. 1999. № 4.
- Maiden 2001 – *M. Maiden*. Di nuovo sulle alternanze velari nel verbo italiano e spagnolo // *Cuadernos de filología italiana*. 2001. № 8.
- Maiden 2005 – *M. Maiden*. Morphological autonomy and diachrony // *Yearbook of morphology 2004*. Dordrecht, 2005.
- Matthews 1974 – *P. Matthews*. Morphology: An introduction to the theory of word structure. London; New York, 1984.
- Stump 2001 – *G.T. Stump*. Inflectional morphology. A theory of paradigm structure. Cambridge, 2001.
- Stump 2002 – *G.T. Stump*. Morphological and syntactic paradigms: Arguments for a theory of paradigm linkage. *Yearbook of morphology 2001*. Dordrecht, 2002.

В.С. Люцина

Сведения об авторе:

Валентина Сергеевна Люцина
Институт языкознания РАН,
krotcaja@gmail.com

Эволюция ценностей в языках и культурах / Отв. ред. И.А. Седакова. М.: Пробел-2000, 2011. 240 с.

Сборник «Эволюция ценностей в языках и культурах» был подготовлен и опубликован (правда, совсем небольшим тиражом в 80 экземпляров) в рамках исследовательской программы Президиума РАН (2008–2011). Большая часть содержащихся в нем работ написана представителями Московского семиотического круга и Люблинской школы этнолингвистики. Опубликованные в сборнике статьи тематически разнородны: как отмечает в предисловии И.А. Седакова, они «посвящены... разным ценностным концептам в разные эпохи и основываются на разном материале» (с. 4), в том числе, и на материале разных языков: русского, польского, южнославянских, итальянского... К тому же опубликованные исследования носят интердисциплинарный характер «с применением социолингвистических, этнолингвистических, социологических, литературоведческих и культурологических методов» (там же). Предисловие заканчивается констатацией того, что иерархия ценностей очень динамична, и высказывается предположение, что, «возможно, аксиологическая картина значительно изменится вместе с изменениями политической жизни в стране и ростом протестных настроений в обществе¹ и получит новое содержание и новую прагматику» (с. 6).

¹ Имеются в виду события декабря 2011 года в России, только начавшие развиваться на момент сдачи книги в типографию. – *Е.В.*

В открывающей сборник статье И.А. Седаковой «Метаморфозы социокультурных ценностей: Вводные замечания» снова подчеркивается, что ценности – категории переменные, меняющиеся в зависимости от самых разных факторов (религиозных, политических, идеологических, гендерных, возрастных и т. д.). По мнению автора, одной из отличительных особенностей современной «картины ценностей» является то, что она разительно отличается от пропагандировавшейся еще около тридцати лет назад, что порой приводит к ощущению размытости ценностных ориентиров и возникающему в связи с этим у людей чувству неуверенности. С другой стороны, меняются не только ценности, но и «их репрезентации и способы их подачи» (с. 8), а также оценочные коннотации лексики (как подчеркивает И.А. Седакова, «ценность может выступать синонимом концепта» [с. 10]). Эти положения общетеоретического характера иллюстрируются в статье на примере эволюции интерпретации концептов *старость* и *аппетит* в «современной картине мира» в сравнении с «традиционной» (с. 11): так, если «[в] традиционном обществе старость воспринимается как логическое развитие, естественный процесс, идти наперекор которому считалось невозможным», то в современном обществе, напротив, «наблюдается геронтофобия... старость воспринимается как болезнь, неестественное состояние, деградация, и ей объявлена война, что особенно от-

кровенно проявляется в рекламе» (с. 12). То же относится и к понятию *аппетит*: если в «традиционном» обществе, ассоциируясь с работоспособностью, здоровьем и красотой, *аппетит* только приветствовался, «современное» общество объявило ему – как и *старости* – войну (с. 15–16).

Остальные представленные в сборнике статьи сгруппированы по трем разделам. Первый из них открывает статья «Толерантность и ее значимость для XXI века», написанная одним из основателей Московского семиотического круга Вяч.Вс. Ивановым и посвященная истории формирования принципа толерантности, «главным вехам подхода к нему у мыслителей последних столетий и преломлении этих идей в новейшей литературе» (с. 19). Как подчеркивает исследователь, «современный подход к толерантности основан на понятии *диалога*» (там же), соотношения «Я» и «Ты» – в связи с чем он обращается, в частности, к анализу работ Л. Фейербаха и М. Бубера, М. Бахтина и Г. Когена. «Проблема толерантности и терпимости в отношениях между людьми и группами людей (расовыми, этническими, национальными, классовыми, партийными, кастовыми, религиозными) становится все более жгучей», – пишет Вяч.Вс. Иванов (с. 23). Излагая затем свои мысли по поводу актуальности самого понятия *толерантности*, исследователь одновременно задается и вопросом о том, в какой степени его соображения «могут оказаться практически применимыми» (с. 29). По его мнению, среди проблем, которые в принципе необходимо затронуть при серьезном освещении вопроса о толерантности, – проблема «порога толерантности» (там же), а также проблема организации борьбы за толерантность, связанная с вопросом о языке: «[Н]а каком языке сегодня нужно говорить о толерантности, чтобы быть понятым максимальным числом читателей в разных странах» (с. 33)?

В этой же части книги опубликована статья Н.Н. Запольской «*Спасение, любовь, милосердие*: К вопросу о языковом моделировании культурных ценностей». Н.Н. Запольская обращается к трем соответствующим базовым ценностным категориям, особенно настаивая в связи с их анализом на сосуществовании и конкуренции в России церковной и секулярной аксиологий.

Две другие работы, представленные в этом разделе, – польских исследователей Е. Бартминьского и С. Небжеговской-Бартминьской – впервые публикуются по-русски (по-польски они были опубликованы в 2003 и в 1996 гг. соответственно). Е. Бартминьский обсуждает в своей статье «[м]есто ценностей в языковой картине мира», а его люблинская коллега –

«[к]онститутивные ценности польского народного сонника». В статье Е. Бартминьского анализируется само понятие *языковой картины мира* (см., например, с. 54 и сл.) и приводятся аргументы в пользу того, что «языковая картина мира... зависит (производна) от фиксированной, явным или скрытым образом, системы ценностей. Они связаны с точкой зрения и перспективой взгляда на мир. Ценности являются фактором, который управляет построением видения действительности через опытный (экспериментер) и концептуализирующий субъект, т. е. через сообщество носителей языка или единицу творения, таким образом формируя фактор, интегрирующий элементы языковой картины мира, приняты[е] в традиции. В результате ценности определяют культурную и общественную тождественность носителя языка» (с. 55). Однако, как подчеркивает польский исследователь, «[т]о, что ценности представляют собой обязательный, релевантный элемент языка и языковой картины мира... не означает, что все в языке аксиологически одинаково маркировано, а означает лишь то, что ценности всегда каким-то образом присутствуют в языке» (там же). Статья Е. Бартминьского особенно интересна еще и потому, что в ней обсуждаются разные концептуальные наполнения ключевого для данного сборника понятия *ценность*: в том числе, *ценность* в аксиологическом понимании и *ценность* в смысле сосюррианского понятия *valeur* (с. 69–70). Кроме того, как отмечает автор, говоря о ценностях, в данной статье он сам имеет в виду прежде всего «то, что в свете языка и культуры люди считают ценным», и не обращается при этом «к общей типологии ценностей и разделению на ценности абсолютные и субъективные, декларированные или приобретенные из опыта» (с. 53). Исследователя больше интересуют «характеристики вещей и сами вещи, в том числе понятийные сущности, положения, состояния и ситуации, правила, функционирующие как “идеи-проводники”, являющиеся предметом стремлений или желания обладать, мотивирующие состояния и положения людей, также вдохновляющие их на определенную деятельность» (с. 53–54). «Можно сказать, – подчеркивает Е. Бартминьский, – что я понимаю ценности в рамках народной философии» (там же). В статье С. Небжеговской-Бартминьской описывается следующая (семиотическая) особенность сонников как собрания фольклорных текстов особого жанра: «один и тот же образ может оцениваться [в них] различно» (с. 82). К примеру, сон об *огне* в польском народном соннике может толковаться как позитивно («солнце», «радость» и т. д.), так и негативно («плохой человек», «хлопоты» и т. д.), что «со-

ответствует сложности стереотипа огня в народной культуре...» (с. 83). Поэтому, как считает польская исследовательница, «основой, на которую опирается толкование и заключенная в нем оценка, перестает быть сам предмет, а становится признак этого предмета, эксплицируемый при помощи прилагательного» (с. 84).

Некоторые представленные в книге исследования имеют, как полагает ее редактор (см. «Предисловие»), «более ярко выраженную социолингвистическую направленность» (с. 5): это прежде всего работа М.А. Осиповой «Ценности, деньги и дискурс» и статья исследовательницы из Ленинграда и Хайфы М. Еленевской «Дорогие наши столицы: образ российского мегаполиса в Рунете». Анализируя концепт *деньги*, автор первой статьи приходит к выводу о том, что «в жизнедеятельности россиян сформировался типовой смысловой конструкт “ведущее к деньгам (включающее деньги); то, к чему следует стремиться; хорошее” в противопоставлении “не ведущее к деньгам (не включающее деньги); то, к чему не следует стремиться; плохое”» (с. 98). М. Еленевская же исследует представление оживившейся в Рунете в последнее время дискуссии о Москве и Петербурге – городах, противопоставляемых по целому ряду признаков. К статьям М.А. Осиповой и М. Еленевской примыкают в сборнике статьи С.А. Сидневой и М.М. Макарецва. В первой работе, озаглавленной «Концепты *dolce vita* и *dolce far niente* в русской лингвокультуре», в свете общей проблемы заимствования обсуждаются, соответственно, «сладкая жизнь» и «сладкое ничегонеделанье». При этом автор приходит к выводу, что последний концепт может являться частью первого, однако «“сладкое ничегонеделанье” представлено как позитивный феномен», тогда как «[к]онцепт *dolce vita* как ценность имеет неоднозначную трактовку» (с. 148). В статье М.М. Макарецва «Проблема идентичности и система ценностей у носителей славянского говора *in statu moriendi*» говорится, в частности, о ценности «малого языка» в связи с проблемой идентичности у носителей современного островного славянского говора в селе Бобоштица в Албании; подчеркивается, что именно язык как одна из базовых ценностей жителей Бобоштицы (речь в статье заходит также о религии, образовании, чувстве и образе родины – родного села) подвергается в последнее время наиболее очевидным изменениям: из средства коммуникации этот язык (называемый македонским / болгарским / славянским / *кайнас* [с. 152]) постепенно превращается в знак идентичности (с. 167).

В последней части сборника объединены статьи, посвященные ценностям в «лагерной» прозе: это исследование И.А. Седаковой «Ак-

сиологический статус вещи (по материалам книги Е. Гинзбург “Крутой маршрут”)), а также статья-комментарий и «заметки» Т.М. Николаевой («Эволюция ценностей в экстремальных условиях. Комментарий к воспоминаниям Валентины Леонидовны Горбуновой (Номикос)» и «Воспоминания В.Л. Горбуновой (Номикос). Заметки публикатора» соответственно) к публикуемым ею «лагерным» мемуарам ее тети «Воспоминания о тюрьме и лагере (март 1937 – июнь 1945)». В работе И.А. Седаковой особое внимание обращается на контрастность предметов в двух мирах (на свободе – в заключении) в прозе Е. Гинзбург, причем соответствующие оппозиции рассматриваются в свете основополагающей аксиологической пары «жизнь – смерть» (с. 172), а также в свете других противопоставлений («свое – чужое», «позитивное – негативное» и т. д.). Оппозиция двух миров (свобода – заключение) проходит красной нитью и через весь текст В.Л. Горбуновой. Комментируя ее воспоминания, Т.М. Николаева делает акцент на типологии эволюции ценностей при полном изменении образа жизни человека в ГУЛАГе; ценности при этом подразделяются на а) вечные или неизменяемые (по крайней мере, для одного человека), б) появившиеся новые, в) прежние и потерявшие свое значение и г) прежние «минимизированные», которые в условиях заключения вышли вдруг на одно из первых мест (с. 185).

Как можно видеть, при всем разнообразии содержания опубликованных в сборнике исследований их объединяют рассуждения большинства их авторов о *картине мира*. Однако в большинстве статей (см., правда, выше о статье Е. Бартминьского как исключении из этого общего правила) этот концепт присутствует как изначально данный, он несколько не ставится под сомнение и никак не определяется – как и такие понятия, как *ключевые слова культуры, ценности или стереотипы* (отношения между двумя последними не всегда эксплицируются). Большинство авторов настаивают на изменении *картины мира* во времени – однако иногда рассуждают о «русской лингвокультуре» в целом, обращаясь в качестве источников как к текстам современной рекламы и «наименованиям фирм и организаций», так и к художественной литературе XIX века (с. 135–136). И если можно согласиться с утверждением М.А. Осиповой о том, что «о языковой картине мира обычно говорят в связи с лексикой» (с. 93), не будет ли противоречить самому понятию *картины мира* утверждение, что «[с]мысловые конструкты никогда не будут равнозначны для всех представителей одной культуры» (с. 99)? В одной из статей сборника «концептология», предполагающая обращение к *картине мира*,

называется «одним из наиболее актуальных направлений лингвистики» (с. 135). Последнее утверждение, конечно, требует уточнений, ведь есть страны и целые лингвистические «традиции», где «концептология» вообще не привлекает к себе внимания языковедов. Точно так же вряд ли можно согласиться с утверждениями о том, что «сегодня в центре внимания лингвистов находится дискурс» (с. 92) или о том, что «традиционно лингвисты говорят об оценке, социологи – о ценностях, а социальные психологи – об аттитюдах» (с. 93): идет ли, опять-таки, в данном случае речь вообще обо *всех*, в том числе и «традиционных» лингвистах?..

С другой стороны, большинство опубликованных в сборнике исследований объединяет – и это отмечается в предисловии – их «доминирующий метод», который определяется как «семиотический», предполагающий в данном случае использование бинарных оппозиций как «методологического приема» (с. 4). Так, уже в первой статье сборника И.А. Седакова отмечает, что для «оценки ценности» очень важно понятие *нормы*, тогда как любое отклонение может считаться антиценностью (оппозиция «норма – отклонение от нормы» [с. 15]); на некоторые «традиционные для русской культуры бинарные оппозиции» указывает и Вяч.Вс. Иванов (с. 35). В статье Н.Н. Запольской противопоставлены церковная и секулярная культуры, а в исследовании М. Еленевской по ряду признаков противопоставляются Москва и Петербург. Исследуя польский народный сонник, С. Небжеговская-Бартминьская пишет, что «[о]ценка, то есть осознание (и даже восприятие) элементов действительности (окружающего мира) в качестве “хороших” и “плохих” является сутью функционирования сонника как особого жанра и составляет основной принцип, на котором базируется интерпретация образов сновидений» (с. 81); опора на оппозицию «свое – чужое» помогает М.М. Макареву подробно описать меняющуюся систему ценностей жителей славяноязычного села в условиях «чужого» (иноязычного) окружения. Наконец, как уже отмечалось выше, бинарная оппозиция «свобода – рабство» является одной из ключевых для всех текстов, опубликованных в заключительной части сборника, где речь заходит о лагерях и о лагерной прозе.

Сведения об авторе:

Екатерина Валерьевна Вельмезова
Лозаннский университет

Вместе с тем бинарные оппозиции, являющиеся одним из основных методов работ московских семиотиков, конечно, восходят к более ранним их исследованиям, однако не ограничиваются при этом использованием их только Московским семиотическим кругом. Так, обсуждая «аксиологическую семантику» польского исследователя Т. Кшешовского и ее «бинаризм», Е. Бартминьский пишет: «Такая модель, построенная на оппозициях, не является новой в науке. Напротив, она была ядром структуралистского (якобсоновского) бинаризма, эквивалент которого по отношению к культуре путем экстраполяции создал К. Леви-Стросс» (с. 52); далее (с. 53) в этой же статье указываются работы польских этнографов (И. и Р. Томицких) и российских «семиотиков» Вяч.Вс. Иванова, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян и Н.И. Толстого (интересно, согласился бы сам Н.И. Толстой считать себя семиотиком? – *Е.В.*), продолжающих работу в рамках этой модели.

С другой стороны, в ряде работ сборника очевидно намечается выход за пределы модели бинарных оппозиций (ср. ту же эволюцию – в частности, переход от бинарных оппозиций к тернарным – в поздних работах Ю.М. Лотмана). Так, в статье о лагерной прозе Е. Гинзбург И.А. Седакова пишет следующее: «Оппозиции могут быть контрастными, как черное и белое, как заключение и свобода, а могут иметь более сложные переходные тона, в зависимости от того, с чем сравнивается тот или иной объект» (с. 173) – в терминах Н.С. Трубецкого, оппозиции не обязательно должны быть привативными (бинарными), но могут быть и градуальными.

Как подчеркивает ответственный редактор сборника И.А. Седакова, «важность статей о современной иерархии ценностей, публикуемых в... сборнике, состоит в том, что они отчасти отражают взгляд на ценности в России начала второго десятилетия XXI века» (с. 6). Однако помимо этого сборник дает представление и о ряде исследований семиотической направленности в современной России. Поэтому рецензируемая книга может представлять интерес для исследователей в самых разных областях гуманитарного знания.

Е.В. Вельмезова

Книга В.В. Шаповала является результатом многолетнего интереса автора, с одной стороны, к цыганскому языку и, с другой, к различного рода аргю. В основу монографии легли ранее опубликованные статьи автора, прежде всего, [Шаповал 2007; 2008а; 2008б]. Предмет исследования – слова цыганского происхождения, встречающиеся в жаргонных словарях русского языка. В.В. Шаповал последовательно доказывает, что цыганские слова не являются сколько-либо значимой частью русского жаргона, а те слова, которые отмечены в жаргонных словарях, обычно занесены в словарь неправоммерно и реально в русском аргю не употребляются.

Влияние цыганского языка на языки окружения интересовало ученых с самых первых исследований, посвященных цыганскому языку, ср. [Miklosich 1876]. Статья А.П. Баранникова [Баранников 1931] – первое исследование влияния цыганского на русский язык – логично вписывается в тематику подобных исследований, которые в 30-е гг. прошлого века велись с особой интенсивностью, ср. статьи о заимствованиях в голландский [Kluuyver 1934], в эстонский [Ariste 1935], итальянский [Pasquali 1935], шведский [Ward 1936] и др. языки. Интерес к теме влияния цыганского на языки окружения сохраняется и в исследованиях последних двадцати лет, ср. сборники [Bakker, Cortiade (eds.) 1991] и [Matras (ed.) 1998]. Появление книги, обобщающей, анализирующей и во многом пересматривающей выводы существующих работ о влиянии цыганского на русское аргю и в целом на русский язык, безусловно, имеет значение для цыгановедения как в России, так и в других странах.

Монография В.В. Шаповала состоит из введения, двух глав, заключения и приложения. Во введении автор приводит аргументы в пользу полновесного исследования вклада цыганского языка в словарный состав русского аргю, в частности, ссылается на то, что после статьи А.П. Баранникова 1931 г. не только не было ни одной работы, которая бы критически проанализировала весь список жаргонизмов, выявленных Баранниковым, но и ни один из изданных после 1931 г. словарей русского жаргона не анализировался на наличие цыганизмов за пределами этого списка.

Первая глава рецензируемой книги посвящена обсуждению выводов статьи Баранникова и приведенных в ней объяснений цыганских слов, а также уточнению списка цыганизмов словаря С.М. Потапова 1927 г. [Потапов 1927], который послужил основным источником для исследования Баранникова. Анализ, проведенный В.В. Шаповалом, показывает, что хотя

структура и отчасти основные идеи статьи Баранникова оказали влияние на другие исследования, посвященные влиянию цыганского на аргю, ср. [Костов 1956; Horbatsch 1978], выводы статьи часто не выдерживают критики. В работе Баранникова выявлено 113 словарных позиций (некоторые из них представляют собой сочетания слов), из которых, по мнению В.В. Шаповала, 39 элементов не имеют к цыганскому языку никакого отношения, ср. латинизм *лярва*, гебраизм *хавир*, офенское *шурье* и т. п. Например, Баранников считает цыганским слово *бета* 'барышня', сопоставляя его с ново-инд. *beṭī* 'девочка', отсутствие же этого слова в известных цыганских диалектах он объясняет тем, что оно «могло быть случайно не зарегистрировано» [Баранников 1931: 154]. В.В. Шаповал же видит в этом мнимом «цыганизме» женский род известного в условных языках слова *бетот* 'этот' (с. 58)¹. Те же слова из списка Баранникова, которые можно признать цыганскими, вызывают определенные сомнения в связи с надежностью основного источника – словаря С.М. Потапова. Из 113 цыганских слов, проанализированных Баранниковым, 107 позиций взяты из словаря Потапова, при этом 106 из них появились впервые по сравнению со словарем того же автора 1923 г. Большинство из них так и осталось гапаксами, не отмеченными в других словарях. На самом деле словарь 1927 г. содержит гораздо больше слов и выражений цыганского языка. Фразы и словосочетания Баранников анализировать отказался, так как «трудно считать их постоянными компонентами аргю» [Баранников 1931: 158]. В.В. Шаповал подробно разбирает все 24 фразы и словосочетания из словаря и приходит к выводу, что эти весьма неточно записанные выражения использовались как источник слов в основном алфавитном порядке словаря. Таким образом, есть основания полагать, что значительная часть материала из словаря Потапова не имеет никакого отношения к русскому жаргону. Стоит также отметить, что некоторые, по всей видимости, цыганские слова не были опознаны Баранниковым, это справедливо относительно числительных, например, словарная статья *шелкапчук* '100' раскладывается на два элемента – цыг. *шл* 'сто' и тюрк. *капчук* 'мешок, кошель' > '100 рублей'. Некоторые слова, наличествующие в словаре Потапова, не были

¹ Добавим от себя, что согласно *-t-* в новоиндийском слове *beṭī* (ср. прапракритское *biṭṭī*) в цыганском никак не может соответствовать *-t-*, так как др.-инд. *-t-* > цыг. *-rr-(-ř-)*, а др.-инд. *-t-* > цыг. *-r-*.

опознаны Баранниковым вследствие неверной их передачи, одна из основных причин этому – неправильное прочтение букв в записях, ср. *джи* вместо *джа* ‘иди’ (с. 49) или *як* ‘спички’ у Потапова и рус.-цыг. *яг* ‘огонь’ (с. 52). Проведенный В.В. Шаповалом анализ цыганских слов и фраз в словаре Потапова показывает, что значительная часть материала была извлечена не из русской, а из цыганской речи, что еще раз свидетельствует в пользу того, что «“цыганские элементы” словаря русского жаргона 1927 г. в массе своей к собственно русскому жаргону отношения не имеют» (с. 55).

В первой главе автор также обращается к вопросу о диалектной принадлежности записей словаря Потапова. В статье Баранникова приведены 11 слов, которые по своим фонетическим и морфологическим характеристикам относятся к сэрвицкому диалекту цыганского языка, носители которого преимущественно проживают на территории Украины и в южных областях России. Еще 24 элемента из пропущенных Баранниковым в словаре Потапова, по мнению В.В. Шаповала, также можно отнести к языку цыган-сэрвов. Остальные слова за редким исключением не подлежат какой-либо четкой диалектной классификации. Такой географический и диалектный «уклон» цыганских элементов словаря Потапова наводит на мысль, что данный материал мог быть собран при агентурной разработке (с. 67).

Во второй главе автор анализирует материал трех жаргонных словарей, вышедших в девяностые годы [Миляненок 1992; Балдаев и др. 1992; Балдаев 1997] (последние два издания отличаются друг от друга только наличием у первого еще двух авторов). С помощью изощренного текстологического анализа этих словарей В.В. Шаповалу удается убедительно показать, что огромное количество приводимых там слов, в том числе все «цыганские», – вовсе не плод лексикографических изысканий авторов, а результат элементарного плагиата. Выяснилось, что источником этих слов является какой-то немецкий словарь (или несколько словарей) криминального жаргона. Более того, авторы рассматриваемых российских словарей пользовались даже не самим этим немецким изданием, а неким вторичным – причем одним и тем же – «протографом», т.е. сделанными от руки некачественными выписками из этих немецких словарей. Из каких именно – точно не известно, но очень вероятно, что это были словари [Polzer 1922] (непрофессиональная компиляция других словарей) и [Wolf 1956]. В отличие от российских жаргоноведов, Вольф всегда приводит жаргонный источник, из которого взято то или иное слово, и сопровождает ненемецкие слова пометами, указывающими на происхождение, например, из цыганского языка или идиша. Поэтому нередко В.В. Шаповалу удается уста-

новить опубликованный ранее первоисточник и в деталях реконструировать судьбу слов, после вековых скитаний – с грубейшими и многократными искажениями – очутившихся в российских словарях. Ошибки же при выписывании слов – сначала немецкими авторами из их источников, затем анонимными компиляторами из немецкого словаря, а потом уже авторами российских словарей из этих выписок – наслаивались друг на друга, создавая эффект снежного кома, порой приводя к курьезам.

Так, очень непростой «жизненный путь» прошло слово *вуравель*, приводимое всеми тремя российскими словарями со значением «вошь» и с пометой «мн.», т.е. «слово международного жаргона». Оказывается, это слово введено в научный обиход академиком В. Зуевым в 1787 г., который в своих «Путешественных записках» [Зуев 1787: 182] привел фразу с переводом на язык белгородских цыган: «Ета птица летает тихо. Откадай чирикли вуравель на фарте» (с. 75), в которой слово «вуравель» значит ‘летает’. Затем А.Ф. Потт, знаменитый немецкий индоевропеист, почти 60 лет спустя приводит это слово в следующем виде: «*Wurawel* (volat) Sz., vgl. Laus.-Wend. worac (arare)» [Pott 1845: 79]. Помета «Sz.» – это отсылка на труд Зуева, а «Laus.-Wend.» – сокращение «Lausitz-Wendisch», тогдашнего немецкого названия серболужицкого языка². Это слово приводит в 1922 г. немецкий же исследователь В. Польцер, по-видимому, не вникавший в пометы и усмотревший в первой части сокращения «Laus.-Wend.» хорошо знакомое ему немецкое слово *Laus* («вошь»), и словарная статья приняла вид «*Wurawel Laus*». Отсюда это слово, зажившее новой жизнью, прямо или опосредованно, попало в российские словари. (Оно приводится и Вольфом, отмечающим, кстати, что истинное его значение – ‘летает’.) Российские авторы «добросовестно» транскрибировали кириллицей немецкое *Wurawel*, прибавив на конец мягкий знак, и снабдили слово ударением (видимо, руководствуясь своим чутьем!), так что получилось «вуравель, мн. [международный жаргон] вошь». Таким образом, пишет В.В. Шаповал, *вуравель* ‘вошь’ – это лексикографическая мнимость «в кубе» (с. 76).

Автор приводит десятки таких «детективных историй» (рассматривается всего 186 слов). Процесс копирования слов из немецких источников сопровождался на каждом шагу регулярно совершаемыми ошибками: чисто зрительное смешение букв, неправильная их фонетическая трактовка, неверное копирование толкования слова или же ошибочное его осмысление и др. Читатель видит, какие ловушки ожидают его на

² При этом само этимологическое сближение Потта, как справедливо указывает автор, некорректно.

каждой странице многочисленных современных словарей жаргона (ведь эти слова продолжают «кочевать» в дальнейшие издания). Мало того, что исследователи не сомневаются в подлинности и правильности этих слов, но и не ставится под вопрос даже их принадлежность к русскому жаргону, хотя на самом деле – парадоксальным образом – все эти «жаргонные», т.е. якобы разговорные слова, являются чисто книжными заимствованиями из издания в издание.

Нам представляется небезынтересным то обстоятельство, что из точно не выявленного немецкого словаря (в основном, видимо, Польцера) выписывались преимущественно цыганские и еврейские слова (судя по пометам Вольфа «Zig.» и «Jidd.»). В словарь Польцера они попали неслучайно: Польцер сам указывает, что включает их *наряду* с собственно жаргонными словами, характерными для преступников. Впрочем, этот словарь адресован правоохранительным органам (с. 72), из чего следует, что тогдашняя немецкая полиция проявляла особый интерес к евреям и цыганам. А вот чем руководствовались российские авторы, выбирая в основном как раз эти слова, остается только гадать... Таким образом, В.В. Шаповал не только предостерегает читателя от излишней доверчивости, но и наглядно вскрывает «творческую лабораторию» авторов рассматриваемых словарей.

В заключении В.В. Шаповал подводит итоги анализа цыганской лексики в русских жаргонах, делая вывод, что компиляция разных источников может превратиться в «анонимную и даже нелокализуемую фальсификацию» (с. 161).

Приложение к рецензируемой монографии содержит список ошибок прочтения букв и составленную на их основе таблицу.

Изложим несколько своих замечаний.

Автор подробно разбирает содержание статьи Баранникова (с. 24–38), а также других исследователей цыганских заимствований в русском аргоне, см., например, [Бондалетов 1965; Horbatsch 1978; Быков 1994; Грачев 1997; Елистратов 2000], однако в книге практически полностью отсутствуют какие-либо отсылки и сопоставления с исследованиями по влиянию цыганского на языки и жаргоны окружающего населения в других странах. Вероятной причиной является труднодоступность многих цыгановедческих работ на территории России, тем не менее привлечение материала других стран могло бы существенно расширить выводы монографии. В целом изложение мыслей автора последовательно и логично, однако изменение структуры некоторых глав могло бы облегчить восприятие обширного материала. Например, в первой главе повествование начинается с работ, на которые оказала влияние статья Баранникова, и лишь потом автор переходит к анализу самой статьи.

Хотя большинство из многочисленных ссылок оформлено правильно, встречаются и неверные отсылки (например, на с. 64 должно быть указано «Баранников 1931а», а не «Баранников 1931»), а местами ошибки носят систематический характер, ср. «Шаповал 2009р» (с. 69 и 174). Часто система внутритекстовых отсылок имеет несколько уровней, например, на с. 67 автор для понимания слова *ракзура* отсылает к п. 15, который оказывается пунктом 16, который в свою очередь отсылает к другому пункту на более ранней странице, при этом толкование слова «жеребец» несколько не помогает понять читателю смысл первого предложения. Все это, безусловно, может запутать неискушенного читателя.

Интересная тема диалектной принадлежности цыганских слов и фраз в анализируемых словарях иногда получает неверную трактовку. Так, обсуждение диалекта цыган-влахов, на котором говорят на территории Украины и России (с. 62), содержит несколько неточностей: во-первых, непонятно, почему автор называет влахов «сербиянами»; во-вторых, именование глагольной основы *драб-ар-* «гадать» влашской вносит некоторую двусмысленность и в любом случае неверно. В диалекте влахов используется другая основа *врис-кир-* «гадать», основа *драб-ар-* действительно встречается у котляров, но говорить об исключительно влашском его происхождении тоже не совсем точно.

Не совсем корректно, на наш взгляд, приводятся многие цыганские формы. Автор указывает, что «цыганские слова в латинской транслитерации, если нет иных отсылок, взяты из базы лексикографических данных сайта ROMLEX [http://romani.uni-graz.at/romlex]» (с. 28), причем как правило с английским переводом. Это решение не кажется оптимальным, так как, во-первых, на этом сайте есть русские переводы приводимых слов, а во-вторых, там нет ударений. Получается, что автор их поставил сам (разумеется, поставил правильно)... Но тогда зачем ссылаться на Ромлекс, при том, что в Ромлексе все эти слова почерпнуты из доступных словарей (в частности [Баранников, Сергиевский 1938]), в которых есть и ударения, и русские переводы? Вот как, например, приводится, одно из слов: «цыг. севернорусск. потырдэла «покурит» / potîrdêla v tr/itr l. smoke.» (с. 40). Здесь перевод «l. smoke» (с ненужной цифрой) явно только запутывает, а латинская транскрипция абсолютно излишня.

Наконец, лучшего оставляет желать работа издателя. В одном-двух местах типографские огрехи затрудняют восприятие текста (например, с. 73).

Несмотря на все эти замечания, следует отметить в высшей степени оригинальную, интересную и остроумную книгу В.В. Шаповала как ценный вклад в целый ряд филологических дисциплин.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Балдаев 1997 – Д.С. Балдаев. Словарь блатного воровского жаргона. М., 1997.
- Балдаев и др. 1992 – Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы. Одинцово, 1992.
- Баранников 1931 – А.П. Баранников. Цыганские элементы в русском воровском аргю // Язык и литература. 1931. Т. VII.
- Баранников, Сергиевский 1938 – А.П. Баранников, М.В. Сергиевский. Цыганско-русский словарь. М., 1938.
- Бондалетов 1965 – В.Д. Бондалетов. Цыганизмы в составе русских условных языков // Язык и общество. Саратов, 1965.
- Быков 1994 – В.Б. Быков. Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Смоленск, 1994.
- Грачев 1997 – М.А. Грачев. Русское аргю. Нижний Новгород, 1997.
- Дьячок, Шаповал 1988 – М.Т. Дьячок, В.В. Шаповал. Русские арготические этимологии // Русская лексика в историческом развитии. Новосибирск, 1988.
- Елистратов 2000 – В.С. Елистратов. Словарь русского аргю. М., 2000.
- Зуев 1787 – В.Ф. Зуев. Путешественные записки Василья Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб., 1787.
- Костов 1956 – К. Костов. Цыгански думи в българските тайни говори // Известия на Института за български език. 1956. Кн. IV.
- Мильяненков 1992 – Л.А. Мильяненков. Словарь жаргонных слов и выражений // Л.А. Мильяненков. По ту сторону закона: энциклопедия преступного мира. СПб., 1992.
- Потапов 1927 – С.М. Потапов. Словарь жаргона преступников (блатная музыка). М., 1927.
- Шаповал 2007 – В.В. Шаповал. Цыганские элементы в русском воровском аргю? (размышления над статьей акад. А.П. Баранникова 1931 г.) // Вопросы языкознания. 2007. № 5.
- Шаповал 2008а – В.В. Шаповал. Новые «цыганизмы» в русских жаргонных словарях // Вопросы языкознания. 2008. № 6.
- Шаповал 2008б – В.В. Шаповал. Переоцінка внеску українського циганського діалекту до російського злочинського жаргону у світлі критики сумнівного джерела 1927 р. // Наукові записки Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського. «Роми України: із минулого в майбутнє». 2008. Т. 15.
- Ariste 1935 – P. Ariste. Mustlas-sõnu cesti keeles // Eesti keele arhiivi toimetised. 1935. № 3.
- Bakker, Cortiade 1991 – P. Bakker, M. Cortiade (eds). In the Margin of Romani. Gypsy languages in contact. Amsterdam, 1991.
- Horbatsch 1978 – O. Horbatsch. Russische Gaunerschprache. Frankfurt am Main, 1978.
- Kluyver 1934 – A. Kluyver. Romani words in Dutch slangs // Journal of the Gypsy lore society, third series. 1934. V. 13.
- Kyuchukov, Bakker 1999 – H. Kyuchukov, P. Bakker. A note on Romani words in the gay slang of Istanbul // Grazer Linguistische Studien. 1999. № 51.
- Matras 1998 – Y. Matras (ed.). The Romani element in non-standard speech. Wiesbaden: Harrassowitz, 1998.
- Miklosich 1876 – F. Miklosich. Zigeunerische Elemente in den Gaunersprachen Europas. Sitzungberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 1876. № 83.
- Pasquali 1935 – P.S. Pasquali. Romani words in Italian slangs // Journal of the Gypsy lore society, third series. 1935. V. 14.
- Polzer 1922 – W. Polzer. Gauner-Woerterbuch fuer den Kriminalpraktiker. Muenchen; Berlin; Leipzig, 1922.
- Pott 1845 – A.F. Pott. Die Zigeuner in Europa und Asien. Bd. 1–2. Halle, 1845.
- Ward 1936 – H.G. Ward. Romani words in Swedish slang // Journal of the Gypsy lore society, third series. 1936. V. 15.
- Wolf 1960 – S.A. Wolf. Grosses Worterbuch der Zigeunersprache (romani tšiw): Wortschatz deutscher und anderer europaischer Zigeunerdialekte. Mannheim, 1960.

К.А. Кожанов, М.В. Ослон

Сведения об авторах:

Кирилл Александрович Кожанов
Институт славяноведения РАН
kozhanov.kirill@gmail.com

Михаил Владимирович Ослон
Институт славяноведения РАН
neoakut@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференция «Природа эвиденциальности» («The nature of evidentiality») и круглый стол «Документирование эвиденциальности» («Documenting evidentiality»). Лейден, 2012

С 13 по 16 июня 2012 г. Лейден можно было по праву считать мировой столицей эвиденциальности. В эти дни в Университете Лейдена проходила конференция «Природа эвиденциальности» («The nature of evidentiality»), перед которой состоялся круглый стол «Документирование эвиденциальности» («Documenting evidentiality»). По количеству представленных докладов (более двадцати докладов, пять лекций и три постера на конференции, шесть докладов на круглом столе), разнообразию тем и широте географии участников этот научный форум значительно превосходил все предыдущие конференции по эвиденциальности, включая самую первую, состоявшуюся в Беркли в 1981 г. [Chafe, Nichols 1986]. Нам уже приходилось говорить, что в последние три десятилетия мы наблюдаем значительное усиление интереса к этой грамматической категории, выражающей указание на источник информации [Макарцев 2009]: это выражается и в экспоненциальном росте публикаций по эвиденциальности, и в увеличении количества языков, в которых находят грамматические показатели эвиденциальности (до четверти от всего количества известных языков, по подсчетам А. Айхенвальд [Aikhenvald 2004: xii]), и в расширении спектра «эвиденциальных тем» (см., например, исключительно активизировавшиеся в последние пять лет исследования неграмматических средств выражения эвиденциальности, которые позволяют обнаружить эту категорию, пусть и на семантическом уровне, в языках «среднесвропейского стандарта» [Wiemer, Plungjan 2008; Wiemer, Stathi 2010] и др.).

Круглый стол накануне конференции был открыт докладом Т. Петерсона (США) «Документирование эвиденциальности: современное состояние вопроса», в котором в сжатом виде была представлена история исследования эвиденциальности. Для настоящего

этапа Т. Петерсон совершенно верно указывает на совершающийся переход от поиска концептуальной рамки эвиденциальности и определения ее основных семантических признаков к систематическому рассмотрению эвиденциального маркирования на разных языковых уровнях (семантика, синтаксис и прагматика использования эвиденциальности; эвиденциальность и дискурс). Исключительно ценным был опыт выделения «набора диагностических тестов для фиксации эвиденциальных значений» (*a /basic/ toolkit for documenting evidential meanings*): исходить было предложено из опробованных в лингвистике синтаксических и семантических тестов, и была представлена их классификация с примерами. В то же время Т. Петерсон справедливо указал, что такие тесты проверяют скорее статическое значение эвиденциалов, а реальная картина их использования в языке ускользает от взглядов исследователей. Заметим, что это, бесспорно, шаг вперед по отношению к ситуации, частой в недавнем прошлом, когда значение эвиденциалов выводилось не из тестовых контекстов, а из случаев употребления в некотором корпусе текстов (например, в художественной литературе). Здесь ни в коем случае не идет речь о преимуществе одного метода перед другим: всегда важно представлять себе, какой результат может дать тот или иной вид анализа, и исследования на основе корпуса текстов помогли заложить фундамент для создания набора тестов и определения ядерных значений эвиденциальности и ее концептуальных рамок; но теперь настает время двигаться дальше. А дальше перед нами открывается широкая перспектива, и исходить предлагается из функционирования эвиденциальности в дискурсе, нарративах и «естественных диалогах» [*natural conversation* – более подробно о перспективах этого направления говорил на круглом столе Д. Хинтц (Великобритания)], определения влияния на функционирование эвиденциаль-

ности социокультурных факторов, ее «шифтерной» (по Якобсону) природы. Как несложно заметить, эти направления уже достаточно давно были представлены в исследованиях (в частности, в том же сборнике [Chafe, Nichols 1986]). Нам представляется, что в ближайшем будущем мы увидим скорее количественные, чем качественные изменения в спектре эвиденциальных тем.

Остальные выступления круглого стола были посвящены более частным проблемам описания эвиденциальности в отдельных языках и генетически связанных группах языков. Отметим только доклад Р. Дэшен (Канада) «Что устные нарративы могут рассказать нам об эвиденциальности», в котором сравнивались записи разговорной речи носителей английского (по [Chafe 1986]) и носителей равнинного кри (алгонкинские языки). Как кажется, наиболее важным результатом сопоставления было то, что функционирование эвиденциальности может сильно варьировать от носителя к носителю, поскольку некоторые из них используют эвиденциалы для маркирования ключевых точек пространства текста; в частности, различия в стратегиях, используемых разными носителями, могут иногда быть сильнее, чем между английским и равнинным кри в целом. Синтаксический анализ выявляет в «избыточном использовании репортатива» (*reportative concord*) достаточно четкую тенденцию: показатели репортатива отмечают конец составляющих в сложном предложении. Представляется, что это – проявление тенденции, известной на материале балканских текстов, когда эвиденциальность маркирует ключевые места текста (начало, конец, границы между эпизодами – об этом см. нашу работу [Makartsev 2010]).

Структуру конференции задавали пять лекций, которые открывали утренние и вечерние заседания. В лекции П. Спиз (США) «Эвиденциальные ситуации» была сделана попытка рассмотреть эвиденциалы как операторы отношений. По словам П. Спиз, это связывает эвиденциальность с такими категориями, как время и вид, а различия между ними состоят в том, что если время и вид указывают на временные отношения, то эвиденциальность указывает на отношение между ситуациями (эвиденциальной ситуацией *ES*, дискурсивной ситуацией *DS*, информационной ситуацией *IS*). Это дает возможность классифицировать разные виды отношений между ситуациями: прямая эвиденциальность: $IS \subset ES$, $IS \subset DS$; ситуации, связанные с личным опытом говорящего (*Ego*): $IS \subset ES$, $IS \subset DS$; косвенная эвиденциальность: $IS \not\subset ES$, $IS \subset DS$; репортатив: $IS \not\subset ES$, $IS \not\subset DS$ и так далее. Эта классификация может включать заведомо больше пунктов, чем выделяется

семантических параметров эвиденциальности. Существенно, что разные виды отношений между ситуациями могут разным образом воплощаться в языках, в частности, как показывает проведенный П. Спиз анализ, в тибетском маркер *'dug* указывает на включение эвиденциальной ситуации в информационную ситуацию, а *shag* – на включение информационной ситуации в эвиденциальную. Это подводит ее к следующему выводу. Значения «косвенной эвиденциальности», «инференциальности», «визуальности» и т.д. на самом деле не являются определяющими в семантике форм, которые мы обычно называем эвиденциалами: разные отношения между свидетелем, говорящим, основанием для логического вывода (*inference*) и другими участниками эвиденциальной ситуации зависят от отношения между эвиденциальной и информационной ситуациями.

Дэниел Хинтц (Великобритания) посвятил свою лекцию категории «общего знания», которую он рассматривает как «знание, совместно создаваемое в процессе языкового взаимодействия». Это явление неразрывно связано с дискурсом и кодируется через противопоставление маркеров, указывающих на новую для говорящего информацию, получаемую в процессе общения, и маркеров, указывающих на осуществившийся факт введения этой информации в круг общих знаний собеседников. Д. Хинтц приводит примеры из кечуа и корейского языков, перечисляя и другие языки, в которых, по всей видимости, можно выделить эту категорию. При всей нетривиальности этой категории у нас вызывает сомнения, следует ли ее рассматривать как вид эвиденциальности. По крайней мере, из слов автора следует, что основное значение этой информации связано не столько со способом получения информации, сколько с делением информации по (не) принадлежности обоим участникам коммуникации (*shared knowledge/non-shared knowledge*), то есть мы имеем дело скорее с дискурсивной прагматической категорией, чем с эвиденциальностью в строгом смысле этого слова, у которой все-таки есть вполне определенные рамки. Было бы интересно проинтерпретировать категорию «общего знания» через толкование эвиденциальности как реляционной категории, предложенное П. Спиз; возможно, такой подход позволил бы ввести «общее знание» в рамки эвиденциальности. Д. Хинтц предлагает опыт интерпретации отношения «общего знания» к эпистемической модальности и указывает, что, поскольку оба эти понятия конвенциональны, их связь на самом деле зависит от того, как мы их толкуем: так, если принять определение эпистемической модальности, данное Й. ван дер Ауверой и В.А. Плуныном

[van der Auwera, Plungian 1998], то «общее знание» входит в ЭМ; если же обратиться к толкованию Я. Нейтса [Nuyts 2001], то это две непересекающиеся категории. «Общему знанию» был также посвящен доклад Дайаны Хинтц (Великобритания) – на материале языка кечуа (диалекты провинции Сихуас в центральном Перу) и Х. Бергквиста (Швеция) – на материале языка коги (колумбийские чибчанские языки).

М. Шеннер (Германия) в своей лекции «Структуры для интерпретации эвиденциальности» рассмотрел эвиденциальность с точки зрения формальной семантики и остановился на двух видах структур: (1) «эвиденциальное условие» (*evidential condition*), т.е. модель эвиденциальности как реляционной структуры; (2) моделирование функционирования эвиденциальности в контексте. М. Шеннер применил эти структуры для анализа эвиденциалов в подчиненных предложениях (*embedded evidentials*).

Ф. де Хаан (США) предложил опыт решения проблемы разграничения примеров с модальными и эвиденциальными значениями в корпусах голландского и английского языков, основанный на статистическом анализе всех возможных формально разграниченных конструкций.

Р. Дешэн (Канада) в лекции на конференции обращалась к некоторым темам, уже затронутым ею в докладе на круглом столе, но в основном сосредоточилась на гетерогенности эвиденциалов на уровне морфологии, синтаксиса и семантики, прежде всего на связи субъекта референции (*origo*, «разумный индивидуум, с чьей позиции оценивается пропозиция») и пропозиции. Она указала, что предложения с эвиденциалами следует выделить в отдельный тип, наравне с повествовательными, вопросительными и императивными, поскольку они обладают собственной «конвенциональной силой» (*conventional force*): предложения с эвиденциалами имеют «представительную силу» (*presentative force*), повествовательные предложения – ассертивную, вопросительные – силу вопроса (*asking force*), императивные – силу требования (*requiring force*), т.е. эвиденциалы отличаются от, например, повествовательных предложений тем, что часть предложения, находящаяся в сфере действия эвиденциала, не имеет условий истинности (*truth conditions*). Кроме того, было предложено дополнение к «диагностическому набору» для описания эвиденциальности с указанием, что можно проверить теми или иными тестами.

Помимо перечисленных пяти лекций, на конференции было представлено 23 доклада. Е.В. Падучева (Москва) проанализировала

некоторые русские эвиденциальные маркеры (*я вижу, явно, оказалось / оказывается, кажется*) и указала на грамматическую конструкцию, которую можно связать с эвиденциальностью: она рассмотрела предложения *Бутылки не было в холодильнике* и *Бутылка не была в холодильнике*. Первое из этих предложений указывает на то, что говорящий открыл холодильник и лично убедился, что там нет бутылки (прямая эвиденциальность), а второе – что говорящий увидел бутылку где-то в другом месте, скажем, на столе, и пришел к выводу, что бутылка не в холодильнике (автор использует термин *inferentiality* ‘инференциальность’). Это подводит Е.В. Падучеву к проблеме наблюдателя (*observer*): конструкции, в которых подразумевается наблюдатель (такие как *На дороге показался всадник*, ср. **На дороге показался я*), следует рассматривать как эвиденциальные. Такой анализ включает эвиденциалы в группу эгоцентрических показателей (*egocentrals*, в другой терминологии *indexicals*).

К. Хенгевельд (Нидерланды) и М.М. Далл’Аглиу Аттнер (Бразилия) предложили новаторский взгляд на внутреннюю структуру категории эвиденциальности. На материале 64 языков Бразилии они рассмотрели четыре эвиденциальных: репортативность, вывод (*deduction*), инференциальность (*inference*), восприятие события при помощи чувственного восприятия (*event perception*), и пришли к следующему выводу: все перечисленные субкатегории на самом деле действуют на разных уровнях грамматической структуры, репортативность – на межперсональном уровне (*interpersonal level*), а остальные три категории – на разных сегментах уровня репрезентации (*representational level*). Это позволяет объяснить, во-первых, почему разные субкатегории эвиденциальности встречаются в языках с разной частотой, а во-вторых, почему они могут использоваться совместно.

М. Фаллер (Великобритания) вернулась к проблеме связи эпистемической модальности и эвиденциальности. В качестве диагностического теста было выбрано так называемое «модальное подчинение» (*modal subordination*) (ср. *A thief_i might break into the house. #He_i will take the silver* ‘Вор мог бы пробраться в дом. Он возьмет серебро’ vs. *A thief_i might break into the house. He_i would take the silver* ‘Вор мог бы пробраться в дом. Он мог бы взять серебро’). Если эвиденциальность является подвидом эпистемической модальности, то следует ожидать, что эвиденциалы будут управлять «модальным подчинением», требуя в своей сфере действия использования эпистемических конструкций. По мнению автора, немецкий материал подтверждает эту гипотезу: *Diebe_i sollen im*

Museum eingebrochen haben 'Как говорят, воры пробрались в музей'. *Sie_i könnten das Silber mitgenommen haben* 'Кажется, они взяли серебро'. $\vee$ *Sie_i haben wohl das Silber mitgenommen* 'Я думаю, что они взяли серебро'. $\vee$ *Sie_i sollen das Silber mitgenommen haben* 'Как говорят, они взяли серебро'. #*Sie_i haben das Silber mitgenommen* 'Они забрали серебро'. Впрочем, автор добавляет, что это не универсальная особенность, например, в японском маркер репортажа не участвует в модальном подчинении и поэтому скорее всего не имеет модального характера. Следовательно, это едва ли можно считать доказательством модального характера эвиденциальности как языковой категории без отношения к конкретному языку. Мы же отметим, что в русском языке, на наш взгляд, вполне возможны предложения *Как говорят, воры пробрались в музей. Они-то и взяли серебро*, т. е. при вынесении подлежащего в топик необходимость в модальном подчинении пропадает. Поэтому нельзя считать результаты таких тестов решающими для определения семантики эвиденциалов, пока мы не будем до конца уверены, что именно проверяют эти тесты.

Остальные доклады, представленные на конференции, также были интересны, но из соображений места мы ограничимся перечислением докладчиков с указанием ключевых положений их докладов¹.

М. Гонзалес, П. Росеано, Х. Боррас-Комес и П. Прието (Испания) рассмотрели дополнительные средства эвиденциального маркирования в каталанском языке, в частности, при помощи вспомогательных жестов. Кроме того, сопоставлялись устные и письменные пересказы текстов: в устном пересказе более часто встречаются эпистемические показатели, а в письменном – показатели непрямого эвиденциальности. Л. Ялава и Э. Сандманн (Финляндия) рассмотрели эвиденциальность в одном ряду с показателями эпистемичности и эгофориками на материале ненецкого и вутун (синотибетские языки). Л. Сан Рок, С. Флорид и Э. Норклиф (Германия) проанализировали эвиденциальное маркирование в вопросах и ее связь с эгофориками на материале двух барбакоанских языков, кечуа (Эквадор) и дуна (папуасские языки). А. Тамм (Венгрия) представила новые данные о связи эвиденциальности с генериками в эстонском языке. Н. Короткова (США) обратилась к грузинскому перфекту и его связи с эвиденциально-

стью. К. Боланьос (Германия) рассмотрела эвиденциальность в языке какуа (какуа-нуакские языки, северо-западная Амазония), придя к выводу, что в этом языке эвиденциальность возникла в результате языкового контакта с соседними языками. А. Яннакиду (США) и А. Мари (Франция) проанализировали показатели будущего времени в итальянском и греческом как эвиденциальные и эпистемические показатели и предложили описание условий выбора той или иной семантики. По их мнению, в греческом и итальянском показатели будущего времени имеют «снятую утвердительность» (*non-veridicality*), т. е. проверка значения истинности для этих конструкций не проводится. А. Цангалидис (Греция) посвятил свой доклад более подробному анализу греческих эвиденциальных маркеров, лексических (*λέει, παρακαλώ*) и «находящихся в процессе возникновения» (*emerging*) *va* и *tha*, происходящих из показателей конъюнктива и будущего времени. Г. Альбою и В. Хилл (США) обратились к «подниманию к объекту» (*raising to object*) в румынском языке, которое, по всей видимости, связано с возникновением у предложения добавочного значения непрямого эвиденциальности. М. Лэу и Й. Рурик (США) говорили о классе так называемых SV $\emptyset$ -парентетиков (ср. $\emptyset$ в предложении *It's lunchtime, I think $\emptyset$* 'Время обедать, я думаю', $\emptyset = it's lunchtime$). Р. Этхепаре (Франция) и Л. Зубельдия (США) представили доклады по эвиденциальности в баскском. М. Ан и Фунг Ха Яп (Корея и Гонконг) предложили диахронический очерк развития корейских эвиденциальных маркеров (*такэ, тамъе, тамъенсе* и *танта*). Относительная новизна этих маркеров (они возникли на протяжении последних двух веков) позволяет точно описать их в диахронии. Л. Коринг (Нидерланды) сравнила семантику и функционирование голландских глаголов *schijnen* и *lijken* 'казаться', чтобы объяснить их разное время возникновения в филогенезе детской речи. Б. Цайслер (Германия) анализировала маркеры языка ладахи (западнотибетские), иногда называемые эвиденциальными. Хотя они и могут быть связаны с некоторыми семантическими параметрами эвиденциальности, о строгих соответствиях говорить нельзя. В значении эвиденциалов в ладахи важную роль играет выделение непосредственного восприятия по отношению к другой информации, а также противопоставление «гарантируемой» (*warranted*) и «негарантируемой» информации. К. Стенцель (Бразилия) говорила о не-визуальной сенсорной эвиденциальности в языке котириа/ванано (западные туканские языки), специальный маркер которой возник, по всей видимости, не так давно на основе конструкции со

¹ Мы будем следовать порядку, в котором доклады были представлены на конференции, но в случае необходимости будем отходить от него, чтобы подчеркнуть связь между некоторыми из докладов.

значением 'производить шум'. Т. Петерсон (США) обратился к проблеме использования показателей косвенной эвиденциальности для маркирования (ад)миративности. К. Клозе (Германия) сделал опыт описания системы показателей в аймара (языки аймара, Боливия), которые традиционно связывались с эвиденциальностью, в то же время, по мнению докладчика, три обычно выделяемых в аймара в качестве эвиденциальных маркера более целесообразно описывать как фокальный маркер декларативного наклонения, полнозначный глагол со значением 'говорить' и набор флексий с эпистемическим значением.

На конференции также было представлено три стендовых доклада. А. Бугаева (Япония) представила описание эвиденциальной системы айнского языка, особенность которой состоит в том, что эвиденциальные показатели восходят к существительным и имеют разную степень грамматикализованности. Д. Форкер (Германия) рассматривала эвиденциальную систему гинухского языка (нахско-дагестанские) *sub specie* маркированности. Полезным, на наш взгляд, является опыт привязывания правил употребления эвиденциалов к жанру текста. В частности, из анализа Д. Форкер следует, что формы на *-s* на самом деле выражают не прямую эвиденциальность, как это утверждалось в некоторых других исследованиях гинухского языка, а являются немаркированными и могут выражать прямую эвиденциальность только в контекстах, где возможен выбор между *-s* и *-n* формами. Ф. Да Милано (Италия) обратилась к дейктической природе эвиденциалов, в частности, к их происхождению от дейктических показателей в некоторых языках, к интегрированности показателей эвиденциальности в

систему демонстративов и к проблеме эвиденциального маркирования первого лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Макарцев 2009 – М.М. Макарцев. Категория эвиденциальности в балканских языках: современный взгляд на проблему // Славяноведение. 2009. № 2.
- Aikhenvald 2004 – A. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford, 2004.
- van der Auwera, Plungian 1998 – J. van der Auwera, V. Plungian. On modality's semantic map. Linguistic typology. 1998. V. 2.
- Chafe 1986 – W. Chafe. Evidentiality in English conversation and academic writing // W. Chafe, J. Nichols (eds.). Evidentiality: The linguistic coding of epistemology. Norwood, 1986.
- Chafe, Nichols 1986 – W. Chafe, J. Nichols (eds.). Evidentiality: The linguistic coding of epistemology. Norwood, 1986.
- Makartsev 2010 – M. Makartsev. The elusive evidentials in translation: An analysis of one folklore text // Balkanistica. 2010. № 23.
- Nuyts 2001 – J. Nuyts. Subjectivity as an evidential dimension in epistemic modal expressions // Journal of pragmatics. 2001. V. 33.
- Wiemer, Plungjan 2008 – B. Wiemer, V.A. Plungjan (Hrsg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen. München; Wien 2008. (Wiener Slawistischer Almanach. Sdb. 72.)
- Wiemer, Stathi 2010 – B. Wiemer, K. Stathi (eds.). Database on evidentiality markers in European languages. Berlin, 2010. (Language typology and universals 63.4, 2010.)

М.М. Макарцев

Сведения об авторе:

Максим Максимович Макарцев
Институт славяноведения РАН
makarcev@bk.ru

Международная конференция «Русистика в начале третьего тысячелетия: проблемы, итоги, перспективы»

20–22 сентября 2012 г. в Петрозаводском государственном университете прошла I Международная конференция «Русистика в начале третьего тысячелетия: проблемы, итоги, перспективы». Организатором форума, собравшего ученых-славистов из России, Белоруссии, Норвегии, Эстонии, Финляндии, Японии, стала кафедра

русского языка филологического факультета ПетрГУ. Желание обсудить актуальные вопросы современной лингвистики объединило представителей как классической методологической традиции, так и новых направлений в изучении грамматики, лексики и истории русского языка.

Программа конференции, в ходе которой были заслушаны и обсуждены более трех де-

сятков докладов, посвященных проблемам теории и истории русского языка и его диалектов, помимо пленарной части включала три секционных заседания: «Проблемы теории текста и речевой коммуникации», «Проблемы частной и сравнительной грамматики» и «Вопросы ареальной лингвистики».

На пленарном заседании президент ПетрГУ В.Н. Васильев, выступивший с приветствием участникам конференции, уделил особое внимание вопросу сохранения самобытной русской речевой культуры в условиях глобализации, «размывающей» национальное своеобразие в современном мире, и продолжающегося реформирования системы образования, выразив надежду на то, что проблемы филологии в скором будущем все же окажутся в перечне приоритетных направлений развития науки, утвержденных Правительством Российской Федерации.

Первый доклад был прочитан доктором филологии по филологии из университета Тромсё (Норвегия) Т.П. Лённрот, осветившей вклад основателя и главы нестяжательства на Руси в перевод церковных памятников («Сборник Нила Сорского в древнерусской книжности: лингвистический аспект»). Т.П. Лённрот на материале «Сборника», характеризуя осуществленные Нилом Сорским более точные лексические замены при переводе древнегреческих текстов, показала несостоятельность высказанных позднейшими исследователями в адрес Нила Сорского обвинений в «критицизме» и намеренном искажении сакральных источников.

В следующем докладе «Зачины с экзистенциальным глаголом ЕСТЬ в русской поэзии XVIII–XX вв.: опыт грамматического и функционально-семантического описания» Н.В. Патроева (Петрозаводск), представив разноаспектный анализ инициальных предложений с бытийным значением в лирических текстах, показала, что множественность и неопределенность референции характеризует позицию не только субъекта, но и локализатора бытия в поэзии. Поэт по праву пророческого дара часто утверждает существование явлений не наблюдаемых, рационально не доказуемых, только интуитивно угадываемых и находящихся в столь же неоднозначно толкуемом хронотопе. Экзистенциальные зачины в лирическом роде, содержащие, как правило, панхронический по своему грамматическому значению предикат и абстрактный субъект бытия, демонстрируют прагматическую установку на выражение неких общих представлений о мироустройстве, поэтическое философствование о жизни и человеке, макро- и микрокосмосе.

Зав. кафедрой русского языка университета

Дзёти (Япония) Юкиёси Иноуэ в докладе «Вид глагола и временные предлоги *в* и *на*», уделив особое внимание общим и частным видовым значениям глаголов в русском языке – «сомкнутости», «полусомкнутости» и «несомкнутости» действия – в их соотношении с семантикой предлогов, определил действие, выражаемое глаголом совершенного вида, как «сомкнутое» с обеими крайними точками – началом и концом процесса, либо «полусомкнутое» – с одной точкой (или началом, или концом). Глаголы несовершенного вида, по мнению исследователя, отличаются «несомкнутостью» действия, за исключением общефактического значения, характеризующегося наблюдением «сверху» за точкой завершенности и самим наличием действия. Временной предлог *в* поддерживает общее представление об ограниченности сомкнутого в себе процесса некими рамками, а темпоральный предлог *на* характеризуется отсутствием такого представления.

В докладе «Динамическая теория частей речи русского языка как отражение взаимодействия мышления, языка и коммуникации» А.Л. Шарандина (Тамбов), предложившего свое видение морфологической типологии с точки зрения функционально-коммуникативного направления в современной грамматике, представлено понимание частей речи как когнитивно-функциональных категорий, в связи с чем автору представляется неправомерным рассмотрение частей речи с чисто формальных (грамматических) позиций, когда по существу исключается соотносительность языковой формы и значения. Динамический подход, по мнению А.Л. Шарандина, позволяет осмыслить систему частей речи русского языка не как их линейный набор, а как иерархическую систему.

Доклад А.С. Кулевой (Москва) «Место “усеченных прилагательных” в грамматике современного русского языка» был посвящен примерам склонения нечленных адъективных, причастных, местоименных и нумеративных форм, извлеченных автором из классических текстов (вирш XVII в., русской лирики XVIII–XX вв.), а также произведений современной отечественной поэзии. С точки зрения автора доклада, кочующее из одного источника в другой утверждение об искусственности используемых в качестве «поэтических вольностей» так называемых «усеченных» прилагательных нуждается в пересмотре: распространенность атрибутивного употребления кратких прилагательных не только в старых, но и новейших текстах, имеющая прочную опору в истории русского языка и диалектах, позволяет прийти к выводу о возможности склоняемости кратких

прилагательных в современном русском языке как специальном стилистическом средстве.

А.А. Морозова (Белоруссия), выступившая с докладом «Лексическая вариантность и ее реализация в коммуникативном процессе», определила в качестве ведущей для новейшего белорусского языка тенденцию к актуализации национальных особенностей слова и ослаблению очевидной близости части общего словарного запаса белорусского и русского языков, выявив такие источники появления лексической вариантности, как ресурсы архаического фонда, народные говоры, лексические неологизмы, заимствования (по преимуществу англицизмы и полонизмы). Лексическая вариантность, по мнению докладчика, не только образует мощный резерв для обогащения функциональных сфер литературного языка, создает условия для реализации образного потенциала, но также приводит к речевой избыточности и размыванию лексической нормы.

Н.А. Снигирева (Белоруссия) в докладе «Коммуникация как стимул территориальной омонимии в языке» предложила сопоставительный анализ лингвогеографических, структурно-семантических, этимологических данных о польских и белорусских ареальных новообразованиях и динамики развития омонимии в аспекте межъязыковых связей. Среди процессов, сопровождающих возникновение омонимических явлений, по мнению Н.А. Снигиревой, преобладают переносы значений лексико-семантических свойств известных предметов и понятий на диалектные слова и семантическое калькирование, а характер формирования новообразований, зафиксированных на северо-востоке Польши, объясняется не только их локализацией в зоне контактов польских говоров с белорусскими, интеграционными процессами в польско-балто-восточнославянском ареале, но и действием экстралингвистических факторов.

Особый интерес слушателей вызвали многие секционные выступления. На секции «Проблемы теории текста и речевой коммуникации» прозвучал доклад «Описательные предикаты в поэзии А.С. Пушкина» В.А. Кузьменковой (Москва), отметившей широкое использование Пушкиным глагольно-именных оборотов в функции семантического предиката в качестве средства усиления динамичности изображаемого, поддержки ритмики стихотворного текста, формирования категорий эмотивности и образности речи. И.Г. Горювая (Оренбург) выступила с сообщением «Лицо как репрезентант интеллектуального начала человека в картине мира А.И. Солженицына», представив анализ сложных прилагательных, выражающих концепт «Интеллект» в эпосе «Красное

колесо». Были заслушаны доклады «Способы создания иронического эффекта в миниатюрах И.А. Бунина» Е.Н. Широковой (Нижний Новгород), обратившейся к категории эмотивности и средствам ее экспликации в бунинской миниатюре «Поросята»; «Противительные союзы в простом предложении (на материале прозы Н.М. Карамзина)» Т.И. Дмитрук (Петрозаводск), посвятившей свое выступление описанию семантики и типологии монопредикативных конструкций с союзом *a*; «Названия животных и растений как тропо- и фигуροобразующие элементы фольклорного текста» А.М. Дундуковой (Петрозаводск), представившей анализ использования зоотропов в былинном жанре; «Русские устойчивые сравнения с персонажем Библии: прошлое и настоящее» И.В. Кузнецовой (Чебоксары), выявившей уже известные и новые значения оборотов с библейскими номинациями в современных художественных и публицистических текстах; «Средства экспликации дихотомии “Восток–Запад” в политическом интервью межкультурного уровня» Н.Н. Кошкаровой (Челябинск), сосредоточившей внимание слушателей на характеристике вербальных экспликативных коммуникативных намерений говорящего как представителя национальной культурно-политической элиты в жанре интервью.

Активное обсуждение отмечало работу секции «Проблемы частной и сравнительной грамматики». В докладе «Согласование сказуемого с подлежащим, выраженным счетным оборотом: современные тенденции (по данным Национального корпуса русского языка)» Ю.М. Кувшинская (Москва) определила роль сказуемых в форме ед. числа при количественно-именных подлежащих как функцию нейтрализации идей пола и количества лиц, а форму мн. числа предиката, употребляемую в современной речи в два раза чаще, в качестве основного нормативного варианта, исследователь выявила ряд факторов, влияющих на выбор одной из параллельных форм. З.И. Минеева (Петрозаводск) в докладе «Композиты *nomina agentis* в современном русском языке» рассмотрела агентивные номинации в лексико-семантическом, деривационном и прагматическом аспектах с привлечением данных Национального корпуса русского языка. А.А. Котов (Петрозаводск) в выступлении «Функционально-коммуникативные особенности использования прилагательных-предикатов в русском языке» отметил наличие лакун в существующих грамматических описаниях семантических и функциональных различий полных и кратких форм прилагательного. Значительный фактический материал был представлен в до-

кладе М.Л. Федотова и О.Ю. Чуйковой (Санкт-Петербург) «О некоторых особенностях делимитативной деривации русского глагола».

В рамках секции «Вопросы ареальной лингвистики» прозвучали следующие выступления: «Взаимодействие дискурсов информанта и собирателя в аспекте теории диалектных речевых жанров» Н.В. Большаковой (Псков), выявившей вербальные и невербальные маркеры коммуникативного поведения диалектоносителя и исследователя-диалектолога; «Семантические группы переходных глаголов в псковских говорах» З.В. Побидько (Псков), предложившей анализ фиксируемых в позиции семантического переноса транзитивных свойств многозначных глаголов на материале «Псковского областного словаря»; «Надписи на вологодских иконах XVI в.» Л.М. Козневой (Вологда), описавшей старорусскую эпиграфику иконописи из фондов Вологодского гос. историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, лишь частично включающую церковнославянские лексемы и грамматические формы и отражающую воздействие живой речи: некоторые лексико-фонетические ее особенности, формирование новых субстантивных флексий, единую форму прошедшего

времени; Н.В. Марковой (Петрозаводск) «Диалектная литература: лингвогеографический аспект», сосредоточившей свое внимание на использовании диалектизмов в современной поэзии карельских авторов.

Также на заседаниях секций были заслушаны выступления С.А. Садовникова, Е.В. Ефимовой (Нижний Новгород), В.В. Байковой, О.В. Семеновой, И.В. Матвеевой (Петрозаводск) и других молодых исследователей.

Во время заключительного заседания и работы круглого стола были подведены итоги конференции, отмечены активное участие в ней представителей вузов и исследовательских организаций разных стран евразийского континента и высокий научный уровень заслушанных докладов, предложено сделать проведение подобных встреч для обсуждения актуальных проблем русистики регулярным.

По итогам работы конференции до конца текущего года в издательстве ПетрГУ выйдет сборник докладов международного лингвистического форума.

Н.В. Патроева, А.С. Кулева

Сведения об авторах:

Наталья Викторовна Патроева
Петрозаводский государственный университет
nvpatr@list.ru

Анна Сергеевна Кулева
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
an_kuleva@mail.ru

Рабочее совещание по цыганскому языку в России

5 октября 2012 г. в Санкт-Петербурге в Институте лингвистических исследований РАН прошло рабочее совещание по цыганскому языку в России. Отечественное цыгановедение имеет долгую традицию, однако, несмотря на успешную работу отдельных исследователей, до настоящего времени у нас по большому счету отсутствовала научная цыгановедческая жизнь, в частности не проводилось ни одной специальной конференции, на которой обсуждались бы вопросы российских диалектов цыганского языка. Прошедшая в 2008 г. в Санкт-Петербурге Международная конференция по цыганскому языкознанию имела более общие цели. Нынешнее же собрание российских цы-

гановедов было призвано обсудить актуальные проблемы изучения цыганского языка и определить перспективы дальнейших исследований на территории России.

Совещание состояло из трех заседаний, в рамках которых было представлено 11 докладов. К сожалению, не все из заявленных докладчиков смогли участвовать очно – два доклада были предъявлены по скайпу.

Директор Института лингвистических исследований РАН академик Н.Н. Казанский открыл совещание и провел утреннее заседание, приняв активное участие в обсуждении докладов.

Первый доклад был подготовлен патриархом русского цыгановедения Л.Н. Черенко-

в ы м (Москва), который, к сожалению, не имел возможности присутствовать на совещании. Его доклад был представлен О.А. Абраменко и содержал подробный обзор существующих исследований по цыганским диалектам России. Л.Н. Черенков акцентировал внимание на острой необходимости записи спонтанной речи от компетентных носителей языка.

А.Ю. Русаков (Санкт-Петербург) проверил выводы статьи [Crevels, Bakker 2000] о внешнем посессоре на выборке из морфосинтаксической базы цыганских диалектов (Romani Morpho-Syntax database, <http://romani.humanities.manchester.ac.uk/rms/>). Оказалось, что конструкция с внешним посессором отсутствует в финско-цыганских диалектах, а также в диалектах, контактировавших с языками балканского языкового союза. Однако данные базы не позволяют решить ряд важных вопросов, в том числе таких как определение падежной формы местоименных клитик или различие притяжательных местоимений и форм внешней посессивности. Важная как для цыгановедения, так и для общей типологии тема внешнего посессора требует дальнейшей разработки.

В.В. Шаповал (Москва) обратился к славянскому элементу языка киселевских цыган с целью определить путь миграции этой подгруппы русских цыган. Выявленные польские (например, *вэнгло* 'угол', *дэмбо* 'дуб', *строна* 'сторона' и др.) заимствования подтверждают движение данных цыган через территорию Польши. Сравнение встречающихся в тексте русских диалектизмов (например, *сósко* 'поросенок', *заболмочндя* 'забормотал' и некоторые др.) с данными «Словаря русских народных говоров» [СРНГ 1965–2011] может лишь косвенно свидетельствовать о приходе цыган с северо-запада.

Доклад Г.Н. Цветкова (Москва), который не смог присутствовать на совещании, представила М.В. Сеславинская. Речь шла о нескольких полузабытых «тайных» словах в речи чёкеши (одной из подгрупп цыган-ловарей), применяющихся в основном как средство скрыть смысл от чужаков. Г.Н. Цветков предположил, что это остаток особого лексического пласта, активного в прошлом.

Дневное заседание было посвящено различным проблемам кэлдэрарского диалекта цыганского языка. М.В. Ослон (Москва) рассказал о работе над новой грамматикой языка цыган-кэлдэраров России. Сбор материала и составление полного списка парадигм и примеров позволяет делать нетривиальные открытия, ср. восхождение нулевого окончания и окончания *-a* в плюралисе кэлдэрарских существительных мужского рода к мужскому и среднему

роду в древнеиндийском соответственно, см. подробнее [Ослон 2012]. Существует также ряд проблем, связанных с внутрдиалектными изоглоссами, межпоколенческими различиями и новейшим влиянием русского языка.

К.А. Кожанов (Москва) представил свежесобранный материал по модальным конструкциям с глаголом *su* 'быть' в языке котляров-молдовая, в частности по ранее не описанному модальному показателю *sáhkə*, передающему ирреальные значения. Автор подробно обсудил синтаксические и семантические особенности многочисленных модальных конструкций, в том числе и в типологической перспективе.

С.А. Оскольская (Санкт-Петербург) рассказала о непростом поведении форм каритива (лишительности) в русском кэлдэрарском и показала, что эти формы требуют различного согласования в зависимости от семантики, в том числе идеи постоянного или временного отсутствия, референтности, определенности и т.д. Получены новые данные об употреблении артикля в этих конструкциях. Дальнейшая работа в этом направлении внесет ясность в давнюю проблему классификации цыганских падежей.

Последнее заседание открыл доклад Н.В. Перковой (Швеция), в котором рассматривались альтернативные общецыганскому падежному показателю *-sa* способы выражения комитативных значений в цыганских диалектах. По всей видимости, первичные средства выражения комитатива типа русского заимствуются только из тех языков, в которых имеется синкретизм комитатива и инструменталиса.

С.В. Янополь (Чудово) подробно проанализировал лексику и фразеологию, связанную с одеждой у котляров-молдовая. Использованные в докладе фотографии Е.А. Ковач наглядно проиллюстрировали освещенный материал. Молодой докладчик, являясь уроженцем и жителем табора котляров-молдовая, в тандеме с фотографом смог раскрыть труднодоступную для нецыган тему. В сегодняшней России это уникальный пример того, как носитель кэлдэрарского диалекта делает научный доклад о собственном языке.

М.В. Сеславинская (Москва) посвятила свое выступление положению цыганского языка в школе и, шире, проблеме образования цыганских детей в связи с образовательной политикой РФ. Как констатирует докладчик, цыганский язык сейчас не представлен в образовании (хотя в свое время даже были попытки обучения на цыганском языке), а нынешняя политика России (одно из ее следствий – закрытие школ) ведет к полной утрате контроля

над ситуацией, так что в целом складывается во всех отношениях прискорбная картина.

В.Г. Торопов (Иваново) рассказал о российском законодательстве относительно цыган на протяжении XVIII–XX вв. (докладчиком была проделана гигантская работа по переписке всех законов, публикация которых видится нам необходимой) и о его влиянии на цыганский язык в России. Попытки властей ассимилировать цыган, смешав их с нецыганским населением, привели к чрезвычайно трудному положению цыганского языка в современной России.

По результатам совещания планируется издание сборника статей. Также хочется надеяться, что конференции по цыгановедению станут регулярными, возможно, ежегодными.

Сведения об авторах:

Кирилл Александрович Кожанов
Институт славяноведения РАН
kozhanov.kirill@gmail.com

Софья Алексеевна Оскольская
Институт лингвистических исследований РАН
sonyrolik@mail.ru

Михаил Владимирович Ослон
Институт славяноведения РАН
neoakut@gmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ослон 2012 – М.В. Ослон. Отражение древнеиндийского среднего рода в цыганском // Вопросы языкового родства. 2012. № 8.
- СРНГ 1965–2011 – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–24 / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.; Л., 1965–1989; Вып. 25–41 / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб., 1990–2007; Вып. 42–44 / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб., 2010–2011.
- Crevels, Bakker 2000 – M. Crevels, P. Bakker. External possession in Romani // V. Elšik, Y. Matras (eds.). Grammatical relations in Romani: The noun phrase. Amsterdam; Philadelphia, 2000.

К.А. Кожанов, С.А. Оскольская, М.В. Ослон